ИСКРЫ РЕВОЛЮЦИИ

А. ПАНОВ

SHOUT
SHARE
IT

- Искры революции
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    -
    - ОБЫЧНЫЙ ЗАВОДСКОЙ ДЕНЬ
    - В «ДОМЕ ТРЕЗВОСТИ»
    - ЭТО ПО-НАШЕМУ, ПО-РАБОЧЕМУ
    - КРАСНЫЕ ФЛАГИ НА ГОРЕ
    - ПРОВОДЫ ВЕРЫ
    - ПРАВДА О ЦАРЕ
    - ВЕСНА РЕВОЛЮЦИИ
    - В ТЮРЬМЕ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    -
    - ПЕТР ДАЕТ КЛЯТВУ
    - ДЕЙСТВИЯ ШЕСТЕРКИ
    - В ДОМЕ ВДОВЫ
    - ПОД ЗВОН КОЛОКОЛОВ
    - «ОГОНЬ» В РУКАВИЦАХ
    - ЭХО ВОЙНЫ
    - ПЕРЕД БУРЕЙ
    - БУРЯ
    - ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ
    - ВСТРЕЧА С КОРОНОВАННЫМ ПАЛАЧОМ
    - К ОРУЖИЮ!
    - СКРЫЛИСЬ В ЛЕСУ
    - ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ГУДОК
    - ТОТ ЖЕ ХОЗЯИН
    - ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ
    - МЫ КУЗНЕЦЫ…
    - ПОБЕДИТЕЛИ
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1

Искры революции

МЫ ПОЖАРА ВСЕМИРНОГО ПЛАМЯ,
МОЛОТ, СБИВШИЙ ОКОВЫ С РАБА.
КОММУНИЗМ — НАШЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ,
И СВЯЩЕННЫЙ НАШ ЛОЗУНГ — БОРЬБА.

Демьян Бедный

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге нет вымышленных имен и событий. В ней говорится о людях, которые с боями прокладывали нам путь к счастью, к жизни без помещиков, без капиталистов, путь к социализму. Я рассказываю только о симских революционерах, потому не называю не менее достойных борцов за свободу из других городов.

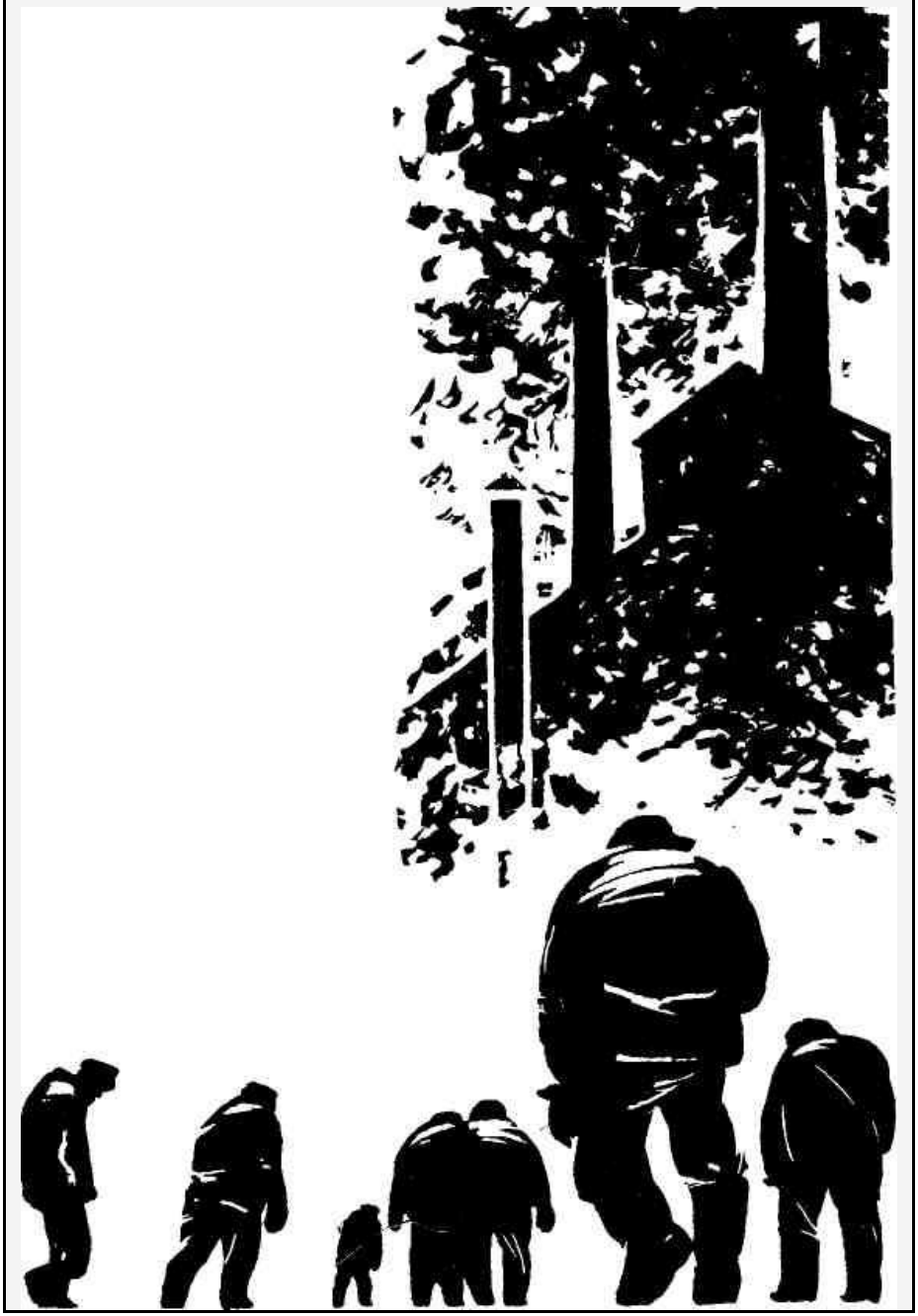
Повествование относится к годам трех революций, изменивших коренным образом жизнь человечества. Подчеркивая значение тех дней, великий Ленин писал, что «Нам надо позаботиться… о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее…» (стр. 24, том 13, 4-е издание).

Ленинский совет горячо восприняли старые большевики города Сима. Они в течение тридцати лет собирали документы и воспоминания о событиях бурных годов и активной деятельности симских революционеров. Эти материалы и легли в основу моего повествования. Я воспользовался биографиями и воспоминаниями участников трех революций и гражданской войны: Булыкина Е. И., Гузаковой-Ереминой П. В., Горбунова К. Д., Гузакова П. В., Евлампиева Б. А., Зайцева Г. А., Заикина Ф. Г., Изюмова Д. Д., Коковихина М. Н., Кадомцева Э. С., Калмыкова М. В., Кучкина А. П., Кузнецова В. И., Козлова В. П., Кувайцевой В. Н., Лебедева П. П., Лаптева Н. К., Масленникова И. Ф., Малькова Г. П., Масленникова Ф. И., Мызгина И. М., Напалкова И. Д., Рындина К. В., Салова И. Ф., Субботина А. П., Сорокина С. Д., Салова Е. Ф., Соколова В. Л., Трусова Н. И., Усачевой М. М., Харчевникова А. М., Хорькова П. Я., Шлепенкова В. Ф., Чевардина В. А., Чудинова Д. М., Чевардина А. А., Яковлева М. И.

Моими консультантами были персональные пенсионеры — Мызгин Иван Михайлович, Лебедев Павел Платонович, Напалков Иван Дмитриевич, Булыкин Евграф Иванович и Харчевников Александр Максимович.

Приношу искреннюю благодарность моим консультантам и всем написавшим воспоминания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



ОБЫЧНЫЙ ЗАВОДСКОЙ ДЕНЬ

Начало двадцатого века.

Симский завод расширялся. Вместе с домнами зашумели мартены, кричная фабрика и вспомогательные цехи. От угольных сараев к домнам подвешивали рельсоблочную дорогу. К складам руды прокладывали рельсовый путь. Там, в девяти верстах от завода, заканчивалось строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, открывающей выход заводской продукции на широкий рынок.

Управителем завода хозяин назначил горного инженера Алексея Ивановича Умова. Молодой, знающий свое дело инженер развернул кипучую деятельность. Ему потребовалась рабочая сила. Слух об этом распространился за сотни верст. В Симский поселок стали прибывать все новые и новые люди.

Шел бывалый народ, испытавший немало горя и нужды.

…Каждый день по поселку разносился оглушительный рев заводского гудка. Каждый день по его зову шли на работу угрюмые люди, не успевшие отдохнуть за короткую ночь. Они шли грязными улицами, выбирая сухую тропинку. Шли к серому каменному заводу. Люди, как муравьи, расползлись по всем уголкам завода и там весь день копошились, угорая в чаду.

Нелегкая работа. Сегодня особенно тяжело было кузнецу Мызгину. Тому самому, у которого отец, дед и прадед — первый житель Симской долины — были кузнецами. Он то и дело отходил от молота, смахивал пот со лба и вытирал непрошеные слезы.

— Што с тобой, Михайло?

— Горе у меня. Ванюше моему исполнилось только полгода и осиротел.

— Умерла жена? — почти враз спросили рабочие.

— Хуже, братцы. Барин отнял мать от грудного младенца.

— Как так?!

— У них родился сын. Барыня без молока. Вот и увез в свой дом мою жену — кормилицу своему сыну, а мой хоть сдыхай!

— Вот сволочь! Ты бы дал ему по толстой-то морде и ближе к дому не пускал!

— Легко сказать. Он и так пообещал упрятать меня подальше, если моя жена не будет кормить его сына.

Грубый окрик начальника, подошедшего к Мызгину, прервал разговор. Вокруг лязгало и грохотало, шумело и ухало, шипело и свистело. Вдруг в этот шум ворвался страшный крик человека. Рабочие котельно-механического цеха бросились в сторону

кричавшего. Огромные шестерни тянули за одежду оплошавшего рабочего. Несчастный не успел сбросить одежду, как хрустнула его рука, а затем и грудная клетка. Кто-то выключил турбину. Но поздно. В шестернях завязло раздавленное тело. И когда извлекли его, рабочие узнали погибшего. Это был молодой, недавно пришедший в цех рабочий Кузнецов.

— Э-э, ротозей! — кричал мастер цеха, — видите, прихватило полу его пиджака.

Такое обвинение возмутило потрясенных рабочих:

— Ты сам ротозей! Почему не оградил опасные места?! Вам человек, што болванка, которую суете под молот! Бросай работу, братцы!

— Братцы, братцы! — завопил испугавшийся мастер. — Я обещаю вам оградить шестерни, шкивы, все места, где может быть подобное несчастье. Я буду просить управителя завода о принятии расходов на похороны и о помощи семье. Прошу вас продолжать работу.

Не подозревая обмана, все разошлись по рабочим местам. Изуродованный труп унесли из цеха. Вновь зажужжали шестерни, вращая вал.

В тот же день в доменном цехе на колошнике погиб от газа рабочий Туманов. Никто не заметил, как это случилось. Его хватились лишь тогда, когда потребовалось засыпать калошу. Труп унесли, не сказав об этом даже рабочим его смены.

Прошел обычный заводской день, похожий на многие другие. А когда солнце скрылось за горы, по длинным улицам шли люди, распространяя запах гари и копоти. Шли медленно, опустив отяжелевшие головы.

Усталые, измученные нуждой, они искали утешения в кабаке, харчевне или пивной. И вот там, в единственном месте сборищ, они заливали водкой свое горе.

Уходя из кабака, бесчувственно пьяные сваливались где-нибудь под забором. Домашние находили своих кормильцев и волокли домой. Спившихся — отца, брата или сына — заботливые матери, жены или сестры укладывали спать, чтобы рано утром разбудить снова для работы.

Чуть забрезжит рассвет над долиной, гудок опять уже ревет, возвещая о начале нового трудового дня, похожего на вчерашний. И так было долгие годы…

В «ДОМЕ ТРЕЗВОСТИ»

Управляющий заводом Умов решил ограничить пьянство, которое все больше отражалось на производстве. На хозяйские средства был построен «Дом трезвости». В нем был зал на триста человек, чайная и библиотека.

В «Дом трезвости» потянулся народ. Шли молодые и пожилые, грамотные и неграмотные. Но грамотных было очень мало.

Испытывая нужду в грамотных рабочих, заводоуправление в 1800 году начало обучать мальчиков в заводской конторе, а через 15 лет открыло начальную школу для девочек на 40 учениц. И вот уже в течение девяти десятков лет управители Симского завода довольствовались только такой «подготовкой кадров».

— Невежество населения мешает нам выполнить ваше поручение, господин Умов. В поселке почти нет грамотных, — жаловались гувернантки Умова, которых он обязал просвещать рабочих.

— Книг в нашей библиотеке очень мало и те лежат, почти никто их не читает, — докладывала Умову библиотекарша Екатерина Степановна Селиверстова.

— Пьяных в поселке не уменьшилось. Они проникают и в «Дом трезвости», — беспомощно рассуждал попечитель этого дома, судья Каверский.

— У нас действуют две домны, пудлинговые печи, много цехов, паровая машина, вступила в строй уже вторая мартеновская печь, а грамотных рабочих почти нет и не прибывает. Надо самим взяться за подготовку нужных нам мастеровых, — настаивали молодые инженеры.

— Да, вы правы, — соглашался Умов. — Я должен сообщить вам одну весть. Наш хозяин объединил свои заводы в горный округ. Отныне — я управляющий Симским горным округом и Симским заводом. А округ — двести пятьдесят верст в окружности! В нем три завода, пятнадцать рудников, много куреней, восемь деревень, а жителей только 18 тысяч человек обоего пола. Рабочих не хватает. Среди них грамотных — единицы. Будем создавать школы.

Нужда заставила управляющего горным округом создать ремесленную школу в Симе.

— Вот, Миша, будешь учиться в этой школе, — показал сыну новое двухэтажное кирпичное здание лесообъездчик Гузаков Василий. А кузнец Мызгин сказал своему Ивану:

— Хоть и подлец этот Умов, отнявший у тебя мать, когда ты

был грудным младенцем, а вот, гляди-ко, какое здание построил! Говорят: «Ремесленная школа!» Иди в нее, учись.

Первыми в библиотеку робко вошли молодые рабочие. Смущенные необычной обстановкой, они встали у порога.

— Проходите поближе, молодые люди. Вы пришли за книгами? — спросила Екатерина Степановна.

Посетители переглянулись, но никто из них не решался ответить.

— Ну что же вы смущаетесь? Вы грамотные?

— Да, мы читать научились, — ответил высокий, смуглый юноша с большими руками, которыми он беспрерывно мял свою фуражку.

— Кем вы работаете? — выспрашивала библиотекарша, пытаясь завязать разговор.

— Я кузнец, он слесарь, а они литейщики, — ответил тот же юноша, показывая на друзей.

— Хорошо. Ваши фамилии?

— Я Лаптев.

— Мы братья Саловы.

— А я Мартынов.

— Вот и познакомились. Что вас интересует?

— Меня интересует, как… э… — начал отвечать Лаптев Василий и замолчал.

— Ну, ну, как что?

— Как произошел человек и везде ли люди живут так, как у нас?

— Я тоже хочу это знать, — сказал Мартынов.

— И мы тоже, только нас еще интересует, почему человек умирает, — добавили братья Саловы.

Такие вопросы озадачили библиотекаршу.

— Вот какая досада. В библиотеке таких книг нет. Может быть, вы пожелаете послушать беседу по этим вопросам?

Юноши переглянулись, но промолчали.

— Я могу пригласить врача Леонида Модестовича Кибардина. Он очень грамотный человек. Приходите сюда послезавтра вечерком. Придете?

— Придем, если врач придет.

— Придет, придет. Он очень отзывчивый. Приглашайте своих друзей.

Кибардин охотно откликнулся на просьбу библиотекарши, сомневаясь, однако, придут ли слушатели.

Ровно в назначенный час он вошел в библиотеку. И каково же было его удивление: в библиотеке не оказалось свободных мест: все были заняты тихо сидящими юношами. Слушатели пришли

сюда как на праздник: причесанные, опрятные и нарядные.

— Я очень рад, дорогие мои друзья, что вы проявляете такой интерес к вопросам, знание которых позволит вам понять, каким образом образовалось и развивается человеческое общество, — начал свою беседу Кибардин, поклонившись слушателям. — Миллионы лет существует наша земля… Ученые доказывают, что большая площадь земли покрывалась ледниками. Но три раза ледники таяли, и земля зеленела дремучими лесами, расцветала невиданными цветами. Эти потепления, длившиеся десятки тысяч лет, называют межледниковыми периодами. Жил ли человек в эти периоды? В земле найдены остатки человекообразных животных, которые жили уже в середине ледниковой эпохи. Каким же образом происходило превращение человекообразных животных в человека? Этим занимается специальная наука — биология. Этому я и посвящаю свою первую беседу.

Кибардин говорил увлекательно. Два часа длилась беседа и никто не ушел, никто не нарушил тишины.

Слух о беседе прошел по всему поселку. На следующий раз пришло столько слушателей, что стало тесно в библиотеке. Перешли в большой зал.

Довольный Кибардин рассказывал во второй беседе о первобытном и родовом обществе.

Пытливые и уже осмелевшие слушатели забрасывали его вопросами: и почему родовое общество распалось, и почему одни люди стали богатыми, другие — бедными? Ответить на эти вопросы Кибардин пообещал в следующих беседах.

Интерес рабочих к лекциям земского врача Кибардина встревожил попечителя «Дома трезвости» судью Каверского.

— Понимаете, господин Умов, народ пошел в «Дом трезвости». С чего бы это? Как бы наш либерал Кибардин не наболтал чего лишнего, — высказал свои опасения Каверский.

— Нет, не наболтает. Он сам, как черт ладана, боится движения рабочих. Пусть народ слушает. Может, пьянства меньше будет, — рассудил Умов.

Между тем врач Кибардин рассказывал народу уже о феодализме, о феодальных войнах, о росте торгового капитала, о возникновении капиталистического хозяйства и о государстве, сосредоточившем власть в руках царей и королей.

А слушатели уже просили ответить, почему царя называют помазанником божьим, есть ли над ним власть, почему в нашей стране царь, а в других короли да какие-то парламенты, кто были Степан Разин и Емельян Пугачев, почему их казнили, а народ песни складывает о них.

Такая любознательность рабочих не на шутку напугала

полицейских. Они запретили «сборища». В «Доме трезвости» остались только танцоры, песенники и неграмотные слушатели сказок.

Тогда пытливая и наиболее активная молодежь начала собираться по квартирам. Один кружок пригласил к себе врача Кибардина. Другой — новую учительницу, приехавшую из Москвы, Елену Павловну Хорткевич.

Увлекающийся просветитель Кибардин присвоил себе кличку «Модестов» и засекретил свой кружок. Новых слушателей приводили только с разрешения «Модестова», при строгой конспирации. В такой обстановке Кибардин почувствовал себя свободнее и уже не стеснялся в выражениях по адресу самодержавия.

* * *

Елена Павловна смело пошла на квартиру к молодежи, пригласившей ее для проведения бесед. Знакомясь, она называла себя социалисткой. Молодежь попросила объяснить, что значит «социалистка». Хорткевич с увлечением рассказала о новом обществе, в котором все будут равны.

— Вот вы спрашиваете, — обратилась она к черноглазому с шайкой густых черных волос красивому юноше, — долго ли ждать? Я вам на это отвечу стихами:

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди…
Зрей, наше юное племя!
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим…
Мертвые в мире почили —
Дело настало живым.

— Мы живые люди, — продолжала свою речь Хорткевич, — должны сеять добрые семена, которые дадут хорошие всходы. Я скажу словами того же поэта (она, видимо, намеренно умалчивала фамилию поэта): «Рыхлая почва готова. Сейте, покуда весна, доброго дела и слова не пропадут семена…»

Молодежи нравились речи Хорткевич. Юноши заучивали услышанные стихи. Видимо, отсюда распространялись в поселке и новые песни. И вот уже на улицах поселка прорываются слова: «Стонет и тяжко вздыхает бедный, забитый народ. Руки он к нам

простирает, нас он на помощь зовет».

Полагая, что распространителем таких песен является хор «Дома трезвости», полиция ввела цензуру репертуара хора и установила контроль над книгами, поступающими в библиотеку.

* * *

Как-то раз руководители кружков Хорткевич и Кибардин повстречались в «Доме трезвости». Друг о друге они знали от своих слушателей. Они договорились организовать Первого мая народное гуляние, возложив это дело на более активных членов своих кружков. Цель гуляния — сблизить кружковцев, выявить настроение народа и по возможности «посеять доброе семя».

Хорткевич поручила организацию гуляния Михаилу Гузакову. Кибардин — Чевардину Василию, работающему токарем в механическом цехе.

В воскресный день Первого мая 1903 года на перешейке около Жуковой Шишки собралось много народу. (Шишкой в Симе называют круглую гору, как бы оторванную от других). Пришли сюда даже господа — Умов с супругой, судья Каверский с супругой и полицейские.

День был солнечный, теплый, тихий. На зеленой поляне, у подножья скалистой горы, выступил хор «Дома трезвости». Эхо далеко разнесло его песни. Плясуны показали свое искусство.

К месту гуляния поспешили и торгаши. Они бойко сбывали пиво и водку. В лесу стало шумно. Под общий шум и веселье члены кружков распространяли свои песни..

Вдруг с горы полетели белые листки бумаги. Они, словно ласточки, кружились и падали. Участники гуляния впервые увидели листовки.

В листовках говорилось о том, что в Златоусте 13 марта 1903 года к дому горного начальника на главной Арсенальной площади собралось до шести тысяч рабочих. Они: обратились к приехавшему сюда губернатору Богдановичу с просьбой освободить из-под ареста рабочих, которые: были уполномочены передать администрации завода прошение заводских людей об улучшении условий их труда. Вместо ответа прогремело четыре залпа и в толпу врезались с обнаженными шашками конные городовые, рубившие безоружных людей. Убито 69 человек, ранено 250. Свыше 300 жертв!

— Слушайте, слушайте все! — крикнул Михаил Гузаков, прочитавший листовку раньше всех. — Это чудовищно! Царские палачи расстреляли в Златоусте невинных людей!

Михаил звал молодежь мстить палачам, готовиться к бою, еще сам не зная, как готовиться и к какому бою. В это время в другом кругу собравшихся загудел бас Василия Чевардина — смелого парня, как его звали в поселке. Он пел: «Но настанет пора и проснется народ, разогнет он могучую спину. И на бар и царя, на попов и господ он отыщет покрепче дубину. Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет! Подернем, подернем да ухнем!»

Молодежь, окружившая Чевардина, бурно приветствовала впервые услышанную песню.

Ничего не слыхали лишь полицейские, они были изрядно пьяны. Дежурный полицейского участка записал: «Особых происшествий по было».

ЭТО ПО-НАШЕМУ, ПО-РАБОЧЕМУ

В один из дней 1904 года в механическом цехе Симского завода появился новый молодой слесарь. Рабочие обступили новичка. И, как водится в таких случаях, начали прощупывать его вопросами.

— Откуда?

— Из Екатеринбурга.

— Здравствуй, друг екатеринбургский! — приветствовал новичка такой же молодой слесарь Лаптев Василий.

— «Бургский» — это от немцев досталось. А я русский. «Екатерин» — это по Екатерине названо. А я не люблю ее, не могу простить за Пугачева. Зови меня лучше Петром Павловым. Здравствуй!

— Согласен, — сказал Лаптев, — крепко пожимая руку новому знакомому, — приходи вечерком к нам в гости. У нас, брат, хорошенькая учительница беседы проводит, да стихи рассказывает. Ну заслушаешься!

— О чем?

— О том, што просвещаться надо и народ просвещать.

— Э-э! Я уже просвещен. Сам могу провести беседу и стихи тоже знаю.

— Ого! Какие? — спросил Василий.

— Хочешь знать, приглашай друзей. Сами займемся, без барыни. Согласен?

— Да, да! Согласен! Приходи ко мне в воскресенье. Соберу ребят.

Павлов воспользовался приглашением. Пришел раньше условленного часа.

Прибывающая молодежь с удивлением рассматривала незнакомца. Он почти не отличался от пришедших. Немного постарше, лет тридцати. Одет также просто. Высокий, широкоплечий. В движениях медлительный. Руки в ссадинах, мозолистые, обожженные.

Когда Лаптев сказал, что все приглашенные собрались, незнакомец встал, поправил волосы и сказал: — Товарищи!

Юноши заулыбались, толкая локтем друг друга — «Слышь, слово-то какое — товарищи!»

— Я, — продолжал беседчик, — слесарь, работаю в механическом цехе, вот вместе с Лаптевым. Зовут меня Петром Павловым. Не профессор, конечно. Лекцию о происхождении человека и строении вселенной я читать не собираюсь. Расскажу вам на первый раз о том, как я пытался «волка» съесть, да «тигры»

за него заступились и меня одолели.

Юноши дружно расхохотались. Павлов посмеялся вместе с ними и рассказал о том, как в Екатеринбурге на Верх-Исетском заводе он заступился за рабочего, которого избил мастер. Когда рабочие потребовали, чтобы выгнали этого мастера с завода, управитель выгнал с завода Павлова.

— Потом я слышал, что того «волка», избившего рабочего, все-таки кто-то укокошил. А меня хорошие люди пристроили на работу в железнодорожное депо. Там мне открыли глаза. Я увидел многое. Те хорошие люди называют себя членами Российской социал-демократической рабочей партии. Вот об этой партии, о том, чего она добивается, и пойдет моя беседа, — сказал Павлов, вытирая вспотевший лоб.

Он говорил просто, без красивых и непонятных слов, приводил примеры из жизни, знакомой слушателям, и закончил беседу словами новой песни: «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и не герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

Слушатели ответили аплодисментами. Их лица разгорелись, заговорили все враз. Особенно близко принял к сердцу слова Павлова девятнадцатилетний Миша Гузаков.

— Верно, верно сказано, — выкрикивал он, — нам по пути с этой партией, товарищи! Вы слышите, слово-то какое — товарищи! С этого дня я буду обращаться к друзьям только так. Мне не нравятся слова, сказанные учительницей, — «Веруй, надейся и жди»… Чего ждать? Кто за нас должен действовать? Я предлагаю покинуть кружок барыни Хорткевич и создать свой, рабочий кружок!

— Я поддерживаю Гузакова! — сказал Лаптев.

— Миша правильно говорит! — И я поддерживаю, и я, и я! — выкрикивали разгорячившиеся юноши.

Долго продолжалась беседа в этот вечер. Вопросам не было конца: почему одни богатые, другие бедные, кто создатель богатств, почему эти богатства в руках меньшинства, а народ живет в нужде?

Павлов терпеливо объяснял и, наконец, предложил слушателям встречаться на работе и там выяснять практические вопросы повседневной жизни.

Такая потребность возникла на другой же день.

Работницы кирпичного цеха обратились к мастеру Гвельмусу с просьбой дать в глину теплую воду. Женщины целый день босыми ногами месят ледяное тесто, простуживаются, болеют. Мастер — взяточник, вымогатель и насильник — отказал работницам.

Кузнецы обратились к управителю завода с просьбой выдать им рукавицы и запоны. Прошение передал кузнец Кузьма Горбунов. Управитель порвал это прошение, а Горбунова приказал уволить и занести в черный список.

Об этом раньше других узнал Михаил Гузаков, работавший в заводской конторе. Возмущенный несправедливостью, он прибежал к Павлову. Тот порекомендовал Михаилу рассказать об этом всем рабочим, пусть они потребуют удовлетворения просьбы работниц и добьются возвращения уволенного.

Михаил тотчас ринулся в цеха.

Увидев скопление рабочих около конторы, управитель завода послал к ним инженера Малоземова, слывшего добрым, вежливо разговаривающим с рабочими.

— Что собрались, труженики? — спросил Малоземов.

— Защити нас, господин инженер, — заголосили женщины. — Мастер Гвельмус нас обижает.

Женщины со слезами пересказали свою просьбу. С гневом изложили свои требования и мужчины.

— Вернуть Горбунова, иначе работать не будем! — кричали кузнецы.

Инженер выслушал жалобы и пообещал помочь.

Рабочие разошлись, удовлетворенные обещанием.

На другой же день вышел на работу Горбунов, а в кирпичный цех пришел сам управитель со специалистами для определения возможности подвести в цех горячую воду.

Слух об этом облетел весь завод.

На очередной встрече с молодежью Павлов объяснил:

— Сила в ваших руках, товарищи. Действуйте коллективно, дружно, добивайтесь улучшения условий труда, сокращения рабочего дня.

Среди собравшихся Павлов заметил много новых лиц. Все они с жадностью ловили каждое слово и бурно возмущались каждым фактом эксплуатации рабочих на заводе, о котором говорил Павлов.

Веселое оживление вызвало сообщение Гузакова о проведенном вечере молодежи. Он комически изобразил растерянность Кибардина и Хорткевич в тот миг, когда игравшая молодежь вдруг запела «Отречемся от старого мира».

Особенно всполошился попечитель «Дома трезвости», когда услышал дружное пение «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врага, люд голодный. Раздайся, клич мести народной»…

Попечитель бегал по залу, обращался к Хорткевич, к Кибардину, к инженеру Малоземову. Но все они лишь пожимали плечами. Наконец, попечитель приказал музыкантам громче

играть танцы.

— Грянул вальс, но мы, и танцуя, пели «сгинет ложь, сгинет зло навсегда, и сольются в одно все народы в вольном братстве святого труда». И только когда закончили всю «Марсельезу», мы пустились в залихватский перепляс. Вот как мы провели этот вечер, — закончил свой рассказ Михаил.

— Молодцы! — одобрил Павлов. — Наши новые друзья, видимо, на вечере узнали о нашем кружке!

— Да, да! Это мы их пригласили. Это Иван Мызгин, это Василий Чевардин из кружка «Модестова», а эти товарищи из кружка Хорткевич, — пояснил Гузаков.

— Очень хорошо! Теперь поговорим о подготовке к Первому мая. Надо добиться того, чтобы в этот день никто не работал на заводе. Я обещаю договориться с миньярскими товарищами. Маевку проведем вместе с ними. В тот день вы узнаете много интересного. Подумайте о том, как нам лучше обмануть полицию, — предложил Павлов.

Для организационной подготовки выдвинули инициативную группу: Гузакова, Чевардина, Мызгина и Лаптева.

КРАСНЫЕ ФЛАГИ НА ГОРЕ

Ранним утром Первого мая 1904 года жители Сима увидели на Лысой горе красный флаг. Озаренный восходящим солнцем, он горел, как пламя, раздуваемое ветром. На улицах собирались толпы. Это встревожило полицию. Стражники полезли на гору. А флаг извивался, горел и дразнил их. В это время рабочие по одному уходили с завода. Их встречал юноша, державший в руках подснежники. Он говорил каждому только два слова «Карпинский сад». И рабочие шли дальше. Там их ждал другой с такими же цветами. Он говорил: «Ильмовая гора». На горе еще один юноша с подснежниками называл «Голодное поле». Это и был пункт сбора рабочих на маевку.

Между тем полицейские забрались на Лысую гору, но не обнаружили флага. Они увидели его в южной стороне, на Жуковой Шишке. Стражники поспешили туда. Кряхтя, обливаясь потом и ругаясь, они достигли вершины Жуковой Шишки.

— Вот он, дьявол! А-а, чертов огонь! Теперь ты в наших руках! — ругались полицейские, срывая флаг. И только они успели обтереть вспотевшие лбы, как на противоположной — Доменной горе появился такой же флаг.

Пока полицейские лазили по горам, рабочие, шедшие на маевку, скрылись за Ильмовыми горами.

В пяти верстах от Сима, на небольшой поляне, окруженной сосновым лесом, собралось много народу. Здесь впервые сошлись на маевке миньярские и симские рабочие.

После окончания митинга в условленном месте собралось 30 членов кружка Павлова.

— Товарищи и друзья! — с волнением обратился Павлов. — Здесь осталась самая надежная, самая революционная часть молодежи и кадровых рабочих Симского завода. Могу ли я сейчас доверить вам самое сокровенное?

— Можете вполне! — подтвердил Гузаков. — Клянемся хранить тайну!

— Мои верные товарищи! Настало время создать в Симе партийную организацию, — сказал Павлов. — Вам известно, что я член Российской социал-демократической рабочей партии. Сюда на завод я прибыл с поручением екатеринбургских большевиков. Вы слышали на митинге о пролетарском вожде — о Ленине? Так вот, большевики — это последователи Ленина. Я полагаю, что здесь мы организуем такую же группу и сейчас изберем ее руководителя. Вот для этого я и задержал вас. Рекомендую руководителем группы избрать Михаила Васильевича Гузакова.

Павлов близко познакомился с Михаилом, много раз поручал ему сложные дела требующие строгой конспирации и решительных действий. Он убедился в организаторских способностях Гузакова, в его преданности рабочему делу.

— Мы ему верим, изберем Гузакова! — единодушно заявили товарищи, изъявившие желание быть членами партии, которой руководит Ленин.

ПРОВОДЫ ВЕРЫ

Вечер молодежи, организованный Гузаковым в «Доме трезвости», встревожил исправника. Он пытался найти первоисточник «беспорядка». Удалось узнать, что в тот вечер молодежь отмечала день рождения молодой учительницы Веры Кувайцевой — дочери известного петербургского адвоката. Видимо, она является передатчиком «опасных» песен. Улик нет, но на всякий случай исправник полагает, что ее надо удалить из Сима.

Веру уволили с работы. Это известие взволновало Михаила.

— Эх, Вера, Вера! В чем-то они заподозрили тебя. Уличить не смогли, но с работы выгнали, избавились от «опасной» учительницы, — говорил Михаил при встрече с Верой, — останься в Уфе. Наши товарищи помогут…

— Нет, Миша, полиция будет следить за мной и в Уфе. Я пока уеду в Петербург к отцу. Потом вернусь в Уфу.

…Нелегко расстался с любимой Михаил.

— Не горюй, Миша, — утешали друзья, — пойдем этой ночью, назло фараонам, по поселку с песнями. Пусть запомнит народ день отъезда нашей Веры.

Ночью, когда в избах симских жителей погасли керосиновые лампы, на улицах грянула песня: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врага люд голодный…» Слова запрещенной песни, услышанные от Кувайцевой, в этот час звучали как-то особенно четко. Они всполошили полицию. Заверещали полицейские свистки. Пение прекращалось там, где появлялись полицейские, но возникало на другой улице. Песня непреклонно звала: «На бой кровавый, святой и правый…»

* * *

Вскоре случилось новое происшествие. Кто-то ударил кирпичом по голове мастера кирпичного цеха, когда он шел по темному коридору между кирпичных штабелей. Администрация пыталась найти виновных, но не нашла. Гвельмус пролежал в больнице больше месяца.

— Вы думаете, кто это сделал? — спрашивал партийную группу Михаил Гузаков на очередном тайном сборе. — Скажу вам по секрету — Иван Мызгин. Но товарищи! Наш учитель Павлов наказывал мне не увлекаться расправой с отдельными личностями. Убьете одного, на его место встанет другой такой

же. Бить надо только провокаторов и предателей.

Горячая молодежь не сразу согласилась с доводами Гузакова.

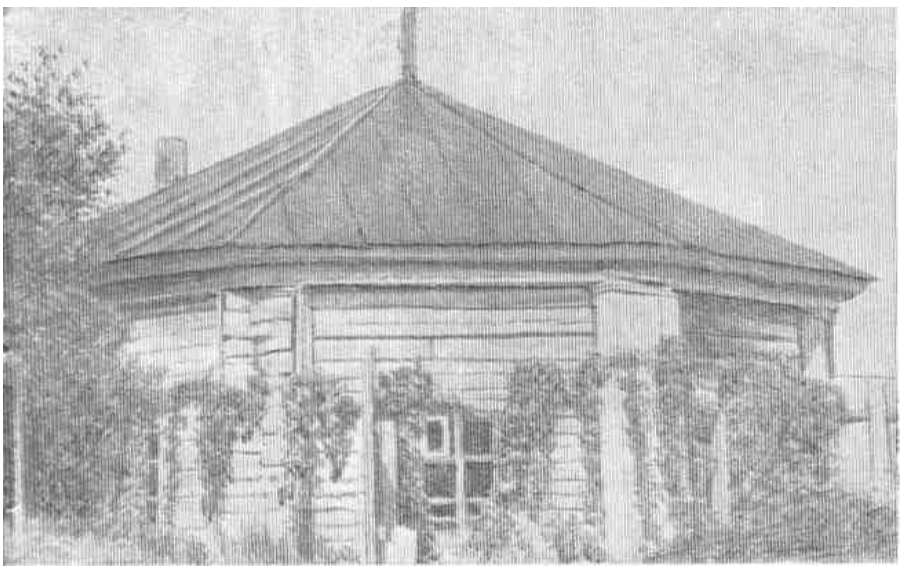
— Ну, довольно об этом, товарищи! — остановил спор Михаил. — Миньярцы предложили побывать в Уфе у людей, которые поддерживают связь с Лениным. Собираюсь съездить. На кого возложим мои обязанности?

— На Чевардина Василия! — предложили члены партийной группы.

— Быть по сему! — подтвердил Гузаков. — Миньярцы пообещали доставлять нам запретную литературу. Нужно выделить товарища, который будет принимать и хранить эту литературу.

Группа назначила библиотекарем Мартынова Дмитрия Алексеевича, работавшего заводским писарем. А прятать литературу решили в маленькой восьмигранной избушке.

— Место это очень удобное, — пояснил Мартынов, — избушка на самой плотине, в черте завода. Литературу можно подвозить на лодках по пруду. А прятать — между крышей и потолком. Я пролезаю. Окна у избушки во все стороны. Лучше и удобнее места в заводе не найти.



Восьмигранная избушка, в которой большевики прятали нелегальную литературу.

В помощь Мартынову выделили связных товарищей.

С собрания разошлись по одному, соблюдая осторожность.

В заводской конторе все знали, что Михаил Гузаков самостоятельно готовится к поступлению в землемерное

училище. И когда Михаил попросил разрешения поехать в Уфу, начальство не воспротивилось.

Эта поездка окончательно определила судьбу Гузакова. В Уфе он повстречался с профессиональными революционерами и с организаторами боевых дружин на Урале — братьями Кадомцевыми.

Михаил прожил в Уфе несколько месяцев, прошел настоящую школу политической подготовки и в феврале 1905 года возвратился в Сим под предлогом, что из училища его уволили якобы за то, что не справлялся с учебной программой.

ПРАВДА О ЦАРЕ

Михаил привез страшную весть. 9 января трудящиеся Петербурга обратились к царю с прошением облегчить их тяжелую долю, улучшить условия труда, защитить от господ, сосущих кровь из народа. Они шли к нему с иконами, празднично одетые, с детьми. Царь расстрелял просителей. Убито более тысячи, ранено более двух тысяч!

— Мы но можем молчать, товарищи! Надо подымать народ, — говорил Гузаков симским большевикам.

Через день после этого во всех цехах завода и в поселке на каждом перекрестке появились листовки, в которых Уральский комитет РСДРП призывал трудящихся примкнуть к рабочему движению всей России.

В механическом цехе все собрались вокруг Гузакова.

— Товарищи! — громко крикнул Михаил, вскочивший на станок, — народ верил царю! Народ шел к нему со своими просьбами, со своими нуждами, хотел поведать о своей горькой доле, о тяжкой жизни. И этот «всемилостивейший, всемогущий государь» расстрелял народ! Три тысячи жертв в один день! Можно ли верить палачу?!

— Нет! — разом ответили собравшиеся.

— Царь — это самый крупный помещик в России, — говорил Гузаков. — Он так же, как и все господа помещики и заводчики, пьет народную кровь! Он возглавляет строй, который душит свободу народа! Нужен ли нам такой строй?!

— Нет!!! — громогласно заявили рабочие. Новички, пришедшие на митинг впервые, спрашивали:

— Чей это так говорит?

— Это наш Миша! — с гордостью отвечали рабочие, не раз слыхавшие Михаила.

— Ну и молодец! Вот смелый парень!

— Тише вы, дайте послушать!

Чем дальше говорил Гузаков, тем больше и больше накалялись слушатели.

— Долой кровавого царя! Смерть убийцам народа! Бросай работу, товарищи! Соберем деньги в помощь пострадавшим! — понеслось по цехам.

По рукам пошла фуражка.

Рабочие предъявили администрации свои требования.

В этот день большинство цехов Симского завода не возобновили работу.

Умов экстренно созвал инженеров и мастеров. Он огласил

требования рабочих и предложил разъяснить им, что сокращение рабочего дня приведет к разорению завода.

— У нас другая точка зрения, — заявили инженеры Малоземов и Бострем.

— Вы агенты рабочих, способствующие возникновению анархии на производстве, — грубо оборвал инженеров управляющий.

Прошла неделя, затем еще — Умов не объявлял своего решения. На заводе опять возникли митинги. И Умов сдался.

Утром в цехах появились новые листовки. Они отмечали первую победу — сокращение рабочего дня до девяти с половиной часов и звали рабочих к борьбе с самодержавием.

ВЕСНА РЕВОЛЮЦИИ

Весна в 1905 году была очень бурной.

Заводская администрация была обеспокоена резкой переменой людей, ранее безропотных и покорных, теперь требовательных и настойчивых.

Трудно стало администрации разговаривать с рабочими: скажешь неправду — разоблачат агитаторы.

По вечерам на заводском пруду чаще слышатся песни про царя — называют его кровавым, про господ — именуют их живоглотами.

Урядник Чижек-Чечик приказал разгонять лодочников.

В один из таких вечеров, когда стражники гонялись за лодками на пруду, к восьмигранной избушке подплыли Гузаков, Чевардин и Мартынов. Они осторожно вышли на плотину, кругом обошли избушку и внесли в нее кипы листовок.

На другой день в обеденный перерыв рабочие с особым интересом развертывали свои узелки.

— А ну-ка, чего мне сегодня благоверная приготовила на обед?

— Ого, есть что покушать.

Они извлекали из узелков и духовную пищу. Еще с утра каждый обнаружил в своем инструментальном ящике листовку и берег ее до обеда.

Листовка утверждала:

> «…Мы требуем, чтобы законы издавались, налоги устанавливались и расходовались с согласия народа! Требуем свободы печати, свободы союзов, свободы собраний, сходок, свободы совести… Товарищи, предъявим господам наши требования Первого Мая!»

Один экземпляр этой листовки попал уряднику. Чижек-Чечик доложил Умову:

— Принес мне судейский писарь Перлаков.

— Полезный парень, держите с ним связь, а Первого мая расставьте секретные посты в поселке, выследите место сборища и схватите главарей.

Настал ожидаемый день, к которому готовились и большевики, и полиция.

Утренний гудок возвестил о начале трудового дня. По широким улицам Сима потянулись цепочки рабочих. Через час завод ритмично задышал, застучал и загрохотал. Мастера

доложили управителю, что работают все агрегаты. Полицейские сообщили, что красных флагов не видно, скопления народа не обнаружено, движение в поселке нормальное. Умов был удовлетворен.

А с завода из разных цехов по одному уходили никем не замеченные рабочие. Через три часа заревел гудок. Его зов в неположенное время удивил администрацию и встревожил полицию.

Родившись в котельной, мощный звук разносился за десятки верст, тревожа и поднимая людей.

Администрация и полиция решили, что гудок созывает рабочих на митинг в черте завода, бросились туда. Но там их недоуменно спрашивали: что случилось?

Наконец наступила тишина. Только теперь Умов увидел, что на заводе не осталось и половины рабочих.

В этот момент Чижек-Чечик указал в сторону пруда. Там, за прудом, на противоположной юго-восточной стороне от завода, на вершине Синих Камней развевался красный флаг.

— А-а! Вон они где собрались. Разогнать, схватить главарей! — приказал полицейским Чижек-Чечик.

Между тем все покинувшие завод собрались в западной стороне на Малоюзовской горе.

Сюда пришли не только симские, но и миньярские рабочие. Их издавна связывала дружба и родство.

Митинг открыл миньярский товарищ Коковихин. Он предоставил слово товарищу Власу — профессиональному революционеру.

Горячая речь Власа неоднократно прерывалась возгласами «Долой царское правительство!», «Поддержим петербургских рабочих». Оратор внес предложение — создать боевые дружины для вооруженной борьбы с самодержавием. Выступавшие затем Кузнецов, Чевардин — от симские рабочих, Заикин, Коковихин — от миньярских, поддержали предложения Власа.

После митинга симские большевики задержались в лесу. Они сразу же приступили к делу: создание боевой дружины поручили Михаилу Гузакову и Ивану Мызгину. Руководство партгруппой возложили на Чевардина.

* * *

Умов негодовал. Чья-то умная голова перехитрила: вышло так, как сказано в листовке — рабочие праздновали первого мая. Он приказал уволить Гузакова из конторы.

Михаил пытался перейти на производство, но друзья порекомендовали Гузакову съездить в Уфу посоветоваться с руководителями, как быть дальше, а по заводу распустить слух, что Михаил уехал в Уфу, искать работу.

Через несколько дней Чижек-Чечик доложил Умову, что «возмутитель» покоя Гузаков покинул Сим, отправился на поиски работы.

Гузаков пробыл в Уфе недолго. В комитете большевиков ему предложили вернуться в Сим.

— Главная работа для тебя, — сказали Гузакову, — это подготовка народа к решающим битвам за свободу. В стране растет и ширится революционное движение масс. Царское правительство пытается отвлечь трудящихся от революционной борьбы. Оно намерено создать представительное учреждение. Ленин пишет, что это учреждение проектируется в виде совещательного собрания представителей помещиков и крупной буржуазии. Оно является прямо издевательством над идеей народного представительства.

— Надо сорвать сделку буржуазии с царизмом. Поезжай и действуй решительно.

Михаил Васильевич Гузаков (фото 1905 г.).

В воскресенье, 11 июня 1905 года, в Симе дольше обычного звонили церковные колокола.

На молитве священник Жуков объявил верующим, что получено всемилостивейшее благоволение императора о народном учреждении.

— Сестры и братья, — взывал священник, — приглашаю вас прийти сегодня в здание народной аудитории. Там мы прочитаем проект положения о Государственной думе. А сейчас расходитесь и помните о воле господней, выразителем которой является божий помазанник — государь император.

Толпа прихожан потекла по всем переулкам и улицам поселка. На перекрестках появились плакаты, призывающие всех взрослых жителей прийти сегодня в «Народный дом» к 6 часам вечера.

В здание «Дома трезвости», отныне с благословения местных властей названное «Народным домом», собралось людей столько, что не хватило мест.

На сцене, за столом, покрытым зеленым сукном, сидели земский начальник и волостной старшина.

На трибуну вышел высокий, тощий, длинноволосый, с козлиной белой бородкой, с большим крестом на шее священник Жуков. Перекрестившись, он начал читать проект положения о Государственной думе.

Жуков читал около двух часов. И никто ни одним движением не нарушил тишину в зале. Но вот священник окончил чтение. Волостной старшина поднялся со стула, намереваясь что-то сказать. В этот миг на сцену вбежал Миша Гузаков.

— Товарищи! — громко крикнул Гузаков. — Не верьте тому, что сейчас слышали из уст уважаемого батюшки! Священник не о вас печется, и проект о думе, который он читал, выражает не ваши интересы! Царь задумал создать собрание представителей помещиков и буржуев, а не народную думу, не народное учреждение. Это выгодно только вот таким, как этот зажиревший земский начальник, готовый лопнуть от выпитой им народной крови!

В зале раздался дружный смех. Оскорбленный земский начальник вскочил как ужаленный и быстро пошел к выходу. За ним устремились купцы и некоторые заводские мастера.

— Только власть рабочих и крестьян, — продолжал Гузаков, не обращая внимания на уход земского начальника, — способна облегчить нашу жизнь, дать свободу народу, а не это придуманное министром Булыгиным бесправное и чуждое нам учреждение!

Священник Жуков пытался остановить оратора, но разгорячившийся Гузаков отмахнулся от него и продолжал говорить.

Михаил взмахнул рукой и в зале грянула сочиненная кем-то злободневная частушка: «Эх, ты, дума, думушка, богатеям кумушка!»

Народ поднялся, смеясь и подпевая, дружно двинулся на улицу.

Сбежавший с собрания земский начальник предложил полиции арестовать Гузакова за оскорбление должностного, высокопоставленного лица.

Полиция рыскала по поселку в поисках «дерзкого возмутителя покоя».

А Умов упрекал всех чиновников в либерализме и требовал от полиции более решительных мер.

* * *

Исправник каждый день строчил донесения в губернское жандармское управление о поведении рабочих в Симе:

> «…рабочие выдвигают требования об отводе в бесплатное пользование лугов и леса поблизости села;
>
> …в квартире Чевардина собирается группа рабочих завода. На собраниях говорят о том, что нужно требовать равенства, свободы и т. п., читают листовки революционного характера, поют революционные песни;
>
> …по негласным агентурным сведениям в доме Чевардина открыта библиотека с книгами, не пропущенными цензурой. Заведует библиотекой Василий Дмитриевич Озимин;
>
> …в доменном цехе инженер Малоземов провел беседу о жизни рабочих во Франции;
>
> ..в цехах Симского завода появились в большом количестве прокламации, призывающие поддержать забастовку железнодорожников».

Исправник в основном точно фиксировал события. В октябре 1905 года забастовкой были охвачены все железные дороги страны, многие фабрики и заводы.

В Сим известие об этом привез Михаил Гузаков, вновь побывавший в Уфе после своего выступления о булыгинской думе. Он сообщил симским большевикам, что царь перепугался мощного пролетарского движения и 17 октября издал Манифест. В Манифесте обещаны народу «незыблемые основы гражданской свободы: неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов».

— Нам надо разоблачить лживость царских обещаний. Видимо, местные власти попытаются что-то предпринять. Мы должны противопоставить их действиям свои.

Слух о царском Манифесте молниеносно облетел поселок. Чиновники земской управы, конторские служащие и даже стражники с возгласами «Свобода!» расклеивали Манифест всюду.

Затрезвонили церковные колокола.

Ликующий священник возвестил о божьей милости, дарованной в царском Манифесте. Церковный хор с упоением пел «Боже царя храни…»

А в это время в механическом цехе завода большевики собрали общезаводское собрание. Сегодня пришли на собрание даже мастера, конторские служащие и инженеры.

«Свобода, свобода!» — восклицали мастера. А инженер Малоземов, заигрывающий с рабочими, пожелал высказаться.

— Граждане, — говорил Малоземов. — Царь объявил свободу народу. Он обещает созвать законодательную думу, привлечь к выборам все классы населения. Воспользуемся же правом, узаконенным в высочайшем Манифесте!

В толпе раздались разрозненные выкрики «Ура!»

— Граждане, — продолжал Малоземов, — наступает эра содружества всех классов и рассвета демократии! Мы выберем своих депутатов в Государственную думу и тогда…

— Знаем, что будет тогда! Довольно болтать о рассвете! — понеслось со всех сторон.

Малоземову говорить больше не дали. На станок поднялся Гузаков. В толпе пронеслось: «Ш-ш-ш, тише! Миша с нами!»

— Товарищи! Тут инженер Малоземов проповедовал содружество классов и мирное процветание при существующем строе. Это, товарищи, болтовня!

— Правильно! — подтвердили возгласы.

— Господа мечтают о сделке с царем, — продолжал Гузаков, — пугают его революцией, а сами крадутся к власти. Хотят разделить власть с царем. Теперь, когда по всей стране поднимается могучая волна революции, малоземовская болтовня особенно вредна! Не поддавайтесь краснобаям, не верьте лживому обещанию Манифеста! Долой самодержавие! Под наши знамена! На улицу, товарищи!

Рабочие хлынули в заводские ворота. У выхода развернулись и поплыли красные флаги.

Мощные колонны пришли к Народному дому.

Митинг начался без объявления об открытии. На большой камень, заменяющий трибуну, поднялся земский врач Леонид Модестович Кибардин.

— Да здравствует свобода! — крикнул Кибардин. — Граждане, я называю вас гражданами на основании прав, дарованных царским Манифестом! Пользуясь этим правом, мы с вами изберем своих представителей в Государственную думу, которую царь обещает созвать в декабре. Наши представители проведут в жизнь такие законы, какие нам нужны. И без крови, без оружия и восстания мы вместе со всеми классами добьемся демократических свобод.

Речь врача подкупала неискушенных в политике слушателей. «Без крови, без восстания, вместе со всеми классами построим новую жизнь» — как заманчиво! И в народе уже раздались возгласы:

— Да здравствует свобода! Да здравствует Манифест?

Но только закончил свою речь Кибардин и еще не улегся шум одобрения, как на камень поднялся Гузаков Михаил.

— Товарищи! Дорогие товарищи! — волнуясь, обратился Гузаков. — Вы только что слышали сладкую речь многоуважаемого врача. Его бы устами да мед пить! (В толпе послышался тихий смех). Он говорит, что нам дарована свобода и что мы без крови построим новую жизнь. Но оглянитесь кругом, товарищи, и вы увидите гору мертвых тел, вы увидите море крови! Вспомните расстрел в Златоусте, расстрел тысяч людей в Петербурге. Кто стрелял? Кто пролил народную кровь? Это сделало правительство, которому сегодня поют славу господа Кибардины за «дарованную» свободу. Нет, товарищи, этот «дар» не может примирить нас с таким правительством. Тысячи убитых, десятки тысяч осиротевших завещают нам ненависть к царскому правительству! Это правительство сегодня уступило перед силой народа, испугалось размаха революции, а завтра, передохнув и собравшись с силами, оно будет душить нас. Свобода собраний, союзов, свобода слова — это, товарищи, только наше оружие для дальнейшей борьбы. Нам мало такой свободы. Нам нужно есть, пить, одеваться. Нам необходимо образование. Мы хотим быть людьми!

— Правильно! — гудела толпа.

— Мы, большевики, стремимся к такому строю, при котором не будет господ, живущих за наш счет, — мы сами будем хозяевами заводов, фабрик и земли! — закончил свою пламенную речь Гузаков.

— Ура! — покатилось в толпе.

На камень взобрался Малоземов. Но народ не дал ему вымолвить слова. Чевардин Василий запел: «Вихри враждебные веют над нами…» Многолюдный хор подхватили покатилась песня по поселку.

* * *

Народ еще долго гудел на улицах. Некоторые легковерные защищали «высочайший» манифест. Местные чиновники и заводская администрация всемерно поддерживала эту точку зрения.

— Этот Гузаков, господа, опаснейший оратор, — заявил Умов, слышавший выступления Гузакова. — Преследуя его, мы сами создаем ему симпатию народа. Надо прекратить преследование и постараться скомпрометировать его. Надо расколоть народ, создать свои организации. Подумайте об этом, господа.

Земский начальник вместе со священником созвали

общепоселковое собрание граждан.

Священник Жуков старательно разъяснил собравшимся значение «высочайшего» Манифеста для народа. Он предложил организовать в Симе «Союз Михаила Архангела», который якобы будет защищать права народа, узаконенные в Манифесте, и не позволит бунтовщикам мутить народ.

Предложение священника поддержали заведующий ремесленной школой Костырев, казначей завода Курчатов и электротехник Александров, изъявившие желание быть членами «Союза Михаила Архангела».

В среде присутствующих пошел говорок: «Жаль, нет здесь нашего Михаила, он бы задал жару этим архангелам».

Председательствующий на собрании земский начальник уже потирал руки от удовольствия. «Все идет так, как мы хотели». Но в зале возник шум, около сцены появился Михаил Гузаков.

Земский начальник Менкаржевский не смог воспрепятствовать выходу на сцену нежелаемого оратора.

— Товарищи! Вы поняли, в какую организацию приглашает вас глубокоуважаемый духовный отец? Такие организации уже существуют в некоторых городах и очень себя проявили. Эти назвавшиеся защитниками прав народа и состоящие в «Союзе Михаила Архангела» громилы организовали ряд кровавых еврейских погромов. Видите ли, назвали евреев бунтовщиками. «Защитники» хотят поссорить народы между собой. Они при содействии полиции нападают на митинги, собрания граждан и избивают революционеров. Народ назвал таких «защитников» черносотенцами. Вы хотите стать членами такого союза?

— Нет! — хором ответили в зале.

Земский начальник, сидевший за столом, вскочил и забегал по сцене. Михаил воспользовался этим. Когда Менкаржевский был близко от него, Гузаков еще громче крикнул:

— Товарищи, вас приглашают в союз с ними. Ну какой же он вам союзник?! Вы посмотрите на него…

В дверях появились стражники. Мгновенно наступила тишина.

— Вот вам свобода собраний! — крикнул Гузаков, указав на полицейских, и спрыгнул со сцены.

— Долой паразитов! — загремел народ.

— Расходитесь, товарищи! — предложил Чевардин Василий.

Люди покинули зал.

«Союз Михаила Архангела» на Симском заводе так и не был создан.

* * *

События в Симе в 1905 году набегали одно на другое.

К лесничему пришла группа рабочих с просьбой разрешить порубку строевого леса. Лесничий отказал. Обиженные рабочие вернулись в доменный цех. Их тотчас окружили друзья.

— Э-э, не спрашивайте, — отмахивались обиженные. — Что может ответить барский слуга. Отказал. Все они паразиты. Гнать надо таких.

Неожиданно в цех зашел Михаил Гузаков и его друг Андрей Салов.

— Есть предложение, — обратился Гузаков к шумевшим рабочим, — выгнать из завода господских прислужников.

— Надо список составить! — предложил кто-то.

— Мастера Холодилина! Смотрителя Вериго! Бухгалтера Войтковича! — посыпались предложения.

Составив список, рабочие, предводительствуемые Гузаковым, пошли по цехам. Они вывели из цеха мастера Холодилина и смотрителя Вериго.

— Веди их за ворота! — скомандовал Андрей Салов. Рабочие подхватили под руки ненавистных мастеров и с шумом поволокли, а Андрей Салов вооружился метлой, заметал следы изгоняемых и выкрикивал: «Скатертью дорога, на завод вас больше не пустим!»

У конторы показался бухгалтер Войткевич.

— Вот еще одна господская шкура! — крикнул Салов.

Молодежь бросилась за бухгалтером, забежавшим в контору. На втором этаже их остановил Умов.

— Как вы смеете?! — крикнул Умов. — Войткевич назначен господином Балашовым. Только он и может освободить бухгалтера. Не трогать! Иначе я позову полицию!

— Не пугайте, господин хороший, — ответили Умову.

Группа молодых рабочих накинула на Войткевича его пальто, шапку, сунула ему в руки трость и со свистом вытолкнула за ворота.

— С богом, булануха, на тебе не боронить! — крикнул Андрей Салов. Раздался громкий смех.

— Товарищи, — обратился к рабочим Гузаков, — теперь расходитесь по своим местам. Вечером приходите в Народный дом.

К началу открытия собрания в Народный дом войти уже было невозможно. Люди толпились на улице. Сюда пришли не только рабочие завода, но и крестьяне из ближних деревень.

На сцену вместе с Гузаковым поднялись два незнакомых симцам человека. Один — кудрявый, брюнет, выше среднего роста, второй — рыжеватый, такой же рослый. Гузаков

предоставил слово первому, назвал его Николаем Ивановичем.

Первый незнакомец (а это был профессиональный революционер Элькинд) говорил об эксплуатации помещиками и заводовладельцами рабочих и крестьян, назвал конкретные факты по Симу. Второй незнакомец (тоже профессиональный революционер, фамилию которого и партийную кличку оставили в тайне), рассказал о международном рабочем движении. Их речи сопровождались возгласами рабочих, которые вскакивали с мест, высказывались. Потом на сцену поднялся рабочий Миньярского завода Стукин. Он порекомендовал пригласить на собрание Умова. Собрание избрало делегацию, которая тотчас ушла к Умову. Между тем рабочие обсудили требования, подготовленные большевиками. Умов пришел в сопровождении инженеров Малоземова и Бострема. Поднявшись на сцену, он перешел в наступление.

— Я возмущен вашими самовольными действиями и протестую против удаления с завода мастера, смотрителя и бухгалтера.

— А-а-а! — взвыл зал. — Долой негодяев! Мы их не пустим на завод!

Гузаков поднял руку. Шум стих.

— Господин Умов, не разжигайте страсти. Подпишите, пожалуйста, ваше согласие.

Гузаков подал Умову бумагу. Умов прочел требования. Они были краткими:

1. Сократить рабочий день на заводе до восьми часов.
2. Увеличить заработную плату рабочих на 20 процентов.
3. Возвратить в рабочую кассу сто шестьдесят четыре тысячи рублей, образовавшихся от процентного вычитания с заработка рабочих.
4. Убрать лесные кордоны. Уволить лесничего Попова.
5. Разрешить населению Сима бесплатную заготовку строевого леса и бесплатное пользование лугами.
6. Не допускать на завод мастеров, которые грубо обращаются с рабочими.
7. Не увольнять рабочих с завода без согласия рабочей комиссии.

Умов побледнел. Он сунул эту бумагу в руки инженерам, стоявшим рядом, и сквозь зубы процедил:

— Я не самоубийца. Подписывать себе приговор не буду!

— У-у-у-у! — загудел народ. Многие вскочили с мест. Кто-то крикнул:

— Тащи его со сцены!

Гузаков преградил дорогу прорывавшимся к Умову. Малоземов и Бострем оттащили Умова в глубь сцены, умоляя его подписаться под требованиями, уступить, обещать, не лезть на рожон, иначе — разорвут.

Холодный пот выступил на лице Умова. Он протянул трясущиеся руки, взял бумагу, ручку и, подписавшись под требованиями, подал бумагу Гузакову.

— Товарищи! — крикнул Гузаков. — Управляющий округом согласился удовлетворить наши требования, он подписался!

— Ура! — покатилось по залу. — Дорогу господину Умову!

Управляющий вместе с инженерами покинул зал.

Рабочие избрали комиссию, которой поручили следить за выполнением своих требований и постоянно контролировать деятельность заводской администрации.

* * *

Более веселого настроения у симских рабочих, пожалуй, не было за всю историю завода. В декабре 1905 года они получили повышенную зарплату, работали по 9 часов в сутки, обходились без выгнанных мастеров. Никто им не препятствовал бесплатно заготовлять строевой лес и дрова.

На завод прилетела весть о том, что в Москве восстал народ, идут баррикадные бои. «Вот она — революция!»

— Товарищи! Ну разве мы можем равнодушно ожидать конца боев в Москве? — говорил Гузаков на собрании большевиков. — Там сейчас, может быть, решается судьба революции. Надо помогать! Я поеду в Москву драться за свободу!

— Мы все с тобой! — крикнул Мызгин Иван.

Партийная организация создала вооруженную группу из 10 человек, во главе с Гузаковым, и отправила ее на поддержку москвичей.

* * *

В январе 1906 года тишину заводского поселка нарушила разудалая песня:

По Дону гуляем, по Дону гуляет,

По Дону гуляет казак молодой…

На главной улице симцы увидели сотню вооруженных казаков, лихо восседавших в седлах.

Из дома в дом разнеслась весть о прибытии вооруженных казаков.

Петя Гузаков прибежал к Василию Андреевичу Чевардину.

— Дядя Вася! Приехали казаки!

— Надо предупредить Михаила. — сказал Чевардин.

— Он же в Москве.

— В том-то и дело, Петя, что он и с ним вся дружина должны на днях вернуться. Может быть, это сделаешь ты со своими друзьями?

— Я?! Я сейчас…

— Постой, постой, выслушай прежде.

Чевардин доверил партийную тайну смелому, изобретательному мальчику, которого называл своим помощником, и был уверен, что Петя не подведет.

…Наступила напряженная ночь. Василий Андреевич смотрел в окно. С неба ярко светила луна. По улице редко пробегали собаки, да с песнями проезжали казаки. Вдруг на дороге появились трое ребят в полушубках. Они остановились, толкнули друг друга, свалились в снег, побарахтались, встали, отряхнулись и пошли дальше. Это был Петя Гузаков с друзьями. До станции они добрались благополучно.

Василий Андреевич Чевардин (фото 1905 г.).

В вокзале дремал какой-то мужчина. Ребята осторожно присели недалеко от него, намереваясь здесь подождать прибытия поезда. Дремавший наклонял голову то вправо, то влево, потом уронил ее на грудь и открыл глаза. Ребята в ужасе узнали полицейского, нарядившегося в штатскую одежду. Шпик посмотрел на них и снова закрыл глаза. Мальчики тотчас вышли из вокзала.

Ночью ожидаемый поезд не пришел. Днем ребята катались с горы около вокзала. Кто мог подумать, что катаются не обыкновенные мальчишки, а большевистские разведчики?

Снова наступила ночь. Она была нелегкой для ребят. Усталость и мороз толкали их в помещение, но там торчал шпик. Уйти в дом к железнодорожникам нельзя. Находиться все время около вокзала неразумно, можно вызвать подозрение. Юные разведчики ушли к стрелочнику. Словоохотливый железнодорожник пустил их в будку и беседовал с ними до прихода поезда.

…Петя первый увидел брата на ступеньках вагона, проскользнувшего мимо.

— Миша! Миша, скорей ко мне! — изо всех сил крикнул Петя.

Михаил услыхал крик младшего брата и хотя не разобрал слов, но понял, что Петр не случайно здесь. Старший Гузаков, а за ним и дружинники соскочили с остановившегося поезда.

— Миша, Миша, — торопясь, заговорил Петя, — в Симе казаки. Дядя Вася велел вам скрыться. И здесь шпик.

Разведчики скрылись.

* * *

Казаки жили в Симе несколько дней. Они с песнями разъезжали по поселку, никого не трогая. Жители уже стали поговаривать: «Поживут, припугнут нашего брата и уедут». И вдруг ночную тишину разрезали винтовочные выстрелы, визг собак и хлопанье дверей. Каратели ворвались в дома рабочих. Свистели нагайки, плакали женщины и дети. Казаки перетряхнули все имущество в двадцати домах и арестовали 15 рабочих, в том числе и Василия Андреевича Чевардина.

Урядник Чижек-Чечик в сопроводительной написал:

> «С помощью тайных агентов выявлены 15 наиболее активных революционеров. (Список прилагаю). Арестованные не сопротивлялись. Вещественных улик не найдено».

Каково же было удивление урядника, когда на другой же день после ареста пятнадцати, Перлаков принес листовку, распространенную в поселке. Эта листовка была напечатана в типографии. Она сообщала о том, как царь утопил свой Манифест в крови, задушив восстание в Москве. Листовка звала к продолжению борьбы с самодержавием.

Чижек-Чечик искал в этой листовке отклик на арест пятнадцати, но не нашел. Создавалось впечатление, что действует какая-то организация, к которой не имеют отношения арестованные «активные» революционеры. Больше того, перечитав листовку, урядник подумал, что арестовал, пожалуй, не главных.

* * *

Умов полагал, что в связи с арестом пятнадцати, на заводе могут возникнуть беспорядки. Но завод по-прежнему дымил,

грохотал, пыхтел и гудел в положенное время.

День после ареста «главных» революционеров прошел совершенно спокойно. Ни митингов, ни групповых сборов, ни громких разговоров. Мастера докладывали Умову, что на заводе спокойно.

Управляющий заключил, что арестовали, видимо, самых главных смутьянов, раз народ молчит.

Настроение у Умова еще более поднялось, когда он получил желаемую телеграмму от заводовладельца Балашова. Хозяин, узнав о подавлении восстания в Москве и расправе на местах, осмелел. Он приказал восстановить прежние порядки на заводе.

> «Никаких прибавок к сдельным платам. Отпуск леса и дров производить только по билетам и за попенную плату. Возвратить на службу самоуправно удаленных Войткевича и других. Если рабочие и служащие этому требованию не подчинятся, буду вынужден закрыть заводы. О чем прошу поставить в известность все население. Балашов».

Но еще не успел управляющий отдать приказ, как к нему явился Чижек-Чечик.

— Господин Умов, на заводе снова листовки. В поселке ночью была стрельба, кто-то пел песни революционного содержания. Нарушители порядка разбежались, когда мы попытались задержать их.

— Значит, вы арестовали не главарей. Когда вы, наконец, поймаете этого Гузакова?

— Ищем, господин Умов. Но надо еще что-то предпринять.

Посоветовавшись с местными властями Чижек-Чечик решил предпринять меры для устрашения населения.

В воскресный день они созвали сход. Собравшиеся увидели на площади ряд виселиц и большой портрет царя Николая Второго…

— Братья и сестры! — громогласно обратился священник Жуков. — Да простит вам господь все прегрешения. Покайтесь в грехах своих, просите прощения у государя и целуйте крест. Поклянитесь в верности государю и миролюбии. Да будет воля господня и рассеется зло, затаенное вами против хозяев своих и великого государя.

— Кайтесь, православные! Петля для вас приготовлена! — крикнул кто-то из толпы, — Где царь, там и виселица! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! — неслось со всех сторон из толпы. То там, то тут произносились короткие речи. Ораторов заслоняла толпа, только слышались их гневные

голоса. Из многих голосов выделился один, который симцы слыхали при каждой решающей схватке с местными властями. Это голос Михаила. Вот он крикнул:

— Все понятно, товарищи! Расходитесь!

Народ отвернулся от царского портрета, и потекла народная река по всем улицам поселка. Весь день в поселке негодовал народ: «Вздумали запугать виселицами, палачи! Да мы вас самих на виселицу вздернем!

Перепуганный Чижек-Чечик приказал немедленно убрать виселицы и царский портрет.

Умов неистово орал в своем кабинете:

— Какой безмозглый дурак выставил виселицы?!

— Господин Умов, я полагал, что…

— Что вы полагали со своей идиотской затеей?! Уходите отсюда, пока я не наговорил вам еще дерзостей!

Впервые Умов выгнал из своего кабинета Чижека-Чечика.

На другой день во всех цехах завода возникли короткие митинги. Ораторы не поднимались на станки. Они говорили в народе. Рабочие их укрывали от глаз мастеров и заводской администрации.

Во второй половине рабочего дня Мастера по цехам объявили приказ Умова:

> «Хозяин отклоняет все требования рабочих. Приказываю:
>
> 1. Восстановить 12-часовой рабочий день и прежнюю заработную плату.
>
> 2. Возвратить на службу самоуправно удаленных Войткевича и других.
>
> 3. Отпуск леса и дров производить только по билетам и за попенную плату».

В ответ по заводу пронесся клич:

— Будем работать по девяти часов и ни минуты больше! Нет, господин Умов, по-вашему не будет! Бросай работу!

Большинство рабочих тотчас же ушли с завода. А на следующий день все пришли, но работали только девять часов. И так поступали ежедневно, несмотря на угрозы заводской администрации.

Умов снова вызвал карателей. Приехали тридцать казаков и двадцать стражников, которые надолго остались в Симе. Они теперь не распевали песен, а разъезжали но улицам и пороли каждого встречного, если тот не кланялся им, или не обнажал головы. Они избивали также тех, кто почему-либо оказывался на улице глубокой ночью.

Полицейские все чаще и чаще стали навещать завод. Но стоило им зайти на территорию завода, как об этом уже знали во всех цехах.

* * *

Обычный зимний вечер. В долину со стороны, не защищенной горами, ворвался сильный ветер. Он вихрем понесся по улицам поселка, останавливая встречных.

Юноша свернул в переулок и скрылся. Он перешел на другую улицу и остановился у дома с тремя освещенными окнами. Высокий, острый карниз. Чердачное окно с застекленной рамой. Тесовая крыша. Две трубы. Ворота тесовые с карнизом. Подворотня с лазом для собаки. У калитки большая кольцеобразная ручка. Окна подняты выше среднего человеческого роста, без ставней.

Все приметы сходятся. Нужно проверить еще одну. Юноша слегка кашлянул. Тотчас в подворотню высунулась собачья морда с белой полосой на черном носу.

Юноша поднял руку и легонько три раза с перерывами постучал в стекло.

Через минуту во дворе послышался мужской голос:

— Барбос, пошел на место! Кого бог послал?

— Ангела с того света.

— Каким путем?

— С попутным ветром.

— Кого надо?

— Доброго хозяина, который бы согрел ангельскую душу.

— Милости просим.

Калитка открылась. «Ангел» вошел.

Хозяин открыл сени и весело крикнул:

— Миша! Зажигай свет, к тебе гость.

Чиркнула спичка, загорелась керосиновая лампа.

— Ба! Вот это гость!

Михаил обнял пришедшего и крепко расцеловал. Хозяин улыбнулся и вышел.

— Здесь надежно? — спросил гость.

— Вполне.

— Тогда не будем терять время. Пригласи верных людей. Надо оформить дружину и избрать совет.

Михаил вышел в сени, позвал кого-то из передней избы, поговорил и возвратился к гостю.

— Ну, раздевайся, садись за стол. Вот тебе горячий чай,

сахар, шаньги. Кушай и рассказывай все новости.

— Пожалуйста, только чур меня не тискать, а то задушишь от первой же новости. Тебе привет от Веры Кувайцевой.

— От Веры?! Где она?

— За границей. Выслали. Известно от нашего товарища, вернувшегося из Швейцарии. Он все узнал от брата Веры Григория Кувайцева.

— Да-а. Не видать мне больше Верочки.

— Ну нет. Теперь, пожалуй, более вероятна встреча. Там хорошо работают наши товарищи, умело переправляют большевиков обратно в Россию.

Беседа друзей была нарушена приходом младшего брата Гузакова.

— Миша, ребята собрались в Народном доме, ждут твоего приказа.

— Молодцы. Петя, позови их сюда. Только пусть соблюдают осторожность и пикеты расставят.

— Слушаюсь, — по-военному ответил Петя и юркнул в дверь.

Через несколько минут в избе появились табуретки, скамейки. На столе — бутылки, рюмки, закуска, ножи и вилки. Вскоре пришли и «гости». С гармошкой, балалайкой, веселые, раскрасневшиеся от мороза «гости» приветствовали Михаила и незнакомца.

— Раздевайтесь, дорогие гости, присаживайтесь за стол. Все собрались?

— Все, кроме арестованных, — ответил Петр.

— Товарищи, — обратился к собравшимся Гузаков, — к нам из Уфы приехал товарищ Кадомцев Михаил. Это один из организаторов боевых дружин, член нашей партии, исключенный из кадетского корпуса за революционную работу. Он — знаток военного дела, — сейчас расскажет нам… Впрочем, это он сам скажет. Пожалуйста, Миша.

Михаил Кадомцев.

Из-за стола поднялся ровесник Гузакова, смуглолицый юноша с едва пробивающимися усиками. Он поправил пышные темно-каштановые волосы и сказал:

— Товарищи, прежде чем сообщить о цели приезда, позвольте передать вам привет от ваших товарищей, находящихся в Уфимской тюрьме. Наш комитет наладил связи с заключенными. Таким образом и привет вам передали. Они просили предупредить вас, что в вашу среду проник провокатор.

— Кто, кто? — разом спросили слушатели.

— Фамилию провокатора они не назвали. Вас они просили быть осторожнее. Комитет рекомендует вам усилить свою деятельность на заводе и этим создать мнение у местных властей, что арестованные не причастны к революционным делам, ибо и без них все идет так же, как было при них. Достаточно убедиться в этом жандармскому управлению и ваших товарищей выпустят.

— Сделаем, сделаем все! — зашумели слушатели.

— Ленин советует учить революционеров военному делу, организовать боевые дружины, которые должны немедленно действовать, сеять панику в стане врага, обезоруживать полицейских, освобождать арестованных революционеров,

отнимать у неприятеля деньги и обращать их на нужды восстания.

У вас, как нам известно, уже положено начало боевой дружины, избран сотником товарищ Гузаков. Это хорошо. Сегодня надо избрать совет дружины, наметить план ваших действий и потом приступить к обучению, руководить военными занятиями поручено мне. Надо утвердить на партсобрании состав боевой дружины, разделить ее на пятерки. Вот за этим я и приехал сюда по поручению уфимского комитета большевиков, — закончил Кадомцев.

Состав дружины определили единодушно. В нее вошли половина партийной организации.

— Когда начнем занятия? — спросил кто-то из «гостей».

— Весной, как только растает снег, — ответил Кадомцев. — Запасайтесь оружием, используйте для этого холодное оружие, действуйте без шума. Если кто из вас попадет в лапы полиции, не признавайтесь ни в чем. Предателю — смерть! Поклянитесь, товарищи!

— Клянемся! — ответили все разом.

— Хорошо. Только, пожалуйста, потише. Так и передам комитету, что симская организация и ее дружина верны делу большевиков. У меня вопросов больше нет.

— На сегодня хватит, товарищи. Расходитесь парами, — предложил Гузаков.

Гузаков и Кадомцев крепко пожали руки уходящим друзьям.

* * *

В марте один за другим возвратились в Сим все пятнадцать, побывавших в Уфимской тюрьме.

На тайном собрании большевиков Озимин Василий сообщил:

— В тюрьме по внутренней «связи» я узнал об аресте товарищей, у которых получал литературу в Уфе. Их арестовали через неделю после моего отъезда. Арестованных обвинили в том, что они пересылали в Сим запрещенную литературу. Называли мою фамилию. Уфимские друзья не подтвердили это. Жандармы спрашивали меня — в каком месте около Синих камней я спрятал литературу, привезенную из Уфы. Я рассмеялся. Они избили меня и больше не допрашивали. Только после того, как уфимские друзья по тюремной связи спросили меня, арестован ли тот, с кем я был у них, я понял, что нас предал Перлаков. Я, не спросив вашего разрешения, возил его с собой в Уфу, был с ним в домах, о которых меня спрашивали жандармы. Я ему сказал, что

литературу спрячу у Синих камней.

— Зачем ты брал его и почему соврал ему о литературе? — спросил Гузаков.

— Я его готовил в наши ряды. А соврал потому, что усомнился в его искренности и хотел сам убедиться в его намерениях, но не успел. Арестовали.

Собрание бурно реагировало на сообщение Озимина. Выяснилось, что Перлаков бывал в доме Чевардина во время читки запрещенной литературы, встречался с теми, кого арестовали в январе. Ребятишки видели его с урядником на улице и стражников около Синих камней. Все факты говорили о том, что Перлаков шпион. Собрание постановило уничтожить его.

* * *

В ремесленной школе появились два тяжелых ящика. Когда и кем они были занесены в инструментальную, никто из учащихся не видел, да и вряд ли кто обратил внимание. Но вот сюда зашел юный разведчик боевой дружины — ученик ремесленной школы Петя Гузаков. Он прощупал один ящик и обнаружил пистолеты. Удивленный разведчик немедленно сообщил об этом своему брату.

— Молодец, Петя, — одобрил действия брата Гузаков Михаил. Наблюдай за ящиками, но виду не подавай, что интересуешься ими. Сделай ключи к входным дверям и принеси их мне. Будь осторожен.

Михаил Гузаков немедленно созвал совет боевой дружины.

— Товарищи, разведка обнаружила в ремесленной школе два ящика с пистолетами. Есть предложение изъять оружие. Вы согласны?

— Согласны, — ответили Мызгин Иван и Валерий Теплов.

— Тогда, вот мой план…

…Ночь. Погасли огоньки. Поселок замер. Даже прекратилось цоканье копыт, напоминавшее жителям о ночных патрулях. В два часа к ремесленной школе бесшумно подъехал Мызгин Иван. Он предусмотрительно обмотал тряпками копыта коня. Гузаков Михаил и его друзья были уже здесь.

— Лошадь во двор! — приказал Михаил.

Иван послушно выполнил распоряжение. Михаил махнул рукой и все ринулись по своим местам. Валериан Теплов и Алексей Чевардин перелезли через забор и встали у входа на кухню. Киселев остался около лошади. Петя Гузаков беззвучно открыл парадную дверь. Ширшов встал часовым в прихожей.

Лаптев и Леонов заняли парадный ход директорской квартиры. Остальные с кошачьей осторожностью вошли в инструментальную.

Вошедшие остановились. Минута без движения. И затем Петя Гузаков и Митя Кузнецов разом навалились на сторожа. Послышалась возня. «Неужели не справятся ребята», — подумал Иван. И в этот миг услышал: «Готово».

— Выносите ящики! — приказал Гузаков.

Четверо схватились за ящик. Вдруг в квартире директора появился свет. Дружинники приготовились схватить директора. Замерли. Донеслось шлепанье туфель. Погас свет. Снова все смолкло.

— Пошли!

Четверка вытащила два ящика и погрузила в телегу.

— Снять всех с постов и но домам! А мы поехали.

Бесшумная повозка покатилась по гладкой, немощеной дороге.

* * *

Директор ремесленной школы был удивлен утренней тишиной.

Он быстро оделся и направился к выходу, но не смог открыть дверь, бросился к другой, она оказалась подпертой. Пришлось разбить стекло у парадной двери и пролезть в свой кабинет, в котором был телефон.

— Алло-алло! Поскорее соедините меня с полицией! Алло, алло! Полиция? Говорит Костырев. Здесь что-то произошло.

Полиция окружила школу, осмотрела все вокруг и затем вошла в двери, открытые Костыревым. Стражники нашли связанными прислугу и сторожа.

— Господин урядник, ящиков нет, — доложил один стражник.

— Кто вас связал? Отвечайте! — заорал Чижек-Чечик на развязанных.

— Ничего, господин урядник, не успели разобрать. Они внезапно наскочили, закрыли лицо, заткнули рот и скрутили…

Чижек-Чечик разослал всех стражников и казаков по поселку.

— Обыщите дома всех бывших арестантов и дом Гузакова, перетряхните все, ищите оружие! Проверьте, дома ли бывшие арестанты. Немедленно!

Полицейские и казаки с точностью выполнили приказ урядника, но не нашли никакого оружия. Бывших арестантов они

застали дома. Гузаковы заявили, что их сын Михаил уже давно не живет с ними, и не знают, где он.

Однажды, поздним вечером, шпики заметили появление Гузакова у Пашковых. Через двадцать минут примчалась полиция. Они перерыли все в доме Пашковых, искали и во дворе. Но Гузакова не нашли. Он в это время проводил совещание боевой дружины на кладбище в часовне.

Дружина собралась в связи с приездом Кадомцева.

— Сегодня, товарищи, начнем регулярную военную подготовку, — говорил Кадомцев. — Будем учиться стрельбе из разных видов оружия, метанию бомб, изучать тактику уличного боя, овладевать приемами джиу-джитсу, навыками строгой конспирации. Будем готовиться к решающему бою с самодержавием.

Боевики с напряжением слушали своего учителя. Вокруг часовни стояли пикеты, зорко охранявшие собравшихся.

— Нам потребуется оружие, — продолжал Кадомцев, — вы уже добыли два ящика и кроме них еще 8 маузеров, 11 браунингов, три нагана и несколько ружей. Словом, дружину вооружили. Но нам нужны еще бомбы. Постарайтесь изготовить их на заводе.

— Сами? — с удивлением спросил Иван Мызгин.

— Да, сами. Вы сделаете оболочку, а начинять их будем в другом месте. Оружие надо доставать всеми путями. Его потребуется очень много для того, чтобы вооружить народ. Не забывайте, что мы, дружинники, выполняем с вами только часть общепартийного дела, часть подготовки к восстанию. Ошибается тот, кто думает, что только силами боевиков можно свалить самодержавие. Партия требует вооружения народа и его обучения военному делу. Вот мы с вами научимся сами и должны подготовить к бою массы.

Вскоре опытные люди начали отливать в литейном цехе чугунную оболочку для бомб, а в механическом их растачивали.

* * *

Умов с помощью карательного отряда ввел на заводе двенадцатичасовой рабочий день, снизил заработную плату, отнял прибавку, завоеванную рабочими, восстановил процентное удержание из заработной платы, утвердил таксу штрафов.

Во всех цехах на стенах появились черные железные листы с жирной белой надписью: штраф. За курение во время работы — 30 копеек, за мусор и окурки в цехе — 40 копеек, за невежливый

разговор с мастером — 50 копеек, за неснятие шапки перед мастером — 40 копеек, за пререкания с мастером или управляющим завода — 50 копеек, за утерю бирки — 20 копеек, за вход в контору без разрешения — 30 копеек.

На кордонах Умов усилил охрану. Запретил вывозить из леса не только бревна, даже хвою.

> «Без оплаты и особого на то разрешения запрещаю брать в заводском лесу даже ветки на веники», — писал Умов лесникам.

Все больше и больше накипала ненависть рабочих к управляющему и к карателям, оберегающим умовские порядки.

Умовский подручный — урядник Чижек-Чечик разрешил полиции применять огнестрельное оружие. В поселке чаще стали раздаваться выстрелы.

* * *

Неожиданно отозвали в Уфу всех казаков и прикомандированных стражников.

Боевики воспользовались отъездом карателей и развили такую деятельность, что паника охватила местную власть и полицию.

Боевая дружина теперь была хорошо вооружена.

Подготовленная Кадомцевым, она действовала уже как опытная воинская часть. Но не хватало ручной «артиллерии». Оболочек для бомб заготовили много, но нечем было их начинять.

Михаил Кадомцев предложил захватить динамит и гремучую ртуть на складе у строителей железнодорожного моста около Усть-Катава.

Разведка сообщила, что склад находится примерно в версте от моста, в лесу, в дощатом сарае. Вся территория обнесена забором из жердей. Живут там несколько сторожей.

— Более удобного ничего не найдешь! — сделал вывод уфимский штаб боевых дружин и поручил эту операцию уфимским и симским боевикам под командованием Михаила Кадомцева.

В состав чрезвычайного отряда из симцев Гузаков назначил Мызгина Ивана, Леонова Гавриила и двух новых дружинников — Киселева Александра и Королева Василия.

Кадомцев, прибывший в симский лес с пятью уфимцами, назначил своим заместителем Гузакова Михаила и проводником

Носкова — рабочего Усть-Катавского завода.

Когда солнце скрылось за горы и повеяло прохладой после жаркого июльского дня, боевики, вооруженные револьверами, двинулись в путь. Дождавшись ночи, они нашли изгородь, связали сторожей, забрались в склад и положили в каждый мешок по две коробки динамита, патроны, гремучей ртути, бикфордов шнур.

Возвращались молча. Старались ступать осторожнее. И вдруг крик: «Вот они! Здесь! Окружай».

— Рассредоточиться! — распорядился Кадомцев. — Разбиваемся на две группы, — одна со мной, вторая с Гузаковым. Кто первым столкнется с засадой — принимай бой!

Уфимцы исчезли. Симцы гуськом двинулись за командиром. Шли настороженно. Внезапно Гузаков остановился, чуть не налетел на знакомую изгородь у динамитного склада.

Группа рабочих механического цеха на маевке в 1906 г. Во втором ряду, слева второй — Чевардин Василий.

— Я этих мест не знаю, — честно заявил Михаил. — Кто возьмется вести?

Все молчали.

— Миша, я прошлой весной здесь проезжал, — сказал Мызгин, — берусь вывести до чугунки, а там воля твоя.

— Веди, — ответил Гузаков.

Углубившись в лес, они несколько раз выстрелили. Стражники клюнули на приманку, бросились туда, а боевики между тем ушли. Через полчаса они добрались до моста. Но и здесь наткнулись на засаду.

— Стой! Кто идет?

— Свои, — как можно увереннее ответил Гузаков.

— Вот они! Держи их!

С откоса посыпались камни. Боевики скатились к реке.

— Мешки в воду! — тихо скомандовал Гузаков. Пять громких всплесков отвлекли внимание преследователей. Без груза дружинники скрылись.

* * *

В конце августа боевики собрались в густых зарослях черемухи на левом берегу реки Сима. Михаил Гузаков пришел из леса. Он в те дни жил в лесу у надежных пчеловодов и лесников. Иногда он встречался в условленном месте с Мызгиным Иваном, Чевардиным Василием, со своими братьями и через них с дружиной.

— Прежде всего, сообщаю вам, товарищи, — сказал Гузаков, — что уфимцы доставили динамит в штаб боевых дружин. Теперь в Уфе налаживается производство бомб. Нам предстоит это дело тоже освоить. Динамит мы достанем из реки. И еще одна новость. Штаб предлагает нам выделить одного товарища. Пошлют его с особым заданием за границу. Я рекомендую Мызгина Ивана. А где он?

— Он, видимо, тебя в лесу ищет, — ответил Теплов. — Какой-то негодяй, наверно, следил за ним и за Васей Лаптевым. Вася ночью возвращался с собрания домой и наткнулся на обыск у них в доме. Он растерялся и вместо того, чтобы бежать в лес, помчался к Мызгину. И только успел зайти, на них нагрянула полиция. Ну Иван и не успел спрятать все, что взял у нас. Убежать-то им обоим удалось, а книги, прокламации, пироксилиновые шашки, немного гремучей ртути и бомба, которую он сам зарядил, попали в лапы полиции.

— Эх, черт бы их побрал, — выругался Гузаков. — Теперь Ивану и Васе придется скрываться так же, как мне. Надо немедленно убрать из своих домов все нелегальное, не прятать по своим садам и огородам. Зарывайте либо на заводе, либо за селом. Мы обязаны сберечь наших людей, чтобы, когда придет час, было кому взять оружие.

— Когда мы возвращались вместе с Васей домой и только

расстались, я около дома Мызгина встретил Шельцова, — заявил Козлов Василий. Он што-то тут крутился. Да и Петька Горшков рассказывал, что он несколько раз видел Шельцова вместе с урядником. Петька встречал Шельцова около дома Пашкова в тот вечер, когда тебя, Миша, пытались сцапать.

Дружина постановила проверить подозрение Козлова и, если будут замечены еще какие факты сотрудничества Шельцова с полицией, то убрать с дороги этого мерзавца. Выполнение приговора, после разрешения совета дружины, поручили Козлову Василию и Петру Горшкову.

Вскоре симцы, уже привыкшие к происшествиям, узнали еще об одном. Ночью полиция подобрала на улице умирающего Ваньку Шельцова. Полицейские отвезли его в больницу. Там он и умер, не приходя в сознание. Найти «преступников» полиции не удалось. Тогда урядник решил, что все «беды» от Гузакова, и приказал заманить его в ловушку.

* * *

Все чаще и чаще стало хмуриться небо. Моросили дожди. Завывали ветры. Наступали заморозки.

В Сим из Биянки возвратился лесник Василий Иванович Гузаков, отец Михаила. Вечерком, нагревшись в баке, он напился горячего чаю с медом и лег в постель. Хорошо!.. Приятно отдохнуть в своем доме после долгих разъездов по лесу. И вдруг стук в ворота.

— Кто ото там? Сходи-ка, мать, спроси.

У ворот послышался грубый голос:

— Именем его императорского величества приказываю отворить!

— О, господи! — прошептала старушка и открыла ворота.

Как разъяренные псы, ворвались во двор полицейские. Несколько человек осталось во дворе, остальные ринулись в дом.

— Обыскать! — приказал старший.

Полицейские перерыли все, уже не раз ими перетрясенное.

— А ты, старик, слезай с кровати и иди во двор.

— Куда же я пойду раздетый? Подождите минуточку, оденусь.

— Нам некогда ждать. Иди так. Мы тебя недолго задержим. Ну! Иди вперед! Пусть твой сынок стреляет в тебя первого!

Полицейские зажгли фонари и, подталкивая Василия Ивановича, вышли во двор. Дождь и холодный ветер сразу окатили Василия Ивановича. Дрожа всем телом, скользя по грязи

и падая, старик шел туда, куда приказывала полиция. Они держали его под осенним дождем около трех часов.

— Што, замерз? Благодари за это своего сына! А теперь иди, грейся.

Утром жена Василия Ивановича позвала доктора. Старик лежал в сильном жару.

— Воспаление легких, голубушка, надо везти в больницу, — сказал доктор.

Весть о ночном обыске у Гузаковых и болезни Василия Ивановича молниеносно облетела весь поселок. Друзья Михаила, встревоженные этой вестью, сообщили ему о болезни отца.

На другой день, вечером, к заводской больнице подкатила коляска. С нее двое дюжих парней сняли тяжелобольного с завязанной головой и лицом.

Медицинские работники всполошились.

— Что случилось? Кто больной? Куда его сейчас?

— Несите в операционную, — приказал дежурный врач. — А вы, господа, выйдите, пожалуйста. Здесь не полагается быть посторонним.

Юноши, принесшие больного, вышли в коридор. С ними каким-то образом оказался еще один мужчина. Он весьма участливо расспрашивал — кого принесли, что с ним случилось. Это был заводской счетовод Генбальский.

Сестра поспешно сняла повязку с больного и оторопела. Перед ней сидел совершенно здоровый, улыбающийся Михаил Гузаков.

— Прошу не волноваться, — сказал Михаил. — Господин врач, очень прошу вас распорядиться. Скажите сопровождавшим меня, что они могут уйти. Больного вы оставляете в больнице. Пусть навестят завтра. Только не вздумайте сказать кому-либо, кого вы приняли.

— Что вам от меня нужно, молодой человек? — спросил врач у Гузакова.

— Скажите, пожалуйста, в каком состоянии мой отец?

— Безнадежном, но в сознании.

— Разрешите пройти к нему.

— Сестра, дайте халат и проводите.

— Благодарю. Извините за то, что отвлек вас от дел.

Врач ушел, а через несколько минут сестра провела Михаила в палату.

— Больной, как вы себя чувствуете? — громко спросил Михаил, наклонившись к отцу.

— Миша! Да как же ты… Тебя же… — задыхаясь, произнес Василий Иванович.

— Не волнуйся, отец, меня им не взять. Я не один. — Михаил многозначительно показал на маузер под халатом.

— Миша, милый… дай бог тебе удачи… — заливаясь слезами и задыхаясь, чуть слышно говорил отец. — Я верю в твое дело…

С ближайшей койки поднялся больной, подхватил живот и в больничном белье посеменил к выходу из палаты. Михаил не обратил внимания на выходящего, иначе он признал бы в «больном» хозяина пивной.

— Милый, дорогой мой отец, прости меня за все причиненное тебе, — сказал Михаил, целуя Василия Ивановича.

Вдруг на улице раздался выстрел, и загремела удаляющаяся коляска. Захлопали ответные выстрелы, зацокали копыта.

— Прощай, отец! — крикнул Михаил и, сдернув халат, бросился к выходу, который указала сестра.

В поселке гремели выстрелы. Юноши, привезшие «больного», успели спрятать коня с коляской еще до того, как полицейские появились на расстоянии видимости. Один выстрел, которым предупредили Гузакова, вызвал беспорядочную стрельбу. Полицейские прогнали мимо. Когда они опомнились, Михаил был уже на дровяном складе в заводе, где и днем можно скрыться.

Чижек-Чечик бесцеремонно ворвался в больницу.

— Куда вы смотрели?! — орал урядник на Генбальского.

— Господин урядник, он здесь не выходил, — оправдывался шпик.

— Как? За кем же гнались? Обыскать! — приказал урядник.

— Господин урядник, вы забываете о том, что здесь больница, — протестовал врач.

— Плевать на больницу! Искать!

На третий день Василий Иванович скончался. 26 сентября 1906 года состоялись его похороны. За гробом шли сотни рабочих. Впереди процессии и сзади гарцевали конные полицейские. Они, как стая хищников, выслеживали «добычу», ждали появления Михаила.

А он в это время со слезами на глазах смотрел на процессию из окна дома Субботиных, подвязавшись для конспирации платком.

— Миша-а!! — послышался с улицы разрывающий сердце крик матери.

Михаил вскочил, как ужаленный. Но остановили друзья.

— Миша! Нельзя. Смотри как закидались стервятники, услышав твое имя, думают, што ты появился в толпе.

— Вы жертвою пали в борьбе роковой…

— Слушай, Миша, это запел Василий Андреич, слушай, как его поддерживает народ. Они с тобой, Миша! — уговаривали

друзья, не пуская Михаила на улицу.

А похоронная процессия двигалась все дальше и дальше. Многие плакали в тот час. Многие гневно сжимали кулаки. Полиция мешала поющим, теснила их, но боялась предпринять что-либо против этой грозной массы.

Как только похоронная процессия дошла до кладбища, к дому Субботиных подъехал в тарантасе Петя Гузаков.

Вооруженный Михаил выбежал на улицу.

Сыпал мягкий, мокрый снег. На улице — ни души.

Тарантас покатился по Конке, свернул в Китаев переулок, выскочил на Подлесную и вдруг на перекрестке столкнулся с двумя конными стражниками. Остановился тарантас. Остановились и всадники. Михаил вынул маузер из кобуры. Всадники свернули с дороги, помчались, подхлестывая своих лошадей. Тарантас повернул по Подлесной улице к заводу. Михаил расцеловал братишку, махнул ему рукой и свободно вошел в проходную.

Шум, лязг, грохот, дружеские приветствия встречных — все это ободрило Михаила, породило у него уверенность в безопасности.

Около литейного цеха Михаила окружили рабочие. Кто-то обнял и поцеловал, кто-то соболезновал по поводу смерти отца. На опоку поднялся Алексей Чевардин и крикнул:

— Товарищи, не дадим в обиду нашего Мишу. Царские псы погубили его отца и за ним гоняются. Товарищи, постоим друг за друга! Если придут полицейские, выгоним их с завода к чертям!

— Правильно! Не дадим полиции Михаила! — кричали рабочие, окружая Гузакова плотнее.

Эти возгласы привлекли сюда еще больше народа из других цехов. Михаил поднялся на опоку.

— Товарищи, дорогие, родные мои, мне тяжело говорить в этот час. Только что похоронили моего отца.

Гузаков снял папаху, смахнул слезу и замолчал.

— Смерть палачам! — крикнул кто-то из толпы.

— Товарищи! — продолжал Михаил, — копите силы, готовьтесь к решающим битвам! Время для выступления еще не пришло. Мне, пожалуй, лучше уйти в лес. Иначе вам не избежать беды.

Вдруг раздался крик:

— Полиция!

От проходной вдоль высокого заплота по узкому проходу возле строящегося столярного цеха к литейному цеху с винтовками в руках бежали стражники.

— Гузаков, сдавайся, а то будем стрелять! — орали

стражники.

— Убирайтесь к чертям! Гузакова не дадим! — ответили рабочие.

Грохнул залп. Толпа шарахнулась, но не побежала. Минутная растерянность — «Неужели будут в народ стрелять?» и, как бы рассеивая сомнения, полицейские выстрелили в толпу. Упал один рабочий, свалился второй…

— А-а!.. Бей палачей!

На головы полицейских полетели кирпичи, болты, гайки, куски железа. Рабочие ринулись на полицейских, отрезая им выход из завода. Ужас охватил «вояк». Они рванулись обратно, закрывая головы винтовками. Взвыл заводской гудок. Из всех цехов бежали люди.

— Товарищи! Убит Дмитрий Курчатов, тяжело ранен Егор Лаптев! Смерть убийцам! На улицу! — кричали рабочие.

— Товарищи, товарища! Остановитесь! — просил Гузаков. — Товарищи, нельзя воевать в одиночку. Здешняя полиция только часть большой армии убийц. На нас немедленно будут брошены жандармские войска. Мы не сможем устоять против них. Но ходите на улицу, не напрашивайтесь на расправу.

— Нет! Надо отомстить за убитых, пока не приехали каратели! — требовали рабочие.

— Товарищи! — попытался вразумить рабочих Михаил Гузаков. — Товарищи! Может, лучше потребовать от земского начальника, чтобы он наказал убийц?

Толпа заколебалась. Избрали депутацию к земскому начальнику. Но никто не ушел. Все ждали возвращения делегированных. Только предусмотрительный Алексей Чевардин бросился в контору. Держа в руках большущий «смит», он приказал телефонисткам выключить все телефоны и никого не соединять.

На слова заводских представителей о том, что полиция убивает невинных рабочих, Менкаржевский ответил: «Так вам и надо!» Этот ответ окончательно вывел из терпения рабочих.

— Вперед! К полицейскому участку! Отомстим убийцам за все! — с этими криками рабочие ринулись на улицу.

Михаил уже не мог удержать эту массу.

Предвидя исход выступления, Гузаков попросил Василия Чевардина, прибежавшего по зову гудка, сохранить часть большевиков, ни в коем случае не допускать их к участию в выступлении.

— Это необходимо для продолжения нашей борьбы, — говорил он.

Михаил приказал боевой дружине занять дорогу, ведущую к

железнодорожной станции и возглавить штурм полицейского дома.

Огромная толпа с шумом и криком покатилась по улице к полицейскому дому. В нее вливались новые и новые люди с ружьями, кувалдами, топорами, дубинами. Впереди шел вооруженный маузером Михаил Гузаков. Около дома Ларионова, в котором находилась полиция, народ остановился. Позвали домовладельца.

Вооруженное восстание симских рабочих 26 сентября 1906 года.

Макет бомб, сделанных боевой дружиной.

— Передайте полицейским, что если они не сдадутся, то мы сожжем их в твоем доме. А ты не волнуйся. Мы тебе всем обществом новый дом выстроим, — уговаривали Ларионова пожилые мужики Кузьма Чевардин и Макар Родионов, державшие в руках бидоны с керосином.

Ларионов вошел в дом, а оттуда вместе с ним вышел урядник Чижек-Чечик.

— Обезоружить и подвести ко мне! — приказал Гузаков.

Урядник, бледный, согнувшийся, отдал оружие и подошел к Гузакову.

— Сообщите своим подчиненным, господин Чижек-Чечик, — сказал Гузаков, — что если они сдадут оружие и немедленно уедут из Сима, мы их не тронем. Если же они вздумают сопротивляться, то сожжем их в этом доме.

— Их там нет, все убежали, — пролепетал, заикаясь, урядник.

— Врет, врет! — крикнул кто-то, — смотрите в окна!

Обеспокоенные долгим отсутствием своего начальника, стражники выглядывали в окна.

— Идите, господин урядник, и передайте им наши условия. Даю на размышление пять минут, — властно приказал Гузаков.

Перепуганный урядник рысцой побежал к стражникам. Толпа замерла в ожидании. Гузаков наблюдал за временем. Через пять минут он подал сигнал боевой дружине; «Занять укрытия».

Вдруг кто-то крикнул:

— Урядник удирает огородами!

— Догоняй его, бей! — взревел народ. Многие бросились в огород, в переулок бежали мужики и женщины. Урядник упал, вскочил, снова побежал.

— Р-раз! — крикнул какой-то рабочий, ударив урядника железной лопатой по голове.

На упавшего накинулись женщины. Слышались крики: «Это тебе за плети, за издевательства и насилия над нами, это за убитых тобою невинных людей. Бейте его, бабы, пока не сдохнет!»

— Пожарные, по местам! — скомандовал Гузаков.

В ответ посыпались разбитые стекла из окон, послышалась стрельба.

— Ой! — крикнул рабочий Даниил Насонов и, схватившись за голову, упал, сраженный пулей.

— Огонь! — приказал Гузаков.

Вспыхнул угол дома, облитый керосином.

Затрещали ружейные, винтовочные и револьверные выстрелы. Повалил густой дым. Стражники выскочили во двор. Трое вскочили на коней и кинулись в ворота. Первый из них кувырком вместе с лошадью свалился у ворот. Двое угнали. Остальные отстреливались со двора.

Охнул и упал еще один рабочий. Гузакову донесли: ранен Алексей Чевардин.

Прозвучал сигнал — тушить огонь! Заработали пожарные машины, полилась вода. И когда потушили огонь, многие бросились в несгоревший дом. Послышались голоса:

— Тащи его на улицу! Ишь, оделся в женское платье! В подвал забрался, гадина!

На улицу выволокли полицейского.

— Посмотрите на этого ряженого!

Измазавшийся в саже, необычно одетый, трусливый стражник вызвал общий смех. Смеялись так, что стражника выпустили из рук. Полицейский юркнул в ворота, но наткнулся на рабочего с ломом в руках.

— Э-эх! — рабочий опустил лом на голову ряженого. Тот свалился.

— Собаке — собачья смерть! Сдох!

Народ, боязливо оглядываясь, побрел по домам. Тяжелораненых Егора и Алексея отнесли в больницу. Убитых рабочих подобрали родственники. Растерзанных полицейских оставили на месте.

Гузаков попрощался с рабочими, обнял братишку, вскочил на серого коня, которого привел Петя, и ускакал в лес. Вслед за ним

ушли в лес и некоторые боевики.

Наступила тягостная ночь. Выпал снег. Все притихло. Только стучал телеграф:

— Уфа, губернское жандармское управление. Симе бунт убито два полицейских, Генбальский.

— Петербург, Департамент полиции. Копия комиссару корпуса жандармов. 26 сентября. Симском заводе при аресте агитаторов произошло столкновение полиции с толпой. На место командирован воинский отряд. Ротмистр 4260.

* * *

Утром мороз сковал землю. Завыл гудок. Еще вчера он подогревал, звал в бой. А сегодня резал слух, вызывая тяжелое предчувствие.

Из домов вышли угрюмые люди. Понурив головы, они побрели к заводу. Взялись за привычное дело молча, каждый работал и думал о том, что было вчера, что может быть сегодня. И, не сговариваясь, все пришли к одному: постоим друг за друга.

Напряженный день близился к концу. И вдруг раньше времени заревел гудок.

— Все на сход! — послышались возгласы мастеров.

— Все на сход! — понеслось по улицам поселка.

Валом покатилась толпа к земской управе. Собралось столько, что, казалось, никого больше не осталось в домах и на заводе.

— Тру-туру-ру-ту-ту-у! — пронеслось над толпой. И в этот миг с трех сторон ринулись конные. Они окружили народ. Вслед за конными прибежали солдаты с винтовками в руках.

На крыльцо вместе с Умовым вышел рыжий с пышными усами, увешанный аксельбантами, с наганом и шашкой на ремнях высокий полицейский.

Рыжий махнул белой перчаткой. Грохнул дружный залп. Толпа шарахнулась к центру круга и замерла в ожидании.

— Вы слышали предупредительный залп? — спросил рыжий. — Следующий может быть по вас, если поведете себя так же, как вчера. Немедленно сдайте оружие! Сейчас же назовите убийц! Выдайте главарей бунта! Иначе мы расправимся с каждым из вас! Н-ну!

Толпа молчала.

— Н-ну! Я вас спрашиваю! Молчите?! Так знайте же, мы все

равно переловим всех бунтовщиков! Правительство выдаст десять тысяч рублей тому, кто поймает вашего главаря Гузакова!

Толпа враз загудела:

— Нет у нас оружия!

— Нет среди нас убийц. Мы не продажные, не купите!

Рыжий выхватил наган и выстрелил вверх.

— Молчать!

Опять просигналил военный трубач. Еще прибавилось по цепи пеших и конных.

Прошел томительный час. Народ молчал. Не добившись ничего, рыжий снял осаду. Люди немедленно разошлись.

В Сим прибыли рота пехоты, эскадрон драгун, 300 пеших и конных стражников, а с ними и те, которые ускользнули от расправы. Возглавил карательную экспедицию известный своей кровожадностью уфимский пристав Бамбуров.

Все это войско разместили по домам непокорных жителей Сима. И в ту же ночь каратели начали расправу.

Более ста человек арестовали и избили, но ничего добиться не могли. Никто не признал себя участником восстания и не упомянул имени Михаила Гузакова. Не добившись на месте нужных показаний, пристав Бамбуров отправил арестованных в уфимскую тюрьму.

* * *

Тайные агенты, наконец, узнали, где находится Гузаков Михаил и Мызгин Иван.

Унтер-офицер сформировал из казаков и стражников добровольческий отряд лыжников и повел их в лесную сторожку к ручью Гремячка.

Эта сторожка находилась верстах в пятнадцати от железной дороги и сорока верстах от Сима, в ущелье меж крутых скалистых гор.

Михаил и Иван жили в сторожке как дома. Сюда никто не заглядывал. Они часто отлучались, и всегда без опасения возвращались обратно. И сегодня два друга, не спеша, катились на лыжах в свое убежище. Когда они находились в густом сосновом бору выше сторожки лесника, на сходящихся к ручью обрывистых скалах, до их слуха донеслись отрывистые голоса.

Затем Гузаков увидел вооруженных лыжников, отрезавших спуск в лощину.

— Что будем делать? Нас окружили. Остался один путь — десятисаженный обрыв.

— Миша, сзади каратели.

— Значит, прыгаем!

Друзья быстро сделали несколько замысловатых узлов на снегу, скрылись от глаз преследователей, соскользнули на край скалы, сняли лыжи и… прыгнули в пропасть…

Солдаты кружили по краю обрыва, но им и в голову не пришло, чтоб кто-то мог прыгнуть в пропасть. Каратели спустились к сторожке. Но и здесь никого не застали.

Охотники за людьми вернулись в Сим обескураженные.

Между тем на заводе вновь появились листовки, писанные плакатными буквами.

> — Карателям никогда не поймать Гузакова. Смерть предателю! (Дьяволов).

— Что за Дьяволов появился? — вопрошал Умов.

— Видно, друг Гузакова, — предположил унтер-офицер.

Вторая листовка была без подписи:

> «Товарищи! Всех не арестуют. Не падайте духом. Придет время, освободим арестованных. Берегите силы, готовьтесь к бою!»

Полиции было неизвестно, что часть большевистской организации на заводе уцелела. Чевардин Василий Андреевич, Теплов Валериан Владимирович, Озимин Василий Дмитриевич продолжали активную деятельность. Они поддерживали связь с Гузаковым, выполняли его советы и действовали самостоятельно.

Гузаков заболел. Его верный спутник Мызгин немедленно сообщил об этом в уфимский комитет большевиков. Михаила перевезли в Уфу. Туда же перебрался и Мызгин. Друзья остались в распоряжении уфимского комитета.

* * *

Шел день за днем, месяц за месяцем, они складывались в годы. Никто из арестованных не вернулся. Ни с кем не разрешалось свидание. Поступали тревожные сигналы из Уфы. Арестованных бьют, пытают, принуждают назвать себя убийцами. Раненый Алексей Чевардин, чуть живой, содержится в тюрьме без медицинской помощи.

Родственники арестованных не раз ездили в Уфу, нанимали защиту. В один из таких приездов они увидели огромную толпу народа, двигающуюся по улице.

— Куда идет народ?

— К тюрьме! В тюрьме политических убивают!

— Боже мой! О-о-о! — зарыдала женщина, приехавшая из Сима.

— Что с вами, голубушка! — подхватил побледневшую женщину солидный мужчина в форме железнодорожника.

— Там наши, симские рабочие, спасите их! — выкрикнула женщина.

Толпа загудела и бегом ринулась к тюрьме, но наткнулась на внушительную преграду: солдатские штыки и казацкие шашки. Раздался предупредительный залп. Толпа остановилась.

— Что там происходит? — спрашивали друг друга собравшиеся у тюрьмы.

— Говорят, шпана напала на политиков. Там сейчас идет бой.

— А чего же тогда солдаты-то здесь торчат, а не там?

— Они народ не пускают, как бы не освободили политиков.

Там действительно был бой уголовников с политическими заключенными. Следствие, не добившееся желаемых показаний от симских рабочих, натравило на них уголовников, попыталось без суда расправиться с заключенными.

Во время прогулки уголовников, которых раньше оберегали от встречи с политиками, боясь «пагубного» влияния, тюремные надзиратели выпустили часть симских рабочих. Только они пристроились в хвост гуляющим, уголовники, ждавшие политиков, набросились на них. Бандитов было больше, чем симцев… Некоторые симцы упали, обливаясь кровью.

Кто-то вбежал в коридор и отчаянно крикнул: «Товарищи! Симских рабочих убивают уголовники!»

Большая часть симцев, находившаяся во второй камере, услышала этот крик. Послышались громовые удары в дверь второй камеры, затем грохот падающих кирпичей и туча пыли. В образовавшуюся брешь выскочили все заключенные. Они хватали кирпичи и бежали во двор.

Увидев вырвавшихся арестованных, тюремные надзиратели выпустили во двор еще одну камеру уголовников. Но теперь уже бандитам противостояла сплоченная сила, вооруженная кирпичами.

— Отрезайте выход! Жмите к стене! — командовал Павел — брат Михаила и Петра Гузаковых. — Не бросать кирпичи! Закладывайте кирпичи в рубашки и бейте бандитов с плеча!

Симцы тотчас отрезали уголовникам путь к отступлению и прижали их к стене. Жандармская затея сорвалась.

Вдруг на дерущихся обрушилась вода. Тюремщики подбросили пожарников на помощь уголовникам.

Об этой-то драке и стало известно в городе. Большевики немедленно подняли народ. Первыми ринулись к тюрьме под вой паровозных гудков железнодорожники.

Народ принудил прокурора и тюремную администрацию изменить отношение к политическим заключенным. Их немедленно перевели в другой корпус, подальше от уголовников, раненым оказали медицинскую помощь, Алексея Чевардина перевезли в загородную тюремную больницу.

Эти вести долетели и до Сима. Родственники арестованных, возвратившись в Сим, кто как мог рассказывали о драке в уфимской тюрьме. А те, которые вернулись позднее, привезли еще одну весть: «Алешу Чевардина из тюремной больницы украли большевики».

* * *

В Уфе на явочном пункте Михаил Гузаков сменил дежурившего боевика Андрея «Рябого» и вместе с ним пошел по улице. На углу улиц Центральной и Успенской им встретились две рослых дамы в ротондах. Михаил вежливо уступил дамам дорогу. А они сзади набросились на Гузакова и сбили его с ног. «Рябой» убежал. Из дворов выскочили стражники. Гузаков не успел даже схватиться за оружие, полицейские связали его.

Орава пеших и конных жандармов доставила связанного Гузакова в одиночный корпус уфимской тюрьмы. «Дамы» ликовали. Это были переодетые жандармы. Один из них по фамилии Колоколов служил стражником в Симе и знал Гузакова в лицо.

В делах жандармского управления появился очень важный документ:

> «4 декабря 1907 года в г. Уфе задержан крестьянин Симского завода Уфимского уезда Михаил Гузаков, обвиняемый в неслыханных преступлениях. При обыске у последнего оказалось: револьвер системы «браунинг», заряженный, кожаная сумка, в которой найдена печать уфимской боевой организации РСДРП, 48 патронов, список оружия, записная книжка, 12 рукописных листов, письмо на имя Владимира Алексеева, 12 подписанных листов с печатью СДП, три паспорта — один из них чистый, а остальные на имя Степана Мурзина за № 205 и Антона Сенкевича за № 235».

В ТЮРЬМЕ

Со скрежетом захлопнулась железная дверь. На руках и ногах кандалы. Плечо прикоснулось к сырой, холодной, шершавой стене. Михаил содрогнулся.

Пять шагов до окна. Три шага от стены к стене. В углу налево столик, прикрепленный к стене. Рядом железная кровать, привинченная к полу. Сзади, около двери, железная параша. На дверях — клок желтого света в волчке.

…Темным пологом закрылось узкое окно. Почернели ржавые, изъеденные сыростью стены. Тишина.

Медленно тянется время. Звякнет связка ключей, скрипнет тяжелая дверь, появится прячущий лицо человек, сунет пищу и исчезнет. Снова мертвая тишина.

И так каждый день.

Прошел месяц. Михаила даже не выводили из камеры. Он все чаще и чаще стал прикладывать ухо к полу. Гудит тюрьма. Слышится грохот параш, звон кандалов, жужжание голосов и редкий стук в стену. Михаил прижал ухом железную кружку к стене. Звуки донеслись отчетливее. Редкие удары повторились несколько раз. Стены говорили. Как же их понять? Михаил напряг память, чтобы вспомнить тюремную азбуку, которую на всякий случай преподавал Михаил Кадомцев.

«Где же ты сейчас, друг мой» — подумал Михаил и еще плотнее прильнул к дну кружки, прижав ее к стене.

— …раз …два …три — один короткий, второй сдвоенный, третий дробный, еще, еще… Да, да! Число ударов по алфавитному порядку в условном ряду. А, б, в, г, д, е. Я начинаю понимать! …г …д …е …М …и …ш …а …Г …у …з …т …е …з …ка …Ка.

— Друг мой, Кадомцев, и ты здесь! — еще сильнее заволновался Михаил. Застучали ответные удары — «Тезке Ка… Я в одиночке, в кандалах. Азбуку вспомнил. Стучи, Михаил…» Ответ: «Тебя скоро вызовут… Готовится суд над всеми симцами. Ка…». Ответ: «Понял. Готов постоять за всех. Михаил». Ответ: «Подумай. Надо ли жертвовать собой. Ка». Ответ: «Все равно пощады не будет. Михаил».

Связь боевиков наладилась. Гузакова вызвали к следователю.

— Вас, Гузаков, обвиняют в том, что вы организовали бунт в Симе. Вы это признаете?

— Уточняю, господин следователь, я мстил за убийство моего отца.

— Понятно. Кто ваши соучастники?

— Соучастников нет. Была масса обиженных урядником.

— Кто убил урядника?

— Я.

— А стражника?

— Я.

— Кто поджег дом?

— Я.

— Кто же стрелял?

— Я.

— Значит, во всем виноваты вы, а остальные?

— Они выполняли мои приказы.

— Кто конкретно?

— Не знаю. Невозможно разглядеть в тысячной толпе конкретных лиц, особенно когда сам в состоянии сильного возбуждения.

— Где вы взяли оружие, которым стреляли?

— У урядника, когда его обезоружили.

— У вас все получается гладко. Кроме вас виновных никого нет.

— Так оно и в самом деле, господин следователь.

— Что вы скажете о документах, отнятых у вас во время ареста. Откуда они?

— Ничего не скажу. Я все сказал о своей вине. — Михаил замолчал. Как ни пытался следователь побудить Гузакова к разговору, он не проронил ни одного слова.

Стены тюрьмы вновь заговорили:

«…друг, передай всем: во всем виноват только я. Так уже записано. Михаил». Ответ: «Передал. Были охотники взять на себя. Ка…» Ответ: «Запретите им. Михаил».

Снова мертвая тишина. Только скрежет открывающейся и закрывающейся железной двери резал слух Михаила. Теперь его стали выводить на прогулку. В тюремном дворе кроме него и охраны — никого.

Однажды стены передали Михаилу: «Наши готовят тебе волю». Самым приятным, мелодичным звуком показался Михаилу этот дробный стук в тюремную стену.

* * *

Однообразно текла жизнь в кирпичных стенах казематов. Задыхались от спертого воздуха заключенные в переполненных камерах. Мерзли и изнывали от холода и мертвой тишины в сырых одиночках. Звенели цепями кандальники, растирая

отекшие руки и ноги. Единственным утешением был размеренный стук в стену, устанавливающий связь между друзьями. Скрыто действовали связные, получавшие новости вне тюрьмы.

— Тук-тук-тук! — то быстро, то медленно доносились однозвучные удары по стенам.

Михаил с жадностью ловил каждый стук. И вдруг…

«…Миша, скоро суд. Добивается присутствия на суде твоя Вера. Она в Уфе. Твой тезка».

Еще томительнее потянулось время.

Настал день, когда всех симцев повели на суд.

Странная процессия двигалась по улицам города. Конные драгуны, пешие солдаты и жандармы сомкнутой цепочкой отрезали все выходы на улицу, по которой вели арестованных.

Впереди четыре всадника с обнаженными шашками. За ними пеший человек в кандалах, окруженный четырьмя штыками. Его внушительный вид привлек взоры многих обывателей. Огромная черная курчавая папаха на высоко поднятой голове. Смелый взгляд, прямые черты слегка побледневшего красивого лица. Черный полушубок со стоячим воротником и двумя рядами пуговиц. Твердый шаг и гордая выправка — таким шел Михаил Гузаков. За ним на расстоянии десяти шагов снова конные и по сторонам пешие жандармы. Посредине друг за другом на значительном расстоянии один от другого шли арестованные. Сзади — конные. На перекрестках и во дворах — вооруженные стражники.

— Кого ведут? — шептались обыватели, собравшиеся на всех перекрестках.

— Симских бунтовщиков, — отвечали всесведущие.

— Ну и охрана! Знать, сильны бунтовщики!

— Цыц! Молчи, пока и тебя не забрали.

Немало толков вызвала эта странная процессия. В толпе были и друзья арестованных. Они со скорбью провожали их на суд, но были бессильны что-либо сделать.

Судили сразу всех участников симского восстания.

В зал суда Михаила ввели последним и посадили отдельно от товарищей. Он улыбнулся и приветливо кивнул им. У всех подсудимых заблестели глаза. Самому младшему из них Петру Гузакову хотелось плакать, но взгляд старшего брата приободрил и его.

— Встать! Суд идет! — раздалась команда в зале.

Начался обычный судебный процесс.

Михаил пристально всматривался в лица присутствующих в зале. Среди них он не видел ни родных, ни земляков, ни товарищей по борьбе.

Вдруг его глаза встретились с другими, безгранично дорогими, милыми, родными. Часто, часто забилось сердце, кровь бросилась в лицо.

— Вера, милая, ты здесь! Я вижу тебя и рад, — всем своим видом говорил Гузаков.

Кувайцева не сводила глаз с любимого. Он возмужал и, кажется, стал выше ростом. На его лице нет и тени тревоги за свою жизнь. Как он внимательно слушает ответы своих друзей. Что они говорят? Вера долго не могла понять ничего. Думы о Михаиле властно захватили все ее внимание. Только бы не казнь…

— Смотрите, даже мальчишек судят, — послышался шепот соседки.

— Да, да, — машинально ответила Вера.

— Ни один из них не признает себя виновным, — продолжала соседка. — А этот, видимо, главный. И-и! Как он режет…

Вера вздрогнула. Михаил заявил, что виноват во всем только он и никто больше.

— Никакого бунта в Симе не было. Было лишь справедливое возмездие выведенного из терпения народа, возмездие уряднику за все издевательства над населением. Там не было убийц. Урядника и стражника растоптала масса, которая выполняла мою волю, мои приказы. А я мстил за отца!..

Председатель суда прервал Гузакова:

— Подсудимый Гузаков, вы говорите, что масса выполняла вашу волю, ваши приказы. Значит, волю своих товарищей вы подчиняли себе? Интересно знать, как же это вы делали?

Гузаков выпрямился и, стукнув кулаком по барьеру так, что кандалы зазвенели, громко ответил:

— Я тоже с большим интересом посмотрел бы на вас, ваше превосходительство, как бы вы посмели не послушаться меня, если бы я на свободе отдал вам приказ!

Председатель суда заерзал на стуле. Присяжные с изумлением переглянулись. Соседка вновь толкнула в бок Веру.

— И-и! Смотрите, какой смелый!

Вера увидела растерянность судей и гордую фигуру Михаила.

«Миша, родной, — думала Вера. — О, только бы не казнь, только не казнь…» — До конца суда Вера просидела как оглохшая.

Вдруг новая команда — «Встать! Суд идет!» — подняла Веру. Огласили приговор:

— «…приговорены к 20 годам каторжных работ и после отбытия на вечное поселение в Сибири Гузаков Михаил Васильевич, Чевардин Алексей Андреевич…»

Читавший перечислил еще четырех к 12 годам, троих к 8 годам. Вера не смогла запомнить их фамилии: сильно забилось сердце от радости — Мише жизнь. И только после перечисления семи фамилий она опять услышала…

— …как несовершеннолетним Гузакову Петру Васильевичу и Лаптеву Александру Ивановичу по три года тюремного заключения.

— …освободить Головяшкина Петра Степановича, Булыкина Ивана Михайловича, Чевардина Ивана Андреевича».

Суд окончился. Слушатели направились к выходу. Арестованных повели. Вера с криком «Миша!» бросилась к барьеру. Часовой остановил ее. Она беспомощно села. Зал опустел.

— Кто вы? — услышала Вера. Возле нее стоял защитник, выступавший на суде.

— Я… я… жена Гузакова Михаила.

— Как же я не знал об этом?

— Вот прочитайте и помогите мне.

Вера подала прошение, в котором просила суд разрешить ей, гражданской жене Гузакова, обвенчаться с Михаилом и жить с ним, где бы он ни был.

— Я передам ваше заявление, а вы завтра обратитесь к начальнику тюрьмы. Вам разрешат свидание, — предложил защитник и любезно проводил Веру из зала суда.

Гузакова возвратили в ту же камеру. Его неотступно терзала одна мысль: почему приговор вынесли не всем. Что затевают жандармы? Об этом он немедленно сообщил связным через тюремные стены. Получил ответ друга «Выясню. Ка…».

Прошла мучительная ночь. Днем неожиданно позвали:

— Гузаков! На свидание.

— Кто же это мог добиться свидания? — размышлял Михаил, пока вели его в особую комнату.

— Миша!

— Вера!

Они бросились друг к другу в объятия. Михаил тотчас почувствовал за воротом бумажку.

— Нельзя, нельзя, госпожа, так близко подходить, — предупредил надзиратель. — Присядьте вот здесь и говорите только о личных делах.

— Миша! Меня пустили на суд, как твою гражданскую жену. Я подала заявление, чтобы нас обвенчали. Ты согласен?

— Верочка, милая! Согласен!

— Я буду добиваться, чтобы сделали это как можно скорее.

— А я буду ждать, дорогая.

— Я пойду за тобой хоть куда! И что бы с тобой ни случилось, буду всю жизнь тебе верна.

— Спасибо, милая. Я ценю это, но надо ли жертвовать собой ради меня?

— Не говори так, Миша. Ради тебя я готова хоть в петлю!

— Что ты, что ты, Верочка!

Михаил мог допустить мысль о своей смерти, но о смерти Веры… никогда.

Молодые, красивые, смелые, они оба готовы жертвовать своей жизнью ради друга.

— Свидание окончено! — проскрипел надзиратель.

Михаила терзало нетерпение, тело жгла бумажка, лежавшая за воротом. Но надзиратель торчал у волчка. Наконец в волчке появился желтый свет, надзиратель ушел. Пора. Михаил вынул бумажку и торопливо прочитал:

> «Прокурор затевает второй суд, передает дело в военный Казанский окружной суд. Обвиняют тебя во всех грехах — в захвате оружия, динамита, денег и прочего. Крепись. В этом ты не виноват. Ждем Петруську с друзьями, которые хлопочут о тебе. Будь здоров. Ваш «великий конспиратор».

У Михаила заблестели глаза. «Петруська с друзьями готовятся вырвать меня из тюрьмы. Успеете ли, дорогие мои?» — мысленно спрашивал Михаил. — «Крепись. В этом не виноват». Значит, отрицать. Постараюсь.

Гузаков разжевал и выплюнул бумажку в парашу.

Вера много дней добивалась разрешения на венчание с Михаилом. Наконец разрешение дали, но на свидание не пустили, позволили только передать записку. Она написала:

> «Милый Миша! Наконец-то добилась разрешения на венчание. Оно назначено на 24 мая. Я приду к тебе в том наряде, который тебе больше всего нравился и в котором я сфотографировалась. Крепко целую тебя. Вера».

Михаил впервые безутешно заплакал. Пока Вера добивалась разрешения, Михаила судили второй раз и приговорили к смерти.

Слезы текли на записку любимой. Звякнули кандалы. Михаил с силой ударил кулаком в стену. Где-то хлопнула дверь, раздался крик, послышались частые удары, грохнула параша, провизжали ржавые затворы. Возня. Еще раз хлопнула железная дверь, со скрежетом замкнулись замки и снова мертвая тишина.

Только стены по всей тюрьме передавали:

— В камере смертников Гузаков Михаил, Лаптев Василий, Кузнецов Дмитрий, Литвинцев, Артамонов… В красном корпусе братья осужденных Павел, Петр Гузаковы. Поддержите их… в нашей камере никто не спит. Следите и вы.

В коридорах снуют солдаты. Надзиратели суют дула револьверов в волчки. Тюрьма притаилась. Слышится робкий стук сверху.

— Та, та та… та. Видим на улице, прилегающей к тюрьме, усиленные посты часовых. У тюремной конторы — скопление жандармов. Вероятно, этой ночью будет казнь.

— Та-та-та! Ту-ту-ту! — Заговорили стены, — этой ночью казнь. Скоро 12. Следите.

Тюрьма ожила: «Ш-ш-ш-тише, слушайте все…» И снова мертвая тишина.

Вдруг в этой жуткой тишине раздался отдаленный лязг цепей:

— Ведут, ведут! — вновь заговорили стены. — Ведут, ведут! — передавали друг другу заключенные.

Сколько глаз в этот миг напряженно вглядывались в темноту майской ночи?! Сколько ушей прильнуло к стенам и волчкам железных дверей в казармах?! Сколько сердец замерло в ожидании самого гнусного преступления — казни людей, боровшихся за свободу?!

Узкие окна не пропускали мутного света, подслеповатые лампы в камерах и электрические «солнца» во дворе погашены чьей-то трусливой рукой. В этой страшной темноте в последний путь мимо корпусов шли честные, свободолюбивые люди.

— Миша! Это ты? — раздался голос с верхнего этажа.

— Нет, я — Артаманов! — ответил сдавленный голос, заглушенный топотом ног и лязгом кандалов.

— Прощай, товарищ, прощай! — покатилось от корпуса к корпусу.

Лязг кандалов, сдавленный крик и топот ног стихли за корпусом в первой части тюремного двора, прилегающего к базарной щепной площади.

…Гнетущая тишина. Минуты тянутся часами. Опять глухо звякнули кандалы.

— Миша, это ты?! — вновь спросил знакомый голос сверху.

— Павел, это я. Не волнуйся. Я спокоен. Умирать вовсе не страшно. Прощай!

— Прощай, товарищ Гузаков! — ответило множество голосов со второго этажа красного корпуса.

— Миша, Миша!! Слышишь ли ты меня?!! — истерически кричал мальчишеский голос с нижнего этажа.

— Слышу, Петя! Не волнуйся! Передай матери, брату и сестрам, что я умираю спокойно. Передай привет симцам! Брат, продолжай борьбу за рабочее дело! Прощайте, товарищи!

— Прощай, Миша! Прощай, Гузаков! Прощай, товарищ! Проща-а-ай! — слилось в единый мощный голос тюрьмы, замкнувшей сотни людей в каменных мешках.

— Вы жертвою пали в борьбе роковой… — запели заключенные, сотрясая стены казематов. — …Любви беззаветной к народу, вы отдали все, что могли, за него, за жизнь его, честь и свободу…»

Гузаков твердой поступью вошел на эшафот.

— Гузаков сам накинул себе петлю! — кричали наблюдатели.

Через тридцать тягчайших минут около красного корпуса показались движущиеся тени.

— Палач, палач! — кричали с верхнего этажа. Какая-то фигура заметалась из стороны в сторону.

А из камер неслось за пределы тюрьмы:

— Падет произвол, и воспрянет народ,
Великий, могучий, свободный…

Гремели железные двери. Гудели тюремные стены.

* * *

Наступил долгожданный день для Веры — 24 мая 1908 года. Сегодня она станет женой Миши и пойдет с ним хоть на край света.

— Нет, кровопийцы, любовь сильнее смерти! Я не дам вам своего Мишу на растерзание. Вы не имеете права! Даже смертникам даруют жизнь, если девушка хочет стать его женой.

Вера взглянула на фотокарточку Михаила, подаренную при расставании в Симе, положила с ней рядом свою. «Вот, видишь, этот наряд. Я сейчас так и оденусь». Она надела белую вышитую кофточку, зеленую, длинную клетчатую юбку, передник с лепестками вышитых роз, красную жилетку, бархатный пояс, блестящие разноцветные бусы и в густые черные волосы вплела цветы.

Вера Никитична Кувайцева (фото 1905 г.).

В назначенный час Вера подошла к тюремным воротам. Ее наряд и просьба пустить в тюрьму изумили тюремную стражу. Стража немедленно провела красавицу к начальнику тюрьмы.

— Господин начальник, я Кувайцева Вера, гражданская жена Михаила Гузакова. В назначенный мне срок пришла сюда за тем, чтобы совершить обряд венчания в тюремной церкви с моим дорогим мужем.

Вера сказала это с такой нежностью, такой теплотой, что, казалось, будь лед на месте начальника и тот бы растаял от такого тепла.

Но бессердечный тупица сказал:

— Госпожа Кувайцева, вы немного опоздали. Ваш муж этой

ночью повешен!

— А-а! — крикнула Вера и упала без чувств.

Три месяца она пролежала в больнице без языка, не смогла произнести ни одного слова. И когда к ней вернулась способность говорить, первым ее словом было: «Миша!», а за ним снова слезы.

* * *

Что же случилось с Мызгиным Иваном? Почему он не выполнил задание партии по освобождению Гузакова?

В Златоусте на нелегальной квартире Ивана ночью схватила полиция. Не успел он осмотреться в полутемной камере, как его вывели на допрос к приставу.

— Ну-у-с, молодой человек… — сказал пристав, — так как же твоя фамилия?

— Чего изволите? — переспросил Мызгин.

— Прозвище как? Притворяешься?

— А, прозвище! Калмыков Яков Семенович, стало быть.

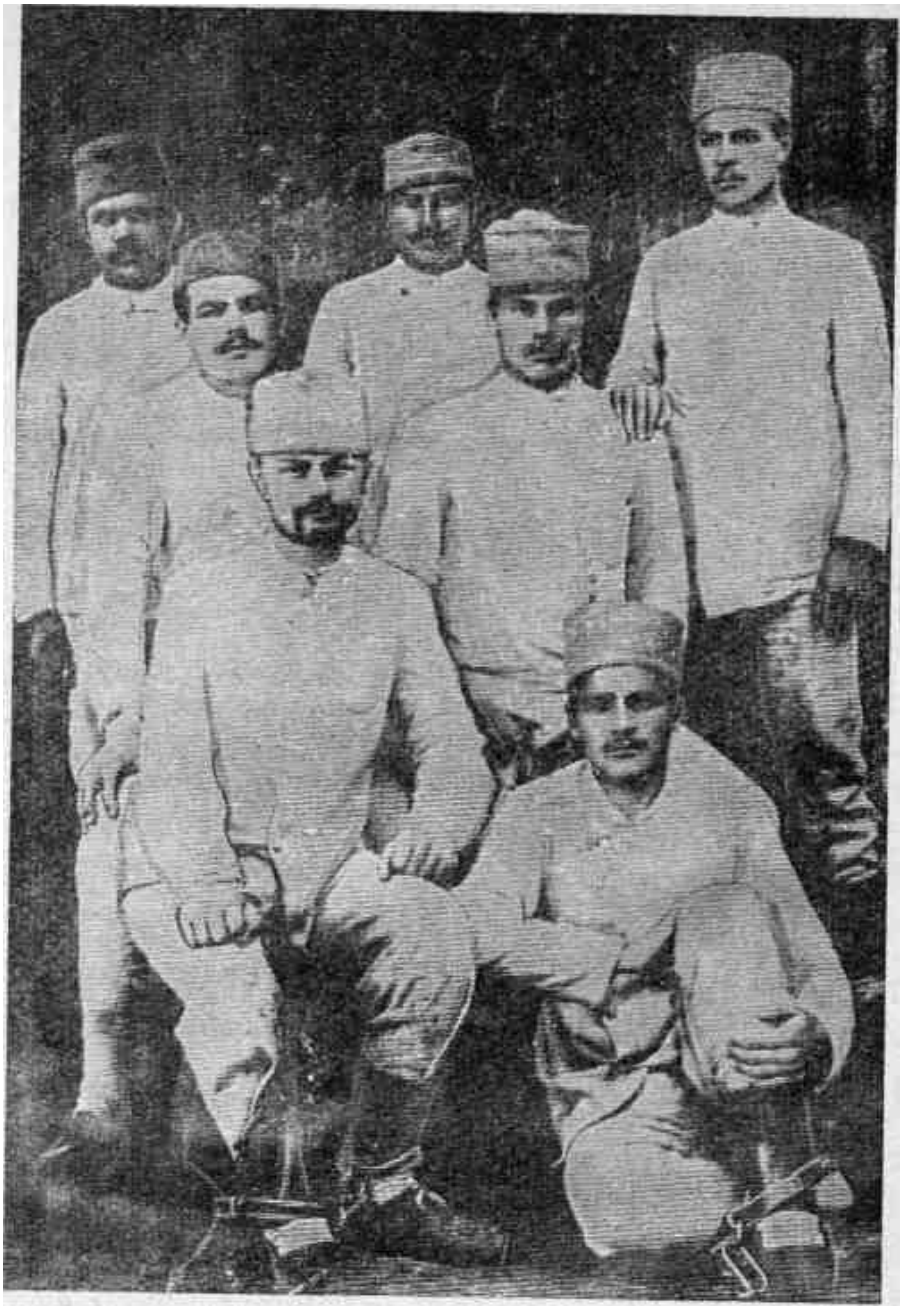
— Та-ак… Калмыков, Яков Семенович «стало быть», — передразнил пристав. — И родом ты из… — он снова заглянул в паспорт. — И родом ты из Вятской губернии, конечно?

— Так точно, ваше благородие, Котельнического уезда.

— Ну что ж, память у тебя хорошая. Долго зубрил?

— Не понимаю я ваше благородие… не ученый…

— Не понимаешь? Не ученый? Ты что же, меня за дурака считаешь?! Сам дурак! Ты Мызгин Иван Михайлович, по кличке «Волков Петруська». Прибыл ты сюда из Уфы. Ты — член боевой организации. Говори, зачем приехал в Златоуст.



Симские боевики на каторге: Зайцев Г. А., Салов А. Ф., Харьков В. Я., Чевардин А. А., Ширшов И. П., Марков И. П., Гузаков П. В. (фото из жандармского архива).

Мызгин молчал.

— Ну?!

— Ничего не знаю, што вы сказали, ваше благородие. Какой

такой «ганизации»? Ничего не знаю.

— Не знаешь, значит? — зловеще сказал пристав и, встав из-за стола, подошел вплотную к Ивану. — Сейчас узнаешь!

Трах! Мызгин получил увесистый удар по щеке… Еще, еще…

— Ну, может, теперь знаешь?!

Мызгин молчал.

— А ну, — приказал пристав полицейским, — дайте ему как следует…

На Ивана обрушился град ударов. Иван свалился на пол. Его подняли, встряхнули и усадили на стул.

— Ну, теперь скажешь, зачем приехал в Златоуст? Кто в Златоусте еще состоит в боевиках? А? Скажешь?

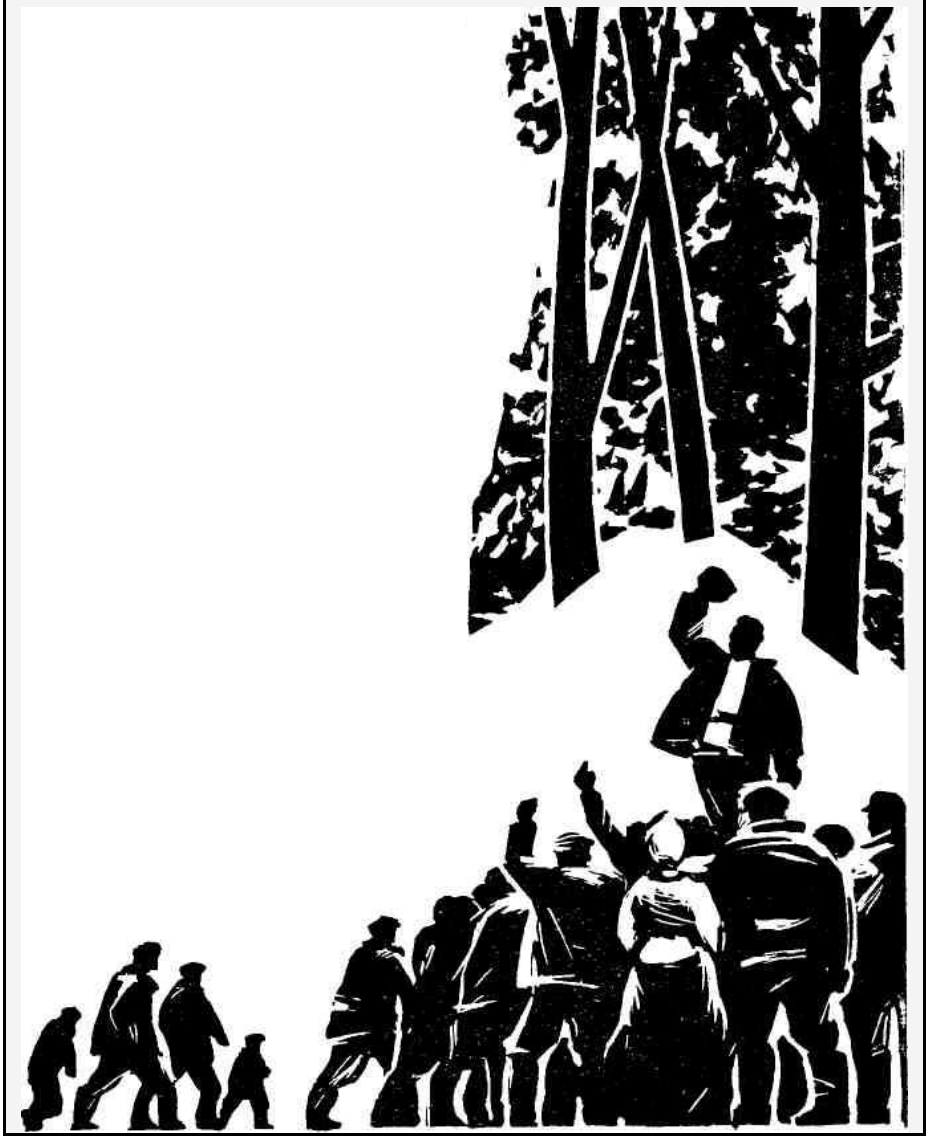
— Ничего я не знаю, ваше благородие, — продолжал твердить Мызгин. — Я Калмыков Яков Семенович.

* * *

Реакционная пресса торжественно объявила о казни главарей симского бунта — Гузакова Михаила, Лаптева Василия, Кузнецова Дмитрия — и наказании бунтовщиков.

В Симе вновь завыл гудок в неположенное время. Рабочие вышли из цехов. На улицы поселка высыпал народ. Десять минут гудел гудок. Все, обнажив головы, стояли молча. С того дня на Списком заводе стало еще больше сочувствующих большевикам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ



ПЕТР ДАЕТ КЛЯТВУ

В уфимской тюрьме из симцев оставались только несовершеннолетние — Петр Гузаков и Александр Лаптев.

Петр тяжело пережил казнь брата — по ночам почти не спал, а во сне бредил, кричал — звал Михаила. В течение года он не отвечал на вопросы тюремной администрации.

Он превратил пол и стены своей камеры в «коммутатор», соединяющий камеры всей тюрьмы.

— Я Дьяволов, — осторожно стучал в пол Петр, взяв себе кличку брата, — слушайте меня, слушайте. Этой ночью убежали из тюрьмы двое. Значит, есть такая возможность! Какие у вас новости?

— За побег уволили надзирателя и сменили наружную охрану, — ответили Петру.

Друзья по камере оберегали Петра во время переговоров, наблюдали за волчком, но иногда увлекались новостями, добытыми Петром, и забывали про волчок. В один из таких моментов неожиданно открылась дверь камеры. В дверях появился незнакомый надзиратель. Он постоял, внимательно посмотрел на всех, улыбнулся и вышел, не закрывая дверь. Через минуту в камеру втолкнули человека в арестантской одежде. Он упал. Дверь с шумом захлопнулась. Новичок поднялся. Все увидели у него на руках и ногах цепи, которые замысловато были соединены.

— Иван! — с криком бросился Петр к новому заключенному.

— Петя! — ответил Иван и шагнул навстречу Петру.

Петр обнял Мызгина и разрыдался.

Иван Михайлович Мызгин в кандалах (фото из жандармского архива).

— Петя, милый, успокойся, — утешал младшего Гузакова видавший беды Иван, — ну полно же…

Петр рассказал Мызгину о трагической ночи.

— Я сам видел, как палачи вели на смерть брата… Я слышал его наказ продолжать борьбу за рабочее дело… Перед тобой, как самым близким другом брата, клянусь! — всю жизнь отдам за дело, за которое боролся мой брат…

Эта встреча растрогала всех заключенных. Одни плакали. Другие метались из угла в угол, стиснув зубы и сжав кулаки. Тяжело вздыхая, Иван упрекал себя:

— А я, дорогой Петя, оказался простофилей, не сумел уберечься от полиции, сцапали. А ведь мне было поручено спасти Михаила… Всю жизнь не прощу себе того, что не смог спасти своего незабываемого друга… Послушай, Петя. Здесь меня удивил ваш надзиратель. Он как-то многозначительно подмигнул мне, когда вел в вашу камеру. Ты не знаешь его?

— Впервые вижу.

— Присмотрись. Думаю, что не случайно я оказался у тебя в гостях.

Недолго пробыли вместе земляки. Мызгина увели на суд. Приговорили к 8 годам каторги. В 1909 году Ивана Михайловича сослали в сибирскую тайгу за тысячи километров от железной дороги.

Петр еще энергичнее стал готовиться к побегу. Он придумывал всевозможные варианты, отвергал их и снова думал.

Однажды стены передали:

— Петру Дьяволову. Отзовись.

— Я Дьяволов. Слушаю.

— Мне «великий конспиратор» сообщил, што в тюрьме есть свой человек. — Глаза заблестели у юного узника.

С этой минуты Петр не мог присесть. Он до изнеможения ходил по камере, все думал и думал: «Кто, каким образом, когда?»

На следующий день камеру открыл опять тот надзиратель, который подмигнул Петру, и улыбнулся всей камере.

— А ну, желтолицые политики! — неожиданно рявкнул надзиратель, — выходите на прогулку. Пусть проветрится квартира от вашей вони! Эй вы, желторотые! — надзиратель остановил Петра и его сверстника. — Куда прете? Ваше место в хвосте! Все, все выходите!

Что-то многообещающее послышалось Петру в этом крике. «С чего он вдруг орет? Почему в хвосте?» — Петр внимательно посмотрел на надзирателя. «Нет, не смотрит на меня. Пошел впереди всех. Однако почему он без фуражки, без шинели? Фу, до

чего все кажется мне. Лето же, жара на дворе», — размышлял Петр, но призадержался, повинуясь приказу.

В коридоре он вдруг увидел на стене шинель и фуражку надзирателя. Его словно осенило. Петр схватил за руку своего друга Литвиненко и увлек обратно в камеру. И как только опустел коридор, Петр стащил надзирателеву одежду, в которой оказался ремень с пустой кобурой, а в кобуре пропуск на вывод арестованного из тюрьмы.

Через минуту молодой, подтянутый тюремный служащий повел в город бледного, худенького арестанта в тюремном костюме.

У ворот, в противоположной от гуляющих арестантов стороне двора стоял часовой, недавно принятый на службу. Он почти не знал тюремную администрацию. Взглянув на молодого бравого конвоира, часовой принял пропуск и, козырнув Петру, выпустил его с арестантом за ворота.

Через три часа в тюрьме поднялся невообразимый переполох. «Доверчивый надзиратель» искал пропавшую шинель. Тюремная администрация поставила на ноги всю стражу, перетряхнули все во всех камерах и только тогда обнаружили побег двух заключенных.

Петр знал явочную квартиру брата и условный пароль. В то время, как тюремная администрация искала беглецов, два друга были уже в надежном месте.

ДЕЙСТВИЯ ШЕСТЕРКИ

Из членов крупной большевистской организации в Симе остались лишь шестеро: Василий Андреевич Чевардин, Егор Федорович Салов, Иван Николаевич Симбирцев, Никанор Андреевич Кузнецов, Александр Григорьевич Булатов и Александр Михайлович Чеверев. Они поддерживали связь между собой, но нигде не выступали открыто.

Никто, кроме шестерки большевиков, на симском заводе не знал, откуда появлялись на станках и в инструментальных ящиках газеты: сначала «Красное знамя», потом «Пролетарий», затем «Звезда».

Рабочие тайно от мастеров и заводской администрации читали эти газеты и передавали друг другу. Выработалось неукоснительное правило — «прочитал, дай почитать другому, но не выдавай друга и газеты прячь».

Эти газеты помогли симцам сохранить революционные традиции. Каждое первое мая они собирались на правый берег реки. Сюда в такие дни приходило много людей. Среди них не было лишь таких, как Кибардин, Хорткевич, Малоземов и Бострем, которые были «героями» до тех пор, пока не засвистели казацкие нагайки. Они уехали из Сима. Народ собирался настолько открыто, что полиция даже не считала нужным разгонять. Не было речей, не вывешивались красные флаги, не пели революционных песен. Шестерка большевиков среди гуляющих вела обсуждение прочитанного из нелегальных газет.

К смирному гулянию полиция так привыкла, что для нее было совершенно неожиданным появление на всех горах красных флагов Первого мая 1910 года.

Конная полиция бросилась к постоянному месту сбора, но там никого не застала. Стражники кинулись за флагами, но… исчезая в одном месте, они появлялись в другом.

В этот день состоялся митинг. Он был короче всех предшествовавших. В толпе гуляющих раздался громкий голос: «Товарищи!» На высокий пенек поднялся незнакомый человек. Он сказал, что нет места в России, где бы не кипела ненависть к душителям свободы. «Всюду слышится голос протеста, требующий свободу народу. И этот голос не заглушить выстрелами, не залить кровью. Будьте едины в борьбе! В цехах, на сходах — везде защищайте друг друга, один за всех, все за одного! Слушайте голос большевиков! Он доходит до вас через газеты «Красное знамя» и «Пролетарий». А сейчас постарайтесь уйти раньше, чем сюда пригонит полиция».

Все разошлись. Вместе с оратором ушел в лес Василий Чевардин. Он провожал его по безопасным тропам.

— Спасибо, товарищ Коковихин, за помощь, — говорил Чевардин своему спутнику.

— Я его передам миньярской организации. Она меня послала к вам. Ну, нам пора расстаться. Да, чуть не забыл. Тебе привет от Петра Гузакова.

— Из тюрьмы?

— Нет, дорогой Васюха, как тебя назвал Петр. Он на воле и еще где… в самом Париже. Молодец парень! Убежал из такой тюрьмы. Уфимский комитет послал его за границу.

— Вот это дело!

— И еще одна новость. Помнишь Веру, подругу Гузакова? Она теперь живет по соседству с нами — в Аша-Балашевске. Учительствует, и до сих плачет о Михаиле.

* * *

Начальник Симского почтового отделения, привыкший в течение многих лет к небольшому притоку писем, газет и журналов, отметил в 1911 году небывалый рост поступлений. В Сим пришли письма издалека — из Архангельской губернии, из Тобольска, Тюмени, Ялуторовска, Иркутска и с Дальнего Востока. «Любопытное явление», — подумал начальник и проверил содержание писем. Оказалось, что письма пришли от земляков, сосланных на каторгу. С тех пор письма из дальних мест больше не удивляли.

Но вот поступили бандероли со странными адресами:

> «Сим, Уфимской губернии, проходная завода, Иванову. Заводоуправление, Токареву. Народный дом, библиотекарю».

— Это интересно, — рассудил начальник, — в конторе Токарев, в проходной Иванов. Появились новые фамилии. Кто бы это мог быть? А отправитель — Петербург, редакция газеты «Звезда».

Любопытствующий начальник позвонил управляющему горнозаводским округом.

— Господин Умов, к вам в контору поступает газета «Звезда» какому-то Токареву. Вы не знаете его?

— Впервые слышу.

Умов вызвал к себе секретаря.

— Кто получает газету «Звезда»?

— Токарь Чевардин, господин Умов.

— Позвать его ко мне.

Чевардин Василий робко вошел в кабинет.

— Извините, господин Умов, что я в таком виде — прямо от станка явился. Вы требовали, штобы я пришел к вам немедленно.

— Да, присаживайтесь. Скажите, уважаемый, это вы выписали газету в адрес конторы?

— Да, господин Умов.

— Почему же Токареву?

— Я же токарь…

— Не притворяйтесь. Вы просто не хотите вызвать подозрение полиции.

— Отчасти да, хотя издание этой газеты разрешено правительством. А выписываю потому, что хочу знать, о чем пишут социал-демократы. О них там много говорят за последнее время.

— Не лишнее любопытство. Однако должен предупредить. Полиция уже не раз просила моего согласия на ваш арест. За вами грешок в связи с царским Манифестом, помните? Вы уже побывали в уфимской тюрьме. Вас судили однажды, в 1907 году?

— Да, господин Умов. Но меня оправдали.

— Знаю. Потому и доверяю. Но предполагают, что вы и теперь поддерживаете связи с бунтовщиками.

— Ну, это, извините, результат чрезмерной подозрительности полиции. Ей всюду мерещатся бунтовщики.

— Согласен. Мне кажется, вы не из тех. За вас горой стоит священник Жуков. Без вас, говорит он, не будет церковного хора. А вы так прекрасно поете, между прочим. Я сам с удовольствием слушаю ваше пение, и жене моей очень нравится ваш голос. Вам следовало бы возродить распавшийся за последнее время хор в Народном доме. Многие служащие пошли бы в этот хор. Даже моя жена, любительница пения, приняла бы участие в нем.

— Спасибо за доверие, господин Умов. Я постараюсь организовать хор. Ну, а газету разрешите выписывать на контору? Люблю читать произведения инакомыслящих. А полиция ведь не поймет, что это просто любознательность.

— Верю вам. Легальную газету, пожалуй, я порекомендую всем благонадежным господам. Пусть они знают, что внушают рабочим социал-демократы. Легче будет бороться с ними.

— А меня-то, господин Умов, уж вы избавьте от этой борьбы. Я петь буду.

— Ха-ха-ха! Пойте, пойте. Не буду обременять вас. Не забудьте о хоре. До свидания!

Чевардин ушел от Умова озадаченный.

— Что это значит? Что он задумал? Надо посоветоваться с товарищами.

Товарищи посоветовали Чевардину воспользоваться предложением Умова, чтоб максимально использовать эту легальную возможность для партийной работы.

Вскоре начальник почты был удивлен еще больше — на газету «Звезда» подписался сам Умов и некоторые мастера, а вслед за ними начали выписывать «Звезду» на дом и рабочие. Подписка увеличилась до 100 экземпляров. На первых подписчиков уже никто не стал обращать внимания.

Чевардин организовал в Народном доме объединенный хор из служащих и молодых рабочих. «Любительница пения» Умова не пренебрегала присутствием рабочих в хоре. Собрались сильные, хорошие голоса. Немного песен было в репертуаре, но слушателей всегда полон зал.

Рассчитывая на то, что развлечение отвлечет народ от бунтарских дум, Умов разрешил средства на приобретение инструментов для струнного оркестра. В Народном доме возникли струнный оркестр и драматический кружок. Большевики воспользовались легальным объединением инициативной молодежи.

* * *

Большевистская шестерка организовала во всех цехах читку обращения газеты «Звезда», в котором редакция просила читателей помочь ей в издании ежедневной рабочей газеты.

— Выпишем нашу, рабочую газету! — призывали чтецы и записывали все взносы. Чевардин отправил в редакцию газеты «Звезда» около ста рублей.

В конце апреля 1912 года на заводе появились листовки. Они были очень кратки и без подписи:

> — В Сибири, на Ленских золотых приисках, — говорилось в листовках, — убито и ранено 500 рабочих. Хозяева приисков — английские капиталисты, наживающие огромные прибыли, 4 апреля расстреляли рабочих за то, что они попросили увеличить заработную плату. Поможем пострадавшим. Вносите деньги сборщикам!

К тексту, в котором упомянуты английские капиталисты, а не русские и не было слова «долой», полиция отнеслась равнодушно. Она лишь сообщила в жандармское управление, что в Симе

собирают средства в помощь семьям, пострадавшим на Ленских приисках.

Большевистская шестерка разослала сборщиков по всему поселку.

И к этому сбору средств Умов отнесся снисходительно:

— Жертвуют свои деньги. Ну и правильно, надо помогать пострадавшим.

Умов был доволен тем, что листовки не вызывали никаких осложнений на заводе.

В мае все, выписавшие «Звезду» и внесшие деньги в фонд изданий ежедневной рабочей газеты, получили «Правду». Эта газета сразу завоевала большую популярность. Ее зачитывали до дыр. В одном из номеров (№ 9 от 16 мая 1912 года) была заметка о том, что врач миньярской заводской больницы В. Бодалев заочно ставил диагноз больным, даже признавал всех инвалидов годными к труду. За это хозяева завода щедро отблагодарили Бодалева: они увеличили ему жалованье на сто рублей в месяц, выдали 500 рублей наградных и послали за счет заводоуправления на отдых за границу.

Газету передавали из рук в руки. Ее читали и в рабочее время. Это встревожило Умова. Он приказал вывесить объявления на всех заводах о том, что чтение газет на работе воспрещается, виновных будут штрафовать.

21 февраля 1913 года в Симе с раннего утра затрезвонили колокола. Все учреждения вывесили царские портреты. Священник Жуков громогласно возвестил в церкви:

— Сегодня исполнилось триста лет царскому дому Романовых. — Да будет царствие его незыблемо во веки веков! — Многие лета, многие лета… — подхватил церковный хор.

По случаю юбилея заводовладелец Балашов, служивший при царском дворе, приказал остановить заводы округа. Умов распорядился не пускать рабочих на завод в этот день.

У проходных ворот собрался народ. На груду камней взобрался сухощавый, среднего роста рабочий.

— Товарищи! — крикнул он.

Все обернулись. Слово «Товарищи» уже давно не произносилось при таком скоплении рабочих.

— Это наш Никанор Кузнецов, — говорили рабочие литейного цеха, — смелый мужик!

— Товарищи! — продолжал Никанор. — Наш хозяин задумал показать, как мы любим царя. Сегодня исполнилось триста лет царствования Романовых. Вот придворный слуга Балашов и приказал закрыть завод на этот день. Дескать, смотрите, ваше императорское величество, как здорово любят тебя симские

рабочие, все празднуют сегодня и потому на работу не вышли. Ишь, какой плут! А заработную плату за этот день выдаст? Нет, конешно. Выходит, празднуют за наш счет!

— Не хотим праздновать! Пусть Умов выдаст нам однодневный заработок, тогда пойдем гулять! Умова сюда, Умова! — кричали рабочие.

Умов не вышел из дома. На требования рабочих ой ответил их делегатам: «За безделье не платят. На завод в престольный день пустить не могу».

Такой ответ возмутил рабочих. Долго шумели они у ворот завода. Кто-то предложил написать об этом в Государственную думу рабочим депутатам. Тут же поручили литейщикам Салову и Кузнецову составить такое письмо. Письмо подписали сотни рабочих. На том и закончился стихийно возникший митинг.

Письмо послали обычной почтой. Но бдительные жандармы изъяли его.

В ДОМЕ ВДОВЫ

В один из зимних вечеров, когда на улицах потрескивал мороз, а в домах краснели железные печки, в дом вдовы Напалковой собралась молодежь. Хозяйка приветливо встретила друзей своего сына. Но немало удивилась, когда к молодежи пришли старики.

Михаил Николаевич, поблагодарив хозяйку за радушный прием, обратился к молодежи.

— Здорово, молодцы! Вы что же это без музыки?

— Музыка есть, Михаил Николаевич, вот она, — Иван показал гармошку.

— Ну и хорошо. Так оно надежнее. Однако, для начала, пожалуй, следует нам познакомиться.

Знакомство перешло в беседу.

— Я хорошо знал ваших ребят — Мишу, Пашу, Петю Гузаковых, Васю Лаптева, Ваню Мызгина и еще некоторых, — говорил Михаил Николаевич.

— А о судьбе их знаете? — робко спросил Иван.

— Знаю, ребята. Привет вам от Пети. Он, пожалуй, ваш ровесник?

— Да, да. На годик или два постарше некоторых из нас, — подтвердил Иван.

— Так вот, он убежал из тюрьмы. Был за границей. Вернулся. Выполнял задания партии в Вятке, в Казани. Потом партия послала его в Златоуст.

— А почему не к нам? — спросил Иван.

— Ну, здесь бы его немедленно сцапали жандармы. Да и и Златоусте-то он прожил недолго. В прошлом году какой-то провокатор его выдал. Судили. Дали шесть лет каторги. Ну да этот парень смелый! Все равно убежит. А Иван Мызгин. Сколько раз он убегал?! Тоже ведь побывал за границей. Теперь его запрятали в Сибирь.

Так вот, друзья, меня прислала к вам партия большевиков, которую организовал Ленин. Слыхали о нем?

— Слыхали от Василия Андреича, — ответило несколько голосов.

— Так вот эта партия борется за то, чтобы хозяевами заводов и земли были рабочие и крестьяне, а не помещики и заводовладельцы, чтобы трудящиеся работали на производстве не более восьми часов и не было бы тунеядцев, которые не работают, а жрут больше всех. Членами этой партии были вам известные Миша Гузаков, Василий Лаптев, Дмитрий Кузнецов. Членами этой

партии являются Петр Гузаков, Иван Мызгин и ваши старшие товарищи, присутствующие здесь. Позвольте и вас спросить, а вы хотите бороться за то, за что борется наша партия, за что отдали свои жизни ваши земляки?

— Хотим! — ответили хором юноши.

Председателем организации избрали Ваню Напалкова, казначеем Сашу Харчевникова, а библиотекарем Георгия Малькова.

— Поздравляю вас, дорогие товарищи! С этого дня вы выходите на широкий путь тяжелой борьбы за рабочее дело. Будьте стойкими. Кто чувствует себя слабым для этой борьбы, пусть лучше сейчас отойдет в сторону, чем потом подведет товарищей. Строго соблюдайте партийную тайну. Оберегайте друг друга от полиции. Желаю вам успеха!

Михаил Николаевич попрощался с молодежью, посоветовал разойтись парами и ушел вместе с Чевардиным и Симбирцевым.

Второе собрание состоялось в январе 1914 года в доме Георгия Малькова. Собравшиеся принесли с собой гармошки, балалайки, водку, закуску. У ворот оставили дозорных. Через час в дом вбежал запыхавшийся дозорный.

— На улице стражники. Идут сюда.

— Спокойно, товарищи! — предупредил молодежь представитель Миньярского комитета партии Коковихин.

— Нам, старикам, надо скрыться, а вы пойте!

Двенадцать дюжих стражников ввалились в избу.

— Ни с места! Сидеть смирно! — приказал урядник.

Смолкли задорные песни, замолчали голоса растянутой гармошки, повисли в руках приподнятые стаканы с водкой.

— По какому случаю такое сборище?

— Ваше благородие, зрите! Сегодня крещение господне и мы гуляем. Не изволите ли угоститься? — предложил Напалков.

— Знаем мы ваши гулянки. Обыскать!

Стражники обшарили карманы присутствующих и нашли несколько незапрещенных книжек.

— Увести всех в участок. Там разберемся.

Участники собрания не спеша оделись и на ходу осушили наполненные стаканы. Гармонист сжал и снова растянул меха гармошки. Тренькнули балалайки. Компания с шумом выкатилась на улицу.

— Прекратить песни! — орал урядник.

Но молодежь не обращала внимания на окрик. Это странное шествие привлекло внимание многих жителей поселка.

Всю ночь продержали ребят полицейские. Не добившись ничего, они переписали всех весельчаков и выпустили.

За кружковцами началась слежка. В долгие зимние вечера полицейские торчали под окнами у неблагонадежных, подслушивали и подсматривали всюду. Они побывали в домах Опарина, Малькова, Харькова, у Харчевникова, у всех записанных в крещенский праздник. А к Напалковым явились даже днем.

— Собирайся, поедем? — бесцеремонно приказал урядник.

— Куда? — спросил Иван.

— Не разговаривать, живо!

С группой стражников урядник вывел Напалкова из дома, усадил в вагонетку и по узкой колее покатили за поселок. Недалеко от железнодорожной ветки стояли стога сена. Сюда и привели Ивана Дмитриевича.

— Ну, сказывай, в котором стогу спрятано оружие, бомбы, — потребовал полицейский страж.

— А-а, вон зачем вы меня сюда привезли, — сказал Напалков, а сам подумал: «Уж и поиздеваюсь же я над вами, господа».

— Может быть, в этом, господин урядник?

— Лезь под стог и вытаскивай все.

— Не могу, господин урядник, взорваться могут.

— Лезь, говорю!

— Слушаюсь, господин урядник, только вместе с вами.

Урядник приказал стражнику, и тот полез вслед за Напалковым. С другой стороны стога встретил урядник.

— Ну?

— Нету, господин урядник, видимо, вон в том.

Слазили под другой стог, под третий…

— Ты что, решил издеваться над нами?!

— Никак нет, ваше благородие. Вы приказываете — я лезу.

— Сказывай, где оружие?!

— Это у вас надо спросить, господин урядник, вы привезли меня сюда и заставили искать, я искал…

— Молчать, дурак!

Обманутая полиция рыскала всюду, но оружия не нашла.

ПОД ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Ярко светит солнце в Симской долине в июльские дни. Все взрослое население в эту пору в лесу. В поселке остались лишь деды, бабушки и внуки, да чиновники, задержавшиеся в канцеляриях по долгу службы.

Каждый год в июле управляющий горнозаводским округом представлял рабочим по две недели отпуска без содержания. А нынче Умов дал целый месяц.

Вырвались люди из душных, жарких корпусов на лесной простор. Кто с корзиной в руках, кто с топором и пилой, а больше с косами, вилами да граблями на телегах уехали в лес.

Задымили костры, появились шатры, зашумел народ у лесных полянок.

И чуть свет поутру приоткроет луга, все косцы, как один, взмахнут косами. Э-эх! Размахнись, рука! Зажужжи, коса! Поклонись, трава, родной земле! — и засверкают косы, словно молнии, вал за валом лягут подкошенные травы.

Но по лесу вдруг пронеслось:

— Мужики-и! Скорей домой! Война-а! Мобилизация-а! — Это кричали вестовые, прискакавшие на лошадях из поселка. Они разъезжали по покосам, по лесам, собирая народ в Сим.

Вскоре до слуха докатился звук набата. Все стремглав бросились в поселок, полагая, что набат зовет на пожар.

Перепугалась и местная знать, в этот час находившаяся дома.

— Пожар? Что горит? — спрашивали друг друга растерявшиеся обыватели.

— Война, господа, объявлена война с Германией! — кричали осведомленные.

* * *

Чевардин срочно созвал молодежь, вступившую в кружок большевиков.

— Товарищи, двадцатого июля опубликован царский манифест о войне с Германией. Власти нашего поселка согнали всех жителей и объявили им мобилизацию сразу нескольких возрастов. Сегодня из нашей организации забирают моего брата. Завтра пошлют на фронт и вас. Останемся только мы — старики, по возрасту не подходящие для фронта. Вам прикажут убивать людей. А за что? Ради чего? Кому нужна война? Народу? Нет. Народу война не нужна! Я еще не знаю, как отнесется к этой

войне наша партия, но убежден, что она не за войну, а против войны. Послезавтра мобилизованных в Симе рабочих отправят в Уфу и оттуда на фронт. Надо составить наказ будущим воинам, пусть они слушают голос только нашей партии. Организуем проводы мобилизованных, товарищи, и передадим им свой наказ! — предложил собравшимся Василий Андреевич.

Собрание твердо решило бороться против войны. В этом духе и составили наказ будущим воинам.

Не дремали и местные власти. Они по-своему организовали проводы. В день отправки затрезвонили колокола. Священник вынес на улицу иконы и направил шествие по Большой улице к часовне, к тому месту, откуда провожали всех рекрутов. Здесь он обратился к «рабам божьим» с проповедью.

А большевики в это время совали наказ в карманы провожаемых. В одной из групп, уходящих на войну, читал этот наказ Чевардин Иван:

> «Товарищи, вас мобилизовали на фронт. И когда пойдете в бой, поверните штыки против тех, кто под колокольный звон начал войну!»

Вдруг Иван заметил стражника, идущего к группе.

— Друзья, хотите, я сейчас раздразню вон того царского пса? Как? А вот послушайте.

Иван прокашлялся и громко сказал:

— А я думаю, друзья, что царь-то дурак!

Стражник услышал это и, протиснувшись в круг, спросил:

— Кто сказал, что царь дурак?

Иван ответил:

— Это я сказал, господин полицейский.

— Да как ты смел назвать нашего царя дураком?!

— Простите, господин полицейский, — спокойно ответил Иван, — я же сказал, что дурак германский царь.

Громкий смех заглушил негодующий крик стражника.

— По подво-одам! — приказал земский староста, сопровождавший мобилизованных до Уфы.

Хлынул народ. Мобилизованные и их родственники пошли вслед за подводами до станции Симской.

На сборном пункте в Уфе собралась огромная толпа орущих и плачущих мужчин и женщин, отцов и матерей, мужей и жен. Среди них сновали дородные, нарядные богачи. Эти почтенные отцы, еще вчера звавшие народ отдать свои жизни за веру, царя и отечество, ждали заключения приемной комиссии о непригодности своих чад к военной службе. Они заранее оплатили такое заключение.

А на улицах города «христолюбивая братия» кричала: «Ура! Победу России и славянству! Все на бой за веру, царя и отечество! Мы раздавим Германию!» Духовенство вышло на улицы с иконами и, надрываясь, пело: «Боже, царя храни…» Местная буржуазия несла портреты царской семьи. Газеты трезвонили о единении царя с народом. Они называли изменниками людей, выступивших против войны. Жандармы ловили тех, кто говорил народу правду о войне, и сажали их в тюрьмы.

В Уфе формировались новые необученные и невооруженные войска. На сборном пункте зачисляли почти всех мобилизованных мужчин, кроме тех, за которых комиссия получила немалые суммы. Военные комиссии при формировании частей старались разобщить «неблагонадежных».

В тот день, когда дошел черед до симцев, комиссия получила донесение жандарма:

> «Призванные рабочие из Сима не внушают доверия. Они в 1905 и 1906 годах выступали с оружием против царя, убили двух полицейских. Во время проводов нынче среди них произносились вредные речи. Нами захвачены листовки «Наказ солдатам» с вредным содержанием».

Этого было достаточно, чтобы всех мобилизованных из Сима рассовали по разным частям.

«ОГОНЬ» В РУКАВИЦАХ

Когда деревья нарядились в осенний наряд, в Карпинский сад зашли три человека. Один из них с черной густой бородой, такими же усами, чернобровый, в кепке, накинутой на копну черных вьющихся сзади волос, в скромном демисезонном пальто. Ему было не больше тридцати лет. Второй — в пиджаке, не закрывающем грудь, в черной косоворотке с белыми пуговицами, без фуражки, белоголовый, с седыми усами и подстриженной белой бородой. Высокий, широкоплечий, статный, он выглядел старым, хотя ему не было еще и 50 лет. Третья — молодая женщина в простом наряде работницы, очень подвижная, говорливая. Она называла своих спутников Петруськой и Васюхой. А они звали ее Звездочкой.

В Карпинском саду (вернее на кладбище, которое именовали Карпинским садом) в этот дневной час никого не было. Чернобородый подошел к чугунной статуе, изображающей ангела с крылышками, постучал по ней и сказал:

— Квартиру «американке» нашли.

— Где вы раскопали «американку»? — спросил второй.

— Вот именно «раскопали», — заметила Звездочка.

— В тот год, когда я собирался за границу, по предложению комитета, — пояснил Петруська, — я всю типографию передал Забалуеву Филимону. А он ее закопал на пасеке Якова Заикина. Теперь «Маркс» — уфимский большевик Арцибушев Василий Петрович поручил мне перебазировать типографию в Сим. А Звездочку (партийная кличка Коряченковой Ксении) «Маркс» назначил связной. Она будет доставлять от «Маркса» текст листовок и бумагу. Она живет в Миньяре и сделать это ей сподручнее.

Определив место хранения будущей типографии, друзья расстались. Звездочка отправилась в Миньяр. Петруська — на нелегальную квартиру. Васюха — домой. По пути к квартире Петруська рассказал Василию о том, как ему удалось убежать из ссылки.

— Сюда я доехал под фамилией Скворцова. Четыре месяца добирался до Уфы. Там около месяца задержался у «Маркса» и вот теперь снова в Симе. За дорогу вырастил вот эту бороду, чтобы земляки не признали во мне Ивана Мызгина. Буду жить у бабушки Волковой. Надо, чтобы никто об этом не знал, кроме тебя.

— Постараюсь обеспечить тебе надежную охрану, — ответил Василий Чевардин. — Ну, будь здоров!

* * *

На подъеме, около лога стоит низенькая трехоконная избушка бабушки Волковой. За ней, на краю обрыва, баня, вросшая в землю и занесенная снегом. От избушки к бане по глубоким снежным сугробам проложена траншея в человеческий рост. У бани окошечко в сторону дороги. Отсюда хорошо просматривается окраина поселка и дорога, связывающая поселок с железнодорожной станцией.

Это место и выбрал Иван Мызгин для подпольной типографии.

* * *

Мастера больше не жаловались на недостаток рабочих рук. Ушедших на фронт заменили подростки и женщины. В армию с завода больше не брали. Играя на патриотических чувствах, заводская администрация загрузила рабочих сверх меры. Двенадцать часов — таков был рабочий день.

Умов потирал от удовольствия руки. Доходы акционерного общества, которое теперь стало хозяином симского округа, увеличились в три раза.

Между тем в цехах рабочие стали чаще собираться группами. В один из январских дней они почти все обменялись рукавицами.

— Здравствуй, Михалыч!

— Здорово, Иваныч!

— Ты почему работаешь без рукавиц? Возьми мои.

— Спасибо, давай.

В рукавицах были листовки.

> «…Кому нужна война? Кто ее затеял? Для чего? Война нужна капиталистам. Они ее затеяли в целях грабежа чужих стран, захвата чужих земель, покорения чужих народов. Капиталисты хотят нажиться на этой войне, а за одним хотят задушить нарастающую революцию. И вот, как говорят наши братья украинцы, — «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Уже тысячи убитых, искалеченных и раненых отцов и братьев. Миллионы осиротевших детей. Долой империалистическую войну! Долой царское правительство, затеявшее кровавую бойню!»

Листовка, как огнем, обожгла каждого. Прочитавшие правду

о войне, передавали рукавицы другому и добавляли: «Держи, погрейся!»

«Грелись» почти все рабочие и даже некоторые мастера. К концу дня накал достиг такой степени, что возникли митинги в цехах. Выступавшие проклинали господ, затеявших войну, пересказывали содержание тайных писем, полученных с фронта, вспоминали решительные действия Гузакова и его друзей в 1905—1906 годах, требовали введения восьмичасового рабочего дня на заводе и отказа от военных заказов.

Председатель большевистской группы Напалков сообщил на митинге, что в Миньяре рабочие объявили забастовку. Симские рабочие начали сбор средств в помощь бастующим миньярцам. Учащиеся симской ремесленной школы за последнее время не учились, а выполняли воинские заказы, они прекратили работу. «Нас на фронт не пошлют, бастуй, ребята!» — с этим возгласом учащиеся ушли из мастерских.

Эти события ошеломили заводскую администрацию и местную полицию. Уряднику удалось перехватить листовку.

В поселке начались обыски. Сим гудел, как растревоженный улей.

ЭХО ВОЙНЫ

В Сим привезли первых раненых и калек. Под госпиталь заняли Народный дом.

Строгий режим госпиталя мешал общению раненых с населением. Но наступила весна и этот режим рухнул. Выздоравливающие солдаты выходили в сад, прилегающий к Народному дому.

К раненым стали приходить рабочие.

Приход рабочих в госпиталь был всегда большим событием для раненых.

Однако такие встречи встревожили начальника госпиталя. Он сообщил своему командованию, что рабочие симского завода пагубно влияют на умы раненых воинов и просил перевести госпиталь в более благонадежное место.

Симская полиция, узнав о встречах рабочих с ранеными солдатами, забила тревогу. За госпиталем был установлен негласный надзор.

Заводоуправление, встревоженное ростом брака на производстве и падением производительности труда, повысило заработную плату отдельным рабочим. Это вызвало разлад в рабочей среде.

Опытные подпольщики Чевардин, Чеверев, Симбирцев, Кузнецов, Салов вели агитацию во всех цехах, уделяя особое внимание молодежи, пришедшей на завод ил ремесленной школы и из деревни. В 1915 году они создали еще одну социал-демократическую группу. В нее вошли Кузьма Рындин, Евграф Булыкин, и другие молодые ребята.

* * *

Марк Заикин, уволенный с Миньярского завода за участие в забастовке, с помощью большевиков устроился в малярном цехе Симского завода. Работал он с шутками, прибаутками и песнями, как бы играя. Нередко маляры в час отдыха собирались около веселого парня и с удовольствием смеялись над его шутками.

Кузьма Рындин тоже был в числе слушателей. Ему нравился этот шутник. Каждую удобную минуту Кузьма старался использовать для того, чтобы поговорить с Марком.

— Скажи, пожалуйста, как это не будет хозяев и рабочих? Куда они денутся? А за что большевиков преследует полиция? Правда ли, что царица продала Россию немцам? Что значит

империалистическая и гражданская война? — сыпал вопросы Кузьма.

Марк отвечал на все вопросы. Однажды он пригласил Кузьму и его друга Граньку в Миньяр.

— У меня погостите в воскресенье, познакомитесь с миньярской молодежью, — говорил Марк.

Друзья охотно приняли приглашение.

В квартиру Заикина пришли молодые миньярские рабочие. С ними Марк говорил откровенно.

— На фронтах поражение за поражением, в войсках разброд. В стране разруха, голод. Растет возмущение народа. Наши нелегальные газеты пишут, что такое состояние в стране беспокоит даже капиталистов. Прогнившее царское правительство не в силах справиться с приближающейся катастрофой. Будет революция посильней той, что была в 1905 году.

Эти слова пугали и радовали Кузьму и Евграфа. Они молча слушали беседу, которая закончилась так же неожиданно, как и началась.

На прощание Заикин сказал своим симским гостям, что они присутствовали на нелегальном собрании группы большевиков и просил молчать об этом.

Друзья вернулись в Сим под огромным впечатлением от услышанного. Василий Андреевич Чевардин поздравил своих молодых друзей с началом конспиративной деятельности.

— Молодцы, ребята. Правильно сделали, что пришли ко мне. И впредь поступайте так. Вам можно поручить уже более серьезное дело. Соберите-ка самых надежных рабочих. Я приведу миньярских гостей. Потолкуем. И если приглашенные вами ребята окажутся действительно надежными, организуем социал-демократический или, точнее сказать, большевистский кружок.

Такое поручение окрылило ребят. Подумать только: им доверяют самое секретное, поручают ответственное. Они теперь революционеры-большевики!

Встреча с миньярскими друзьями состоялась в доме Золотовых. Сюда по приглашению Евграфа и Кузьмы пришли молодые литейщики — Удалов Сергей, Золотов Иван, слесари Булатов Алексей, Морин Федор, Родионов Андрей, Булыкин Федор.

Василий Андреевич привел еще двоих. Евграф сразу узнал в них миньярцев. Знакомясь с собравшимися, миньярцы назвали свои фамилии — Энбеков Сергей, Бычков Павел.

— С этого дня, — сказал Чевардин после продолжительной беседы, увлекшей собравшихся, — вы будете членами большевистского кружка. Об этом никто не должен знать. В вашу

группу мы пошлем Чеверева Александра Михайловича. От него вы будете получать указания.

Так в Симе появилась еще одна группа большевиков. В целях конспирации они действовали обособленно, связь между собой держали через старых подпольщиков.

К концу 1916 года группы значительно выросли. Возникла необходимость создания единой организации во главе с партийным комитетом.

Объединенное собрание, на котором присутствовали только делегаты от групп, состоялось в доме Егорова Петра. Объединенную организацию назвали Российской социал-демократической рабочей партией большевиков Симского завода. Избрали комитет из пяти человек: троих из старых подпольщиков, двоих — молодых. Но фамилии и имена членов комитета зашифровали цифрами. Они могли знать всех членов организации, а их знали только связные товарищи. Опытные конспираторы позаботились о сохранении руководящего ядра.

* * *

Каждый день в час обеда завод умолкал. В это время прекращался стук и грохот. В летнюю пору рабочие выходили из цехов, устраивались где-нибудь поудобнее и извлекали из мешочков еду, положенную заботливой хозяйкой. Зимой обедали около чугунных печек в цехах.

Заводская администрация тоже обедала в это время. Каждый день в один и тот же час, с точностью до минуты, Умов выходил из конторы домой.

И сегодня он вышел в обычное время. Но что это? Стук чуть ли не во всех цехах. Разрозненные одиночные удары ручных молотков, визг пил и напильников, звон листового железа и жести.

Не желая возвращаться, Умов поспешил к проходной.

— Алло? Это я. Звоню из проходной, — говорил Умов инженеру завода, — выясните, пожалуйста, что делают в цехах в обеденный перерыв и доложите мне, когда возвращусь в контору.

Инженер застал рабочих врасплох. Трудились почти все. Делали сковородки, ступки, утюги, скобы, гвозди, подковы, зубья для борон, ножи, ведра, замки, полозья и другие предметы, необходимые в крестьянском быту.

— Для чего? — спросил инженер.

— Для сбыта, господин инженер, — ответили рабочие. — Голод-то не тетка, обедать не дает.

Умов выслушал сообщение инженера и крепко задумался. Рабочие делали то, что можно обменять в деревне на продовольствие. Голод вынудил их заняться частным ремеслом.

— Но позвольте, — рассуждал Умов, — они же растаскивают железо и все делают из заводского материала. Сегодня работают в обед, завтра будут тратить все рабочее время на себя. Запретить, немедленно запретить!

— Так-то оно так, господин Умов, — заметил инженер, — но и запрещение не остановит голодающих рабочих. Они будут делать это тайно от администрации и потащат еще больше. Если это им не удастся, они забастуют. Не лучше ли разрешить расход заводских материалов, ограничив потребление и время работы для себя? Может быть, следует установить цены на материалы, расходуемые на эти цели? Усилить контроль за производством и выносом предметов?

— Вы правы, господин инженер. И это делается, вероятно, уже не первый день. Я не обращал внимания на стук в обеденный перерыв. Он был редким. А сегодня подняли такой трезвон, что я невольно заметил. Узаконим это приказом.

Умов разрешил рабочим делать для себя лишь мелкие предметы в строго определенное время и выносить их только по пропускам с отметкой «оплачено».

По воскресеньям санным путем уходили из Сима вереницы подвод в различных направлениях — в Ерал, Илек, Муратовку, Серпиевку и другие деревни. Большевики воспользовались этим. Они вместе с изделиями отправляли листовки о войне, нелегальные газеты и литературу.

* * *

В бане бабушки Волковой прекратилось позвякивание «американки». Иван Мызгин заботливо упаковал печатный станок и вместе со шрифтом вновь отвез его на кладбище к «архангелу-хранителю». Сейчас он сдавал последнюю продукцию Василию Чевардину.

— Ну, Васюха, пора мне снова покинуть родной край. Приказано явиться в распоряжение Уфимского комитета. Куда меня забросит судьба, не знаю. Жалко расставаться, а надо. Чувствую, что приближается тот решительный бой, о котором мы с тобой уже давно проповедуем. Звездочка сообщила, что жандармы усиленно «очищают» промышленные города от «подозрительных элементов». В верхах началась министерская чехарда. За два года войны сменилось четыре председателя

Совета Министров. Наши именуют этот совет «Кувырк-коллегией». В царском доме, говорят, заправляет «божий посланник» — пройдоха Распутин. Министры не довольны. Нарушилось «единение» царя с капиталистами. Верхи шатаются. Низы бунтуют. Растут забастовки. Началось дезертирство из армии. Вот, брат, какие дела-то завариваются. Я заметил, что и здесь уже начинает «попахивать порохом». Госпиталь-то отсюда увезли. Видать, крепко вы в нем поработали. Спасают воинов от большевистской «заразы». В Симе появились «крысы с тонущего корабля». Я видел купеческого сына Шашкина. Такой расфранченный офицеришка! Приезжал, видимо, сообщить отцу, что его капиталам грозит опасность. Еще заметил, что в Симе появились люди в серых и зеленых шинелях без оружия.

— Люди в шинелях? В зеленых-то военнопленные, а в серых, наверно, дезертиры. Сюда пригнали около сотни мадьяр. Поместили их на Канавной улице в Ширшовском доме, — пояснил Чевардин. — Сдали их под надзор полиции и заставили работать на заводе в сборочном цехе. Народ встретил их по-разному. Одни грозились убить. Особенно женщины кричали: «А-а, ироды! Попались? Ну мы вам здесь морды раскрасим!» Конвоиры едва сдерживали напор в тот день, когда их привели со станции. Другие защищали: «Причем тут солдаты? Они сами-то не пошли бы воевать, их принудили».

Теперь все смирились. Пленные работают уже без охраны. Ходят по поселку без конвоя. Покупают продукты. Они оказались мастерами на все руки — сапожники, портные, часовщики, мебельщики, музыканты. Делают все почти бесплатно. Тычут себе в грудь пальцем и твердят: «Их арбайтер». Пытаются сказать по-русски: «майне млека», мне молока, значит. Завязывается дружба с народом.

— Вот это хорошо. Вы, конешно, не упустите удобного случая? — спросил Мызгин.

— Безусловно, не упустим. В сборочный цех к ним уже послали Сашу Чеверева. Парень надежный. Он выучил несколько немецких слов: «гутен морген, гутен так, камераде, арбайтен, их, аллес, энде» и стал совсем своим парнем среди них. Мадьяры оказались очень восприимчивыми. Многие уже кой-как объясняются по-русски.

— Это хорошо. Если среди них не окажется предателей, то вы сможете сколотить крепкую организацию.

Друзья расстались. Мызгин в тот же день уехал в Уфу. А Чевардин вернулся на завод.

ПЕРЕД БУРЕЙ

В один из морозных дней снежного января 1917 года на главной улице Сима появился солдат на костылях. Он резко выбрасывал вперед костыли и, наклоняясь на них всем корпусом, переносил левую ногу. Солдат останавливался, смахивал снег с ресниц, бороды, усов, присматривался, как бы ища дом, в который ему нужно зайти, и шел дальше.

Многие жители Сима провожали взглядом человека, отмеченного войной. Вот он остановился около дома Чевардиных. Соседи заторопились к Василию Андреевичу.

Чевардин с тревогой открыл двери незнакомцу.

— Проходите, пожалуйста. Извините, не узнаю вас.

— Вы и не знаете меня. Я к вам по просьбе вашего брата Ивана. Мы с ним вместе на фронте были. Сам-то я златоустовский. Вот по пути и заглянул к вам.

— Спасибо, что зашли. Раздевайтесь, пожалуйста. Жена, согреть надо служивого, позаботься, — засуетился Василий Андреевич, боясь задать вопрос о брате: «А вдруг убили?!!»

Фронтовик, не торопясь, разделся, сел, вытащил махорку.

Хозяйка дома быстро оделась и вышла.

— Ну вот, теперь могу рассказывать. Не с радостной вестью я к вам заглянул.

Василий Андреевич побледнел, но удержался от вопроса.

— Вот, как видите, правую ногу до колена у меня оттяпали. Снаряд рванул нас вместе с Иваном Андреичем. Обоих в госпиталь увезли. Ну я-то вот уже здесь, а он, — солдат закашлялся, — а он еще в госпитале остался. Дал мне ваш адрес и просил сказать вам, чтобы вы не волновались.

Солдат замолчал. Василий Андреевич нервно теребил седую бороду. В избу вошли соседи и вместе с ними Александр Чеверев, который крепко дружил с Василием Андреевичем.

— Можно к вам?

— Да, да, — торопливо ответил Чевардин, — проходите, раздевайтесь, присаживайтесь.

— Здравствуйте, служивый, никак с фронта? А мы думали — вернулся Иван Андреевич.

Чевардин моргнул солдату, дескать, о брате пока не говорите.

— Ну, какие новости можете рассказать нам? — спросил Чеверев. — Говорят, в Петербурге бастуют рабочие, требуют прекратить войну! Не слыхали?

— Што там говорят, не знаю. А я вот сам видел, — ответил фронтовик, — как солдаты воткнули штыки в землю и вышли из

окопов навстречу немцам. Те тоже вышли. Мы встретились, обнимались, руки жали друг другу. Наши кричали: «Братцы! Долой войну!» Немцы тоже что-то кричали. А офицеры с обеих сторон по всем стрельбу открыли.

— М-да-а, — произнес Чеверев, не найдя, что сказать.

Солдат поведал о положении на фронте и настроении воинов.

— Што будет дальше, сказать не могу. Одно ясно: воевать так нельзя.

— Ну, а вы, видимо, вместе сражались с Иваном Андреевичем-то?

— Да. Вот весточку занес.

— Друзья, — прервал беседу Чевардин. — Я хотел, чтобы эту весточку не сразу узнали родные. Но пока жена не вернулась и не собрались все родственники, скажу: Иван в госпитале в тяжелом состоянии.

Глубокий вздох вырвался у гостей. Они долго говорили о своих земляках, пострадавших и погибших на фронте.

Фронтовик уехал в Златоуст, а его рассказ пошел по всем домам и цехам завода.

Весь январь прошел в предчувствии больших событий. Февраль принес разительные новости.

— Вы только послушайте, Василий Андреевич, — говорил начальник почты Разуваев при очередной встрече с Чевардиным, — царь прервал занятия Государственной думы! Чего доброго он еще ее распустит! Я вычитал еще одно любопытное сообщение. Оказывается, в Петербурге женщины громят продовольственные магазины! Еще, еще вам сообщу одну новость, — торопливо тараторил Разуваев, как бы боясь упустить слушателя. — Сегодня нашему купцу Шашкину пришла телеграмма из Петрограда от сына. Он пишет: «Все кончено. Поступай с капиталом, как тебе советовал». Что бы это значило, как вы думаете?

— Право же, не знаю.

— А я думаю: началась революция!

— Да ну?! — будто удивился Чевардин.

— Ей богу! Вот такое у меня предчувствие.

Это предчувствие было не только у Разуваева. Чевардин немедленно послал Евграфа Булыкина к миньярским большевикам.

Утром пятого февраля весть о свержении царя, принесенная из Миньяра, облетела завод, а к вечеру ее уже знал весь поселок.

БУРЯ

В доме рабочего Мартынова Алексея Ивановича впервые собрались вместе симские большевики. Их было на этом собрании сорок человек. Многие с радостью узнали, что его товарищи по работе тоже, оказывается, большевики. Строгая конспирация не давала им возможности раньше признаться в принадлежности к партии.

— Товарищи, вы все уже знаете весть о свержении самодержавия. Мне сейчас так и хочется спеть слова еще вчера запретной песни. — Чевардин посмотрел на притихших товарищей и во всю мощь своего красивого голоса грянул: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем…»

Собрание с радостью подхватило:

«Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем…»

Чевардин поднял обе руки, прося остановиться.

— Товарищи! Я только что получил Манифест Российской социал-демократической рабочей партии, Манифест Центрального Комитета нашей партии.

В комнате наступила гробовая тишина.

— Граждане! — начал дрожащим голосом Чевардин. — Твердыня русского царизма пала… По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу. По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа!

«Урраа» сотрясло воздух с такой силой, что погас свет в керосиновой лампе. Хозяин немедленно зажег его.

— Товарищи! — продолжал Чевардин, — надо действовать. Предлагаю завтра же приступить к разоружению заводской администрации, полиции и купечества, созвать граждан и избрать революционный исполнительный комитет.

Коммунисты дружно решили все вопросы, выдвинутые Чевардиным, и с песней разошлись по домам.

Утром протяжно запел гудок. Вереницей потянулись к заводу рабочие. Они шли группами и громко обсуждали события, не озираясь по сторонам, как прежде. Но не все из них верили в благополучный исход начатой революции. Многие с опаской оглядывались на 1905—1906 годы. В заводском дворе, у проходной рабочих встретили большевики.

— Товарищи, сейчас будет общее собрание, задержитесь!

— Ишь ты, «товарищи… собрание… задержитесь». Смотри, как смело действуют ребята! Пойдем, послушаем.

— Товарищи! — громче крикнул Чеверев, — над нами больше нет власти царя! Теперь мы сами власть! Наша партия большевиков призывает трудящихся брать власть в свои руки! Наши соседи-миньярцы уже разоружили полицию и создали народную милицию. Надо сделать это и у нас.

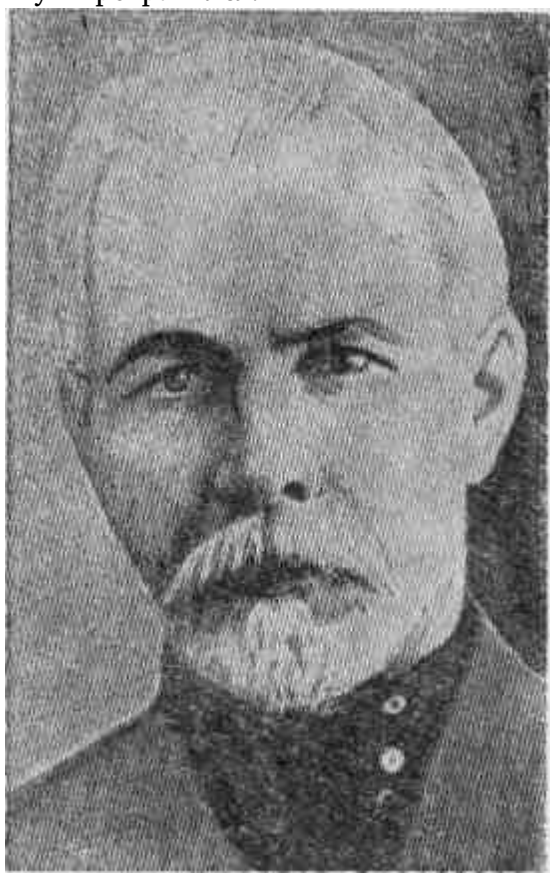
— Позвольте, позвольте, — кричал кто-то, — это как же разоружить? Опять также, как в 1906 году?!

— Нет, нет, товарищи, — убеждал Чеверев.

Разгорелся спор. Рядом с Чеверевым на возвышенность поднялся Чевардин. Рабочие уважали этого седовласого токаря, умевшего ответить на любой вопрос.

— Тише, братцы, тише! Послушаем, что скажет нам Васюха!

Шум прекратился.



Первый председатель Совета в 1917 году Василий Андреевич Чевардин.

— Прошу всех, — сказал Чевардин, — кто желает помочь нам в этом деле, подойти ко мне. Приглашаем всех после работы прийти в кинематограф. Будем выбирать свою власть.

— Можно разойтись, товарищи! — добавил Чеверев. Рабочие,

бурно обсуждая новости, хлынули по цехам.

Около Чевардина и Чеверева осталось человек тридцать.

Вечером зал кинематографа, находившийся в большом утепленном сарае, был переполнен. Народ с любопытством поспешил на первое собрание свободных граждан. Пришли даже старики и старушки. Вокруг длинного сарая сновала детвора, прикладывающая уши к тонкой деревянной стене.

А в это время в земской управе гремел бас земского начальника.

— Кто созвал это сборище? Я вас спрашиваю, господин Мартынов? — требовал он ответа от волостного старшины.

— Они меня не спрашивали, — оправдывался старшина.

— Анархия! Безвластие! Сейчас же отправляйся на собрание. Ты же местная власть. Иди немедленно!

Когда Мартынов пробрался в зал, собрание уже заслушало Манифест ЦК РСДРП и приступило к выдвижению кандидатов в исполнительный комитет. Кричали с мест. Назвали двадцать пять человек и всех избрали. Председателем утвердили Василия Андреевича Чевардина.

Кто-то заметил в зале волостного старшину и с места крикнул:

— Есть предложение!

— Какое? — спросил Чевардин.

— Пусть старшина Мартынов наденет свою медаль и перед народом поклянется, что отныне он будет выполнять все указания рабочей власти.

— Правильно! Выходи, старшина!

Мартынов, подталкиваемый рабочими, вышел к столу президиума. На его груди блестела круглая большая медаль — символ былой власти.

— Я, я, — якал Мартынов, не находя слов, — я ничего не могу сказать против общества.

— Да здравствует рабочая власть! Урраа! — покатилось по залу.

— Товарищи, нам надо создать свою милицию, — сказал Чевардин. — Кого изберем начальником?

— Начальника почты! — крикнул кто-то.

— Правильно! Разуваева! — поддержали несколько голосов.

Избрали Разуваева, поручив ему формирование милиции из двенадцати человек.

С собрания все разошлись в приподнятом настроении.

* * *

Утром, седьмого марта, к дому, в котором размещалась полиция, подкатили два пассажира в кошевке и подошли пятнадцать вооруженных рабочих. Двое вошли в помещение, а рабочие окружили дом.

— Уважаемый урядник полиции, — обратился один из вошедших, — я уполномочен заявить вам, что общее собрание граждан решило обезоружить вас. Это решение может подтвердить пришедший со мной старшина.

— Гражданин Чеверев, — ответил урядник, — мы уже знаем об этом решении. Оружие сдадим, если вы гарантируете нам безопасность.

— Да, мы не тронем ни одного полицейского, — ответил Чеверев.

Через пять минут все винтовки, шашки, револьверы, патроны были вынесены и уложены в короб.

— Счастливо оставаться, господа полицейские. Можете уезжать, если уж так вы решили.

Чеверев по-военному щелкнул каблуками, приложил руку к головному убору, повернулся и вышел.

— Михайлыч и Алеша, останьтесь на посту. Охраняйте господ, чтобы их безоружных-то никто не обидел. Они собираются уезжать, не задерживайте. Гранька, поворачивай к заводу. Отряд, смирно! По направлению к заводу, за подводой, шагом марш! Запевай! — и сам же запел: «Смело, товарищи, в ногу!..»

— Идут, идут! Победителям ур-р-а-а! — приветствовали рабочие свой отряд, вошедший с песней на территорию завода.

— Дозвольте доложить? — Чеверев вытянулся перед Чевардиным.

— Вольно, вольно! — улыбаясь, ответил Чевардин, — все забрали? Молодцы! Создадим свой арсенал на территории завода. Здесь будет безопаснее.

Полицейские в тот же день уехали из Сима. Опустело помещение, которое было местом диких истязаний.

На охрану порядка в поселке вышла народная милиция. Разуваев, не имевший понятия о милиции и ее роли, в первый же месяц столкнулся с загадочным происшествием. Кто-то убил хозяина пивной Лаптева. Милиция установила, что убийство произведено в доме хозяина днем, выстрелом из револьвера в лоб. На месте убийства обнаружена записка, написанная карандашом, крупно печатными буквами.

> «Смерть жандармскому агенту. Убит по приговору боевой дружины, вынесенному в 1907 году. Иуда предал полиции 15 революционеров в 1905 году, 50 — в 1906

году и охотился за Гузаковым. Убил карающий меч».

Подлец, выследивший большевиков и предавший их в лапы карателей, не остался безнаказанным.

* * *

Забурлила, закипела симская долина.

Почти каждый день — многолюдные митинги и собрания. Победители потребовали от заводчика введения восьмичасового рабочего дня и с 17 марта ввели его. По улицам неслись вырвавшиеся из неволи песни, утверждающие: «мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем».

29 марта второй раз свободно собрались симские большевики. Представитель Миньярского районного комитета партии на этом собрании сказал, что период строгой конспирации кончился. Большевики теперь должны сказать всему народу о своей принадлежности к партии, цель которой — построение социализма.

Собрание единогласно избрало председателем комитета Василия Андреевича Чевардина, секретарем — Петра Михайловича Усачева, членами — Чеверева Александра Михайловича, Булыкина Евграфа Ивановича и Чекмарева Василия Романовича. Постановили: назначить партийных организаторов по цехам и объявить запись желающих вступить в ряды большевиков, провести выборы в Совет, влив в него уже избранный исполком.

На другой же день по цехам прошли выборы рабочих депутатов в Совет. Избрали большевиков. Председателем еще раз утвердили Чевардина.

К концу апреля партийная организация выросла до 150 человек, в мае было уже 262, в июле — 300, в сентябре — 500 человек.

* * *

Могучая волна революции докатилась до самых далеких уголков земли русской. Из Александровского кошмарного централа, из Тобольской гнилой тюрьмы, из рудников Забайкалья, с берегов суровой Лены — отовсюду волна несла к родным берегам людей, боровшихся за свободу.

Десять с лишним лет тому назад каратели увезли из Сима

революционеров. И вот теперь оставшиеся в живых стали возвращаться.

Первым вернулся в Сим Петя Гузаков.

Теперь это уже был взрослый человек. Он прошел большую жизненную школу: побывал в тюрьмах и ссылке. Он встречался с Лениным в школе под Парижем. Каждое слово Ленина глубоко запало в сердце молодого революционера, поклявшегося не щадить своей жизни в борьбе за рабочее дело. Теперь Петр ясно видел цель и путь, по которому идет. Вырвавшись из неволи, он поспешил в родные края, где начинал борьбу за свободу и где намерен отдать всего себя делу революции.

— Ба! Да ты ли это?! — с радостью протянул руки Петру Чевардин. — Дорогой ты наш разведчик, жив? — обнимал и целовал его Чевардин, не скрывая своих слез.

— Спасибо, Василий Андреевич, спасибо за теплую встречу. Я рад, что жив ты — соратник моего незабвенного брата. В тюрьме я дал клятву Михаилу всю свою жизнь посвятить делу, за которое он погиб. И вот мечта наша сбылась.

— Да, сбылась, друг мой, сбылась, Петя. Прости, что так называю. Но для меня ты все тот же Петя, хотя и возмужал. Мечта сбылась, но…

— Но борьба еще не окончена, — прервал старшего младший. — Знаю, Василий Андреич, знаю, о чем ты хочешь сказать. Вот об этом я и хочу поговорить. Губернский комитет нашей партии поручил мне…

— Позволь, Петя, позволь спросить. Как же он мог поручить тебе?

— Очень просто, дорогой Василий Андреич. Я с каторги-то заехал прежде в Уфу. Там даже принимал участие в собрании старых боевиков. Проводил это собрание Эразм Самуилович Кадомцев. Собрание решило немедленно взяться за восстановление боевых организаций народного вооружения. Поскольку я был членом такой организации в Симе, меня комитет и направил к вам.

Партийный комитет выделил в помощь Петру Александра Чеверева. На митингах с новой силой зазвучал голос Гузакова.

— Кто это, откуда этот оратор? — спрашивали друг друга рабочие.

— Эй, товарищ! Позволь прежде узнать, ты чей?!

— Я ваш, товарищи.

— Твоя фамилия?!

— Я Гузаков, младший брат вам известного Михаила.

— Урра! — разом подхватили все, знавшие революционного героя, заводского любимца Мишу, — приветствуем брата

Гузакова! Говори, говори, Петр Васильевич!

Толпа умолкла. Гузаков снял шапку, помял ее, снова надел и взволнованно сказал:

— Ленин пишет, что гарантией свободы и разрушения царизма до конца будет только вооружение пролетариата и укрепление Совета рабочих депутатов. Надо на местах не выпускать власть из своих рук! Надо вооружать весь народ и научить его военному делу. Товарищи, записывайтесь в боевую организацию народного вооружения! Готовьтесь к защите своих прав! Нам с Чеверевым партия поручила организовать военное обучение рабочих. Мы надеемся на помощь военных специалистов, вернувшихся с фронта. Ждем ваших заявлений, товарищи!

Боевая организация народного вооружения скоро выросла до тысячи человек. Ее активом стали вернувшиеся с каторги братья Саловы — Андрей и Илья, Зайцев Григорий, Хорьков Василий, Чевардин Алексей и солдаты, покинувшие фронт.

Все симские рабочие добровольно проходили военное обучение. По улицам Сима каждый день маршировали роты обучающихся рабочих. За ними, подражая взрослым, следовали малыши.

* * *

Еще никогда за всю историю в Симе не было столько радости и веселья, как в первомайский день 1917 года. В этот праздник свободы трудящихся все жители поселка вышли на улицы.

Вдруг перед народом, на высоком крыльце одного дома появился в красной рубахе, без фуражки, черноволосый с серебристыми висками и пышными усами широкоплечий человек. Он громко крикнул: «От пролитой крови заря заалела, могучая всюду борьба закипела, пожаром восстанья объяты все страны. И смерть, и смерть вам, тираны!» Слова стихов Кржижановского, знакомые некоторым подпольщикам, и впервые услышанные демонстрантами, вызвали бурю одобрения. Они напомнили демонстрантам о пролитой крови симских рабочих в 1906 году. Тогда на этом месте, где остановились колонны, восставшие симцы, руководимые Михаилом Гузаковым, сражались с полицией.

Декламатор в красной рубахе (это был младший Гузаков) разбередил незажившие раны симцев. Он бросал в народ горячие слова: «Смелей, друзья, идем вперед, будя в сердцах живое пламя, и наше дело не умрет, не сломят бури наше знамя!»

Колонны с песней двинулись дальше, зовя вперед рабочий народ.

Над одной из колонн появилось карикатурное изображение царя. К карикатуре приклеена листовка с крупным заголовком: «Завещание бывшего царя Николая II».

Смех, песни, музыка, танцы на улицах Сима продолжались весь день. Ликовал народ, впервые свободно праздновавший Первое мая.

Негодовал только земский начальник Куржанский и ему подобные, мечтавшие о возврате былой власти. Куржанский пытался даже приказывать начальнику народной милиции Разуваеву:

— Вы куда смотрите, блюститель порядка? На улицах публично оскорбляют Временное правительство, а вы потворствуете?!

— А вы на меня не кричите, господин, утративший былую власть. Я вам не подчинен! — ответил Разуваев и ушел от Куржанского.

Земский начальник вновь обратился за поддержкой к сторонникам «законной власти». Он убеждал их в необходимости провести выборы в волостное земство. Меньшевик Герронимус обещал активнее взяться за подготовку масс к выборам в земство и Учредительное собрание.

— Мы еще посмотрим на выборах, кто победит! — грозил большевикам Герронимус.

Между тем большевики усиливали свое влияние на массы все больше и больше. Во всех цехах они создали ячейки. Коммунист Чеверев вовлек в ряды большевиков тридцать военнопленных. Все это одобрил известный симцам профессиональный революционер-большевик Свердлов Яков Михайлович, с которым Чеверев повстречался на первой Уральской областной партийной конференции.

29 апреля Чеверев доложил общему собранию коммунистов о итогах конференции. Коммунисты решили усилить работу в Совете и в рабочей массе. В связи с этим они увеличили число членов комитета, дополнительно ввели Булатова и Коновалова. И председателем партийного комитета утвердили Чеверева.

Партийный комитет организовал на заводе профессиональный союз. Председателем профсоюзного комитета рабочие избрали большевика Александра Григорьевича Минцевича.

22 мая в Миньяре состоялась партийная конференция Симского горнозаводского округа. Она избрала окружное бюро. От симских большевиков в бюро избраны Гузаков, Чеверев,

Рындин, Усачев и Паров.

Бюро организовало на заводах выборы в окружной Совет рабочих депутатов. Председателем Совета избрали Петра Гузакова.

Советы уверенно брали власть в свои руки.

* * *

21 июля в Уфе состоялась вторая губернская конференция РСДРП. Из Сима делегатами были Чеверев и Гузаков. Конференция избрала Петра Васильевича делегатом на шестой съезд РСДРП(б), а Александра Михайловича в новый состав губернского комитета РСДРП.

События развертывались с молниеносной быстротой. Все новые и новые известия поступали в Сим. Их приносила большевистская газета «Правда». Она советовала организовать революционные крестьянские комитеты и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их, сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного собрания.

— Предлагаю послать в деревню наших коммунистов с этой статьей, — сказал Рындин, — я съезжу в Ерал.

Коммунисты приняли предложение Рындина.

Чеверев сообщил радостную весть: в Петроград приехал Владимир Ильич Ленин. В «Правде» были опубликованы Апрельские ленинские тезисы о социалистической революции. Организуем изучение тезисов по ячейкам и привлечем к обсуждению всех рабочих!

* * *

Меньшевики и эсеры, которых в Симе было около двадцати, усиленно увивались возле бывших фронтовиков.

Некоторые из рабочих — Рокутов Михаил, Базунов Андреян, Курчатов Владимир — вернулись с фронта в звании офицеров. К ним-то и «сватались» меньшевики и эсеры.

В один из июльских дней волостное земство пригласило фронтовиков на солдатское собрание. В длинном одноэтажном помещении без потолка, под тесовой крышей, которое называли кинозалом, собралось около трехсот человек.

— По поручению и от имени местной власти, — начал Герронимус, — передаю всем собравшимся привет!

Далее хитрый краснобай, как бы сочувствуя солдатам, сказал,

что очень трудно удержаться от соблазна покинуть развалившийся фронт, опротивевшие окопы и смердящее трупами поле боя, от соблазна вернуться домой и увидеть плоды завоеванной свободы. И вы не устояли перед этим соблазном.

Солдаты зашумели. Герронимус, будто не заметив возмущения, намекнул: многие солдаты, побывавшие дома, отдохнув и набравшись сил, возвратились на позиции.

Серая масса заколыхалась, гул в зале стал нарастать. Но оратор уже не ждал тишины.

— Воины! Неужели в эти дни, опасные для отечества и свободы, вы останетесь дома?! Все на фронт! Все на защиту революции!

Зал словно взорвался. Солдаты вскакивали с мест, махали руками, кричали, свистели.

На трибуне появился офицер Бузунов. На помощь Бузунову поспешил офицер Рокутов.

— Послушайте, послушайте, братцы! Все в наших руках. Мы — вооруженная сила! Только мы сможем установить порядок в России! Мы создадим солдатские комитеты на местах и в центре! Мы…

Серая масса раскололась. Теперь уже говорили все. Оратор беспомощно махнул рукой.

И в тот момент раздался звук сигнального рожка.

Звук рожка удивил и насторожил солдат. Они узнали в трубаче Кузьму Рындина.

— Товарищи! — крикнул Рындин. — Я уполномочен Советом рабочих депутатов и комитетом большевиков спросить вас. С кем вы?! С нами — с рабочими за свободу, с вашими отцами и братьями за власть тех, кто трудится — за власть рабочих?! Или вы с купеческими сынками Шашкиными, офицеришками Бузуновыми и Рокутовыми за власть продажных генералов, за власть помещиков и капиталистов?! С кем вы, воины, сыны рабочего класса?

Солдаты молчали. Офицеры вскочили с мест и направились к выходу.

— Стойте! — крикнул Кузьма. — Вы хотите убежать от ответа? Не выйдет! Смотрите в раскрытые двери!

Подозревая о намерении меньшевиков и эсеров свергнуть Совет, большевики приготовились дать бой. Они поставили пулемет на балкон умовского дома, которым завладели после отъезда хозяина, и выставили вооруженных рабочих против дверей кинозала.

Меньшевики, эсеры, чиновники волостного земства оказались в осаде. Земский начальник воспользовался суматохой и

выскользнул из зала. Эсеры, поняв обстановку, спрятались за серые мундиры. Офицеры капитулировали. Солдаты, увидев рабочих, дружно крикнули «ура!».

Рындин сказал в ответ:

— Мы так и думали, товарищи, что вы, конечно, с нами. У нас создана Красная гвардия. Все рабочие проходят военное обучение. Нам не хватает знатоков военного дела. Просим вас помочь нам.

Таким образом, в Красную гвардию влились опытные стрелки, пулеметчики, гранатометчики, связисты и артиллеристы.

У сторонников «законной власти» осталась еще одна надежда — выборы в волостное земство. Но скоро рухнула и она. 8 сентября прошли и эти выборы. Симские граждане отдали все 17 мест в земстве только большевикам.

Узнав о результатах голосования, земский начальник покинул Сим. Вслед за ним уехал из Сима и Герронимус. На выборах в Учредительное собрание симские граждане за большевистский список подали 1634 голоса, за эсеровский — 253, остальным спискам дали менее десяти голосов.

* * *

Известия из центра стали поступать в Сим реже. Прекратилась доставка газеты «Правда». Тревога охватила симских большевиков: все ли благополучно в столице?

Председатель Совета Чевардин обратился к начальнику почты:

— Товарищ Разуваев, в былое время вы очень хорошо информировали меня о том, что пишут центральные газеты. Не сможете ли узнать, почему нет «Правды?» Пожалуйста, покажите мне все газеты, какие поступают в Сим.

Разуваев, а его уже освободили от работы в милиции, принес газеты в Совет. Чевардин удивился обилию различных названий: «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Новое время», «Русская воля», «Воля народа», «Дело народа», «Новая жизнь», «День», «Живое слово», «Речь», «Рабочая газета», «Копейка».

Из этих газет Чевардин и Чеверев узнали, что юнкера расстреляли мирную демонстрацию в Петрограде. Бульварно-черносотенская газета «Живое слово» обзывает Ленина немецким шпионом. Официоз временного правительства «Речь» опубликовал приказ Временного правительства об аресте Ленина. Меньшевистский «День» сообщает о закрытии большевистской

газеты «Правда». Эсеровские «Воля народа» и «Дело народа» захлебываются от восхваления Временного правительства.

— Хватит, я не могу больше читать эту гадость! — хлопнув по газетам, сказал Чеверев. — Они льют помои на нас, нашу газету закрыли! А мы терпим? Нет! Так дальше нельзя!

— Ты прав, Александр Михайлыч, — надо немедленно рассказать об этом народу.

В неурочное время завыл заводской гудок. Чеверев рассказал собравшимся рабочим обо всем, что сам узнал из газет.

— К ответу убийц и клеветников! — возмущаясь, кричали рабочие. — Да здравствуют Советы! Да здравствует Ленин!

* * *

Делегат шестого съезда РСДРП(б) Гузаков вернулся в родной край. Он подробно доложил собранию симских большевиков об итогах съезда.

— Съезд продолжался с 26 июля по 3 августа. По неводу нашего съезда буржуазная печать подняла вой, — говорил Гузаков, — она требовала арестовать участников съезда. Сыщики сновали везде, пришлось менять место заседаний. Сначала собрались на Выборгской стороне, а последнее заседание провели в школе около Нарвских ворот. Съезд высказался за подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию, за социалистическую революцию.

Коммунисты приняли решения съезда к руководству и начали с организации Союза молодежи.

Весть о том, что со всего поселка в клуб созывают молодежь, заинтересовала юношей и девушек.

Молодежь, собравшаяся вместе, по-разному выражала свое отношение к такому сбору. Одни о чем-то спорили, другие шутили и громко смеялись, а девушки, смущенно переговариваясь, группировались по углам. Народу собралось много. Гам, шум, смех сотрясали стены клуба.

Вдруг раздался звонок, настойчиво требующий тишины. Все увидели на сцене человека, трясущего над своей головой колокольчик. Многие узнали в нем Ваню Масленникова, не раз водившего ребят в кулачный бой. «Смелый и сильный парень», — говорили о нем. А этот парень, встретившись с сотнями пытливых глаз, растерялся. Он звонил и звонил, не замечая того, что все уже уселись и с нетерпением смотрели на него. Наконец Иван сунул колокольчик в карман, потоптался около стола и заговорил:

Петр Васильевич Гузаков (фото 1916 г.).

— Товарищи, я по поручению Симской организации большевиков выношу на обсуждение вопрос об организации в Симе Союза молодежи.

В зале неожиданно возник шум.

— Какого это Союза? Зачем он нам? Мы — свободная молодежь! — кричали какие-то молодчики, сидевшие в первом ряду.

— Товарищи, я говорю о социалистическом Союзе молодежи, — уточнил Иван, справившийся со своим волнением. — Большевики рекомендуют организовать…

— А мы не хотим слушать большевиков! — кричали все те же молодчики.

Заколыхались ряды сидящих. Завязался спор. Иван попытался перекричать орущих, и размахивая колокольчиком, неоднократно повторял:

— Товарищи, послушайте!

На сцену вышел Чеверев.

— Союз-то у нас на заводе уже создан. Так што напрасно шумите. Опоздали! — обратился он к крикунам. — Сегодня товарищ Масленников приглашал в Союз всю молодежь. И ваше

дело вступить в Союз или не вступить. Кто хочет шагать по жизни вместе с нами, большевиками — иди в Союз. Кто хочет оставаться с крикунами — уйди с дороги, не путайся под ногами смелых юношей и девушек, желающих жизнь переделать по-новому, по-своему, а не по-господски!

Чеверев точно гвозди вбивал, ударяя кулаком по столу после каждой горячо сказанной фразы, говорил о свободе, за которую веками боролся трудовой народ, о симских большевиках, погибших в этой борьбе, говорил взволнованно, протягивая руки к молодежи, звал ее на борьбу за новую, светлую жизнь, без помещиков и капиталистов, и спрашивал: «Кто должен возглавить молодежь?» Из зала ему хором отвечали: «Союз! Союз!» Записалось в Союз тогда сто человек. Председателем избрали Масленникова Ивана Федоровича. В заключение чей-то звонкий голос певуче предложил: «Эй, ребята, брось галдеть, давай лучше песни петь». И полилась звонкая, задорная песня.

Большевики создали в Симе Союз, который стал мощным резервом, опорой партии в грядущих боях.

* * *

11 сентября большевистские газеты принесли в Сим весть о том, что генерал Корнилов двинул на Петроград конный корпус под командованием генерала Крымова, намереваясь задушить революцию.

Опять завыл двухголосый прерывистый гудок в Симе. Рабочие покинули цеха и вышли на улицу. Над колоннами появились лозунги: «Долой министров-капиталистов!», «Долой предателей социалистов!», «Вся власть Советам!». В колоннах гневно звучали голоса большевистских ораторов. Чеверев и Чевардин звали народ на бой с контрреволюцией.

Весь день шумел народ в долине — свидетельнице революционных бурь. Молчал лишь завод, покинутый рабочими, объявившими забастовку.

Сим ощетинился штыками. Часть их была отнята у полиции, часть получена из военного арсенала Уфы, привезена фронтовиками, добыта еще в годы подполья.

Октябрь прошел в огромном напряжении. Газеты приносили известия одно другого тревожнее.

Симские рабочие каждый день собирались на военные занятия. Они уже научились метко стрелять из винтовки и пулемета, далеко бросать гранату и осваивали артиллерийскую мудрость. Возле штаба гвардии, который размещался в умовском

доме, встали часовые.

Губернский комитет большевиков предложил Чевереву явиться в его распоряжение.

— Надо заменить меня, — говорил Чеверев на срочном заседании парткома. — Для телеграфной и телефонной связи надо выработать шифр. Как бы не пришлось послать наши силы на поддержку питерских рабочих или в Уфу. Во всяком случае надо быть готовыми к этому. Командиры боевых подразделений Лебедев, Соколов, Салов, Ураков надежные. Ну, кажется, сказал все. Кого же назначим председателем комитета?

Коммунисты избрали Рындина Кузьму Васильевича. Через несколько дней в Совет прибежал запыхавшийся начальник почты.

— Василий Андреевич! — крикнул Разуваев, еле успев распахнуть двери, — товарищ председатель Совета! Побе-да-а!

Разуваев подал Чевардину газету «Рабочий путь» от 25 октября, в которой было опубликовано обращение большевиков «К гражданам России».

— Ура! — воскликнул Чевардин, — скорей к Кузьме Васильевичу и на завод!

Через час над зданием штаба Красной гвардии взвился красный флаг. Трижды прогудел гудок. Народ высыпал на улицы. Рабочие собрались в заводском саду. Гудок умолк. Наступила такая тишина, какой, кажется, не бывало в Симе.

— Товарищи, — обратился к собравшимся Рындин, — большевистская газета принесла нам радостную весть. Временное правительство низложено!

— Ур-р-а-а! — покатилось от корпуса к корпусу по всему заводу.

— Государственная власть, — продолжал Рындин, — перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов!

…Вскоре большевистская часть Уфимского ревкома обратилась за помощью в Миньярское окружное бюро большевиков. В Уфу немедленно выехали Гузаков, Рындин, Зеленцев и Бычков. Но потребовались вооруженные силы. Гузаков срочно вызвал красногвардейцев из Сима, Миньяра и Аши. Вызванных объединили в отряд под командой симского рабочего, старого большевика, члена боевой дружины в 1905 году — Лебедева Павла Платоновича. Общее руководство операциями по разоружению гарнизона возложили на Кадомцева Михаила. Возглавляли красногвардейские силы Кадомцев Эразм и Гузаков Петр.

В воскресный день в Уфе появились яркие плакаты, сообщавшие, что на базаре в 12 часов состоится открытие цирка.

Любители цирковых представлений солдаты мусульманского полка — опора Временного правительства — устремились на базар. Здесь звенели бубны, пели и плясали бродячие артисты, кружились карусели, летали качели и на подмостках кривлялись клоуны. Солдаты организованно вошли в цирк.

А в это время отряд Лебедева занял казармы мусульманского полка. Хитрая операция, подготовленная Михаилом Кадомцевым, удалась. Безоружных солдат Временного правительства Уфимский ревком распустил по домам, непокорных офицеров арестовал, оружие передал миньярским, симским, ашинским красногвардейцам и отправил их обратно.

* * *

В ноябре окружной Совет рабочих и крестьянских депутатов созвал конференцию общественных организаций и заводской администрации. Впервые сошлись вместе заводские хозяева и работники.

Председатель Совета Гузаков объявил, что в порядке дня поставлен один вопрос: о проведении в жизнь декретов советской власти — о земле и об организации рабочего контроля над производством.

Хозяева выразили негодование, работники — удовлетворение. Начались прения.

— Земля, бесспорно, должна принадлежать крестьянам, — сказал Гузаков, — они на ней работают, они и должны владеть ею. И наше правительство предлагает брать землю сейчас же и засевать ее для того, чтобы избавить страну от голода. Контроль на производстве должны осуществлять сами рабочие и служащие предприятий через своих представителей, выбранных на общих собраниях. Без разрешения рабочего контроля воспрещается остановка предприятия, сокращение производства и увольнение рабочих. Рабочий контроль обязан проверять все документы и книги предприятий, ликвидировать коммерческие тайны, раскрывать и не допускать спекулятивных махинаций хозяев, контролировать запасы сырья, продуктов и других материалов…

— Нет, нет! — возразил Умов. — Так не может быть! Передать землю крестьянам без согласия акционерного общества, значит, порвать отношения с правлением общества. А это будет гибелью для дела, так как правление не даст денег. Без денег же не смогут работать заводы.

— Вы жестоко ошибаетесь, гражданин Умов, — ответил Гузаков. — Не правление дает деньги заводам, а наоборот —

заводы правлению. Округ, давший правлению за семь месяцев 1917 года прибыль более трех миллионов, обойдется и без правления.

Конференция постановила: немедленно провести в жизнь декреты, принятые Вторым Всероссийским съездом Советов.

Умов заявил, что остается при особом мнении, которое изложит письменно.

Заводская администрация не допустила рабочий контроль к делам управления. Умов уехал в Петроград.

Окружной Совет решил просить Совет Народных Комиссаров о национализации заводов Симского округа и командировал в Петроград Гузакова. Он с радостью выехал.

В Совнаркоме Гузакова приняли тепло. Недолго ждал приема Петр Васильевич. Ленин встретил его очень приветливо.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Гузаков! — Ильич пожал руку и пристально посмотрел на него.

— Позвольте, вы не тот ли Гузаков, которого я еще юнцом встречал в Париже?

У Петра заблестели глаза, дух перехватило: «Вспомнил, узнал», — подумал он и волнуясь, ответил: «Да, да, тот».

— Не узнать, не узнать! Возмужали! — говорил Владимир Ильич, как бы не замечая волнения Петра, — что же это вы, батенька мой, тогда не рассказали мне о своем брате?

— Владимир Ильич, вы знаете и о нем?

— А как же, дорогой мой. Вы рассказывали друзьям, а они мне. Ну-с, выкладывайте, с чем пожаловали?

Гузаков доложил о положении на заводах Симского округа, поведении акционерного общества и настроении рабочих.

Ленин улыбнулся. Он уже читал подробную информацию от Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов. Задав несколько вопросов Гузакову, Владимир Ильич сказал: «Будет по-вашему» и порекомендовал встретиться с Дзержинским. Ленин крепко пожал руку Гузакову.

Петр Васильевич немедленно пошел к Дзержинскому. Оказалось, что Феликс Эдмундович уже имел письмо от Ленина. Владимир Ильич писал:

> — «…вопрос на Урале острый: надо здешние (в Питере находящиеся) правления уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы.
>
> Подготовьте проект постановления поскорее»[1].

Дзержинский выдал Гузакову документ на право

конфискации капиталов правления Симского акционерного общества горных заводов, распорядился выделить в помощь Гузакову стрелков и пожелал ему успеха.

Акционеры, узнав от Умова о положении дел в округе, поспешили скрыть деньги и акции.

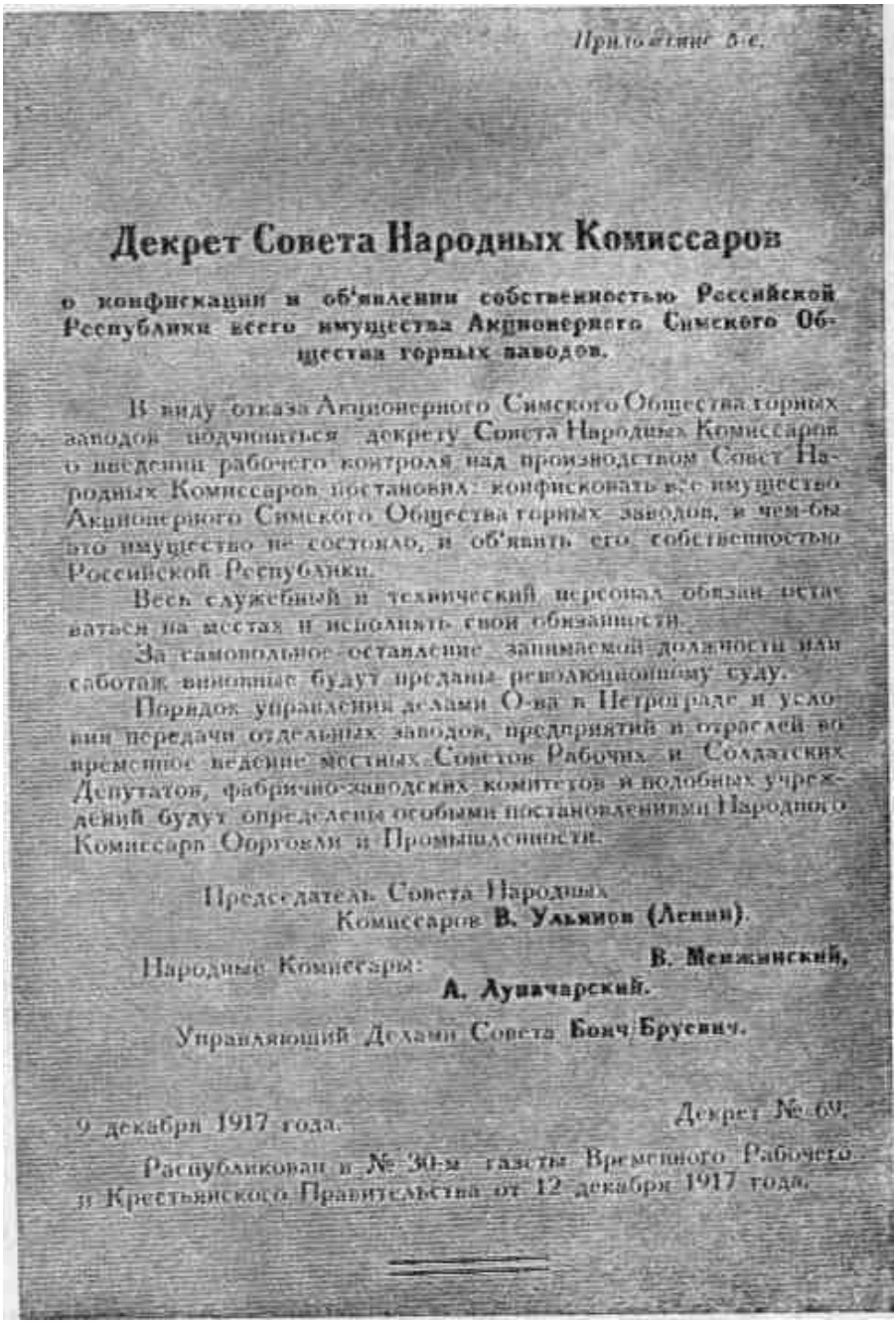
Гузаков вместе с делегатами, приехавшими из Аши, конфисковали в правлении акционерного общества уже остатки: 1500 рублей наличными и 940000 в акциях.

В Сим, Миньяр, Ашу полетела телеграмма: «Заводы наши. Немедленно шлите обязательства». На заводах это известие приняли восторженно.

— Заводы наши! Ура! — кричали рабочие на срочно созванных митингах. — Мы хозяева заводов! Даем обязательства!

Текст обязательства самоотверженно работать подписали все рабочие. Даже служащие дали свои подписи в знак полной солидарности и желания работать в контакте с Советами. Возражали только заместитель управляющего округом, управители заводов и заведующий лабораторией Балашевского завода. Их арестовали за неподчинение законам Советской власти.

Делегация возвратилась в родной округ. Рабочие ликовали: «Мы хозяева! Мы все сделаем по-своему!» И они делали, не считаясь ни с временем, ни с трудностями. Те, кто имел своих лошадей, подвозили сырье и топливо к заводу. Работали на заводе и во внеурочное время.



Приложение 5-е.

Декрет Совета Народных Комиссаров

о конфискации и об'явлении собственностью Российской Республики всего имущества Акционерного Симского Общества горных заводов.

В виду отказа Акционерного Симского Общества горных заводов подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством Совет Народных Комиссаров постановил: конфисковать все имущество Акционерного Симского Общества горных заводов, и чем-бы это имущество не состояло, и об'явить его собственностью Российской Республики.

Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности.

За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду.

Порядок управления делами О-ва в Петрограде и условия передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений будут определены особыми постановлениями Народного Комиссара Торговли и Промышленности.

Председатель Совета Народных Комиссаров **В. Ульянов (Ленин).**

Народные Комиссары: **В. Менжинский,**
А. Луначарский.

Управляющий Делами Совета **Бонч-Бруевич.**

9 декабря 1917 года. Декрет № 69.

Распубликован в № 30-м газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 12 декабря 1917 года.

Но деловой Совет, созданный в Аше для управления национализированными заводами, оказался в затруднительном положении: бывшие владельцы заводов оставили истинных хозяев без денег, без продовольствия и с малыми запасами сырья и топлива. Обратились за содействием в Уфу. Но Уфимский банк отказал в выдаче денег по текущим счетам Симского округа на том основании, что у новых хозяев не оказалось нотариальной

доверенности от зарегистрированных владельцев.

— Контрреволюционеры! — обозвал банковых чиновников Гузаков и вызвал в Уфу отряд красногвардейцев.

Силой оружия новые хозяева заводов Симского округа открыли свои счета в Уфимском банке.

Гузаков докладывал на первом Уральском областном съезде представителей национализированных заводов:

— Средства округ получает от продажи своих изделий. Сырье для производства заводы имеют собственное, топлива много. Совершенно расстроен железнодорожный транспорт. Техническим оборудованием округ не обеспечен.

Взаимоотношения между рабочими, служащими и техническим персоналом хорошие. Их объединяет профессиональный союз металлистов. Продовольствие для населения губпродуправа высылает только по норме, запасов не имеется. Его необходимо заготовить через кооперативы и снабжать по карточкам. Заводами теперь управляет окружной Совет рабочих депутатов через назначенных им трех комиссаров. С момента национализации поднялась производительность труда. Например, на Миньярском заводе, вместо обычных 300 пудов один раз прокатали 1200 пудов железа.

* * *

Утром, когда рабочие трудились в цехах, тревожно завыл заводской гудок.

— Што опять случилось, што? — спрашивали друг друга рабочие и бежали к месту сбора.

Командир красногвардейского отряда Василий Лаврович Соколов сообщил собравшимся, что бывшие царские генералы поднимаются против Советской власти. В Оренбурге выступил казацкий атаман Дутов. К нему на помощь с фронта едут казаки. Военный комиссар округа приказал разоружить этих казаков. Эшелон проследовал Уфу и Ашу. Медлить нельзя.

Красногвардейцы стремглав ринулись к арсеналу, молодые санитарки-работницы Лидия Чеверева, Мария Усачева, Анастасия Уракова — к медицинскому пункту.

Через двадцать минут отряд в 150 человек, вооруженный винтовками, гранатами, двумя пулеметами, выстроился около здания штаба.

Соколов пояснил задачу:

— Нам предстоит разоружить опытных вояк. Они не сдали оружия в Уфе и Аше. Добровольно не сдадут и здесь. Предстоит

бой.

Зазвенели рельсы узкой колеи, покатились заводские вагончики. Ежились легко одетые бойцы. Декабрьский мороз хватал их за руки, за нос и щеки.

На станцию Симская отряд прибыл вовремя. Эшелон уже приближался.

Красногвардейцы цепочкой залегли за огромным снежным валом с правой стороны но ходу поезда. Шесть боевиков, вооруженных наганами, легли возле пути там, где должен встать паровоз. Недалеко от шестерки сели на снег командир Соколов и боевик Масленников. У обоих в руках по гранате.

Из-за поворота выскочил паровоз.

Левофланговый командир подразделения Горбунов подсчитывал вагоны.

— Все товарные. Раз, два, три… пятнадцать… тридцать… Передать по цепочке: вагонов сорок!

Поезд замедлил ход. С левой стороны поезда приоткрылись двери некоторых вагонов. Из дверей высунулись головы. На платформе и около вокзала ни души. За вокзалом, на пригорке, в окружении сосен стояли три избы. Ничто не вызывало подозрений у казаков.

Паровоз, выпустив густой пар, уперся в рельсы колесами. Поезд лязгнул буферами, со скрипом встал.

Четыре боевика моментально забрались справа и слева в паровозную будку, а двое — отцепили паровоз. Машинист и помощник растерялись, а сопровождавший их казак не успел выстрелить — упал от смертельного удара по голове.

— Полный вперед! — приказал машинисту бывший матрос, держа наган в руке.

Паровоз рванулся и, прикрываясь паром, ушел со станции.

— Откройте двери! — потребовал Соколов.

Двери первого и второго вагонов раскрылись. Но в тот же миг из первого вагона швырнули гранату. Ее на лету схватил Масленников и метнул обратно. В ту же секунду Соколов бросил свою гранату во второй вагон. Раздался взрыв. Вверх и в стороны полетели обломки двух вагонов.

Соколов и Масленников скатились под откос. Казаки выскочили из вагонов.

— Огонь! — изо всей силы крикнул Тараканов, раньше всех понявший происшедшее.

Застрочил пулемет, прошивая поезд, захлопали выстрелы и кое-где ухнули гранаты. В задних вагонах послышался грохот и пронзительный визг лошадей.

Красногвардейцы, занявшие удобные позиции, вели

прицельный огонь. Казаки в панике лезли под вагоны и стреляли не целясь.

Бой затянулся. С завода примчалась резервная группа. Она начала обходить эшелон с двух сторон.

Казаки попытались скрыться за вокзалом, но и там их встретил пулемет. Кадровые вояки подняли штыки с белыми платками.

— Прекратить огонь! — понеслось по цепи красногвардейцев.

— Казаки, положите оружие и перейдите на перрон! — приказал Тараканов. Побежденные подчинились.

Красногвардейцы подразделения Горбунова собрали казацкое оружие. Резервная группа выгрузила все запасы из вагонов.

— Оружие собрано! Вагоны очищены! — доложили Тараканову командиры подразделений.

— Дать сигнал!

В воздух со свистом взвилась зеленая ракета. Послышался гудок. С восточной стороны пришел паровоз. Красногвардейцы выкатили останки разбитых вагонов на запасный путь, прицепили паровоз к уцелевшему поезду и рассыпались по флангам. Казаки, изумленные организованностью рабочих, молча ждали приказа.

— Господа казаки! — обратился Тараканов. — Заберите своих раненых, убитых и отправляйтесь отсюда к чертовой матери! По вагонам!

Казаки ринулись в вагоны. Паровоз запыхтел, ухнул, дернул и потянул потрепанный эшелон дальше — на Восток.

А красногвардейцы четким шагом по скрипучему снегу двинулись к заводу. А впереди покатились четыре вагонетки, загруженные винтовками, патронами, гранатами, шестью пулеметами, нагайками, шашками, седлами, ящиками, тюками, отнятыми у врагов революции.

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Бывший участник вооруженного восстания в 1906 году, политический каторжанин, комиссар Осокин Трофим Дмитриевич стал управителем завода. Высокий, широкоплечий, крепко сколоченный, он неожиданно появлялся в цехах, приветствовал рабочих и покрикивал на кафтанников (получивших от Умова в награду дорогой кафтан). Совещания с инженерами и мастерами Осокин обычно начинал так:

— Ну, кто здесь из вас товарищи, кто нет, разбирайтесь сами. Только по делам вижу, что есть среди вас и не товарищи.

Осокин вынимал маузер из кобуры, клал его на стол, выпрямлялся во весь рост и, повысив голос, продолжал:

— Я должен предупредить тех, кто до сих пор нам не товарищи, што с ними буду разговаривать вот этим языком. — Осокин выразительно смотрел на маузер.

Такое объяснение вызывало озлобление среди инженерно-технических работников. Осокин считал это закономерным. — «Буржуйские холуи» всегда будут недовольны», — рассуждал он и еще крепче «завинчивал гайки». Этим воспользовались эсеровские подголоски. Они повели агитацию в цехах против большевиков, «дорвавшихся до власти».

В январе 1918 года в Сим из Аши приехал Гузаков. Он обратился в партийный комитет с просьбой созвать общезаводское рабочее собрание.

Рабочие, прочитавшие объявление о том, что с докладом о международном положении выступит Гузаков, пришли в клуб раньше назначенного часа.

— Ну, что-то скажет нам наш председатель! Скоро ли будет мировая революция? — переговаривались между собой рабочие, ожидая начала собрания.

На сцену вышел председатель заводского комитета профсоюза Минцевич. Он объявил, что слово для доклада предоставляется Петру Васильевичу Гузакову. Буря аплодисментов покатилась по залу. Рабочие уважали младшего Гузакова.

Низко поклонившись слушателям, которых собралось столько, что негде яблоку упасть, Петр Васильевич неторопливо начал речь:

— Дорогие товарищи! Я знаю, что вы все с волнением следите за событиями в нашей стране и за границей. Так вот, товарищи, события эти складываются вот как: за границей революции пока еще нет. Капиталисты разных стран

сговариваются между собой, как бы задушить нашу революцию. Этим и объясняется международная обстановка. А в нашей стране распространилась власть Советов. Упразднены прежние министерства. А вот на днях распущено и Учредительное собрание, потому что оно отказалось подтвердить декреты Второго съезда Советов о мире, о земле и о переходе власти к Советам. И последнее, товарищи, в связи с чем я и приехал к вам. Гидра контрреволюции подняла уцелевшие головы. Казацкий атаман Каледин захватил Ростов-на-Дону, наступает на Донбасс и рассчитывает двинуться на Москву. Но революционный Донбасс мобилизовал все свои силы против Каледина. Туда посланы красногвардейские отряды из разных городов. Вторая голова гидры — это сторонник монархии атаман Оренбургского казачьего войска Дутов. Он собрал офицеров, юнкеров, казацких кулаков, башкирских националистов и двинул их против Советов. Совнарком послал на дутовский фронт отряды из разных городов. Сейчас идут упорные бои. Уфимский губревком поручил мне призвать вас на помощь. Я думаю, что вы сами понимаете, нам нельзя ждать, когда Дутов захватит наш завод и задушит нашу власть.

Докладчик замолчал. Рабочие и бывшие фронтовики крепко задумались. Значит, опять воевать. Опять бои, жертвы…

— Вот негодяи! — вдруг произнес старый большевик Павел Платонович Лебедев. Увидев, что на него смотрят. Лебедев встал:

— Я говорю, не дают нам мирно пожить, не хотят отдать награбленное и допустить до власти работников, веками гнувших спины перед господами. Ну мы им, гадам, свернем головы! Я готов завтра же отправиться на дутовский фронт!

Лебедев сел. Одновременно встали Горбунов Иван Павлович, Тараканов Василий Степанович и Чеверева Лидия Михайловна. Они, перебивая друг друга, крикнули:

— И я готов, и я готова!

— Сформируем отряд против дутовских гадов! — кричали почти все. Похоже было, что все изъявляют желание завтра же пойти в бой с контрреволюцией. Но, очевидно, кто-то высказал иную точку зрения, завязался спор.

Гузаков громко крикнул: «Товарищи!» Народ умолк.

— Товарищи, я заметил, что гражданин Жеребин желает сказать свое мнение, не так ли?

— И скажу, — запальчиво ответил с места Жеребин.

В зале насторожились.

— Мы вот с Шельцовым, — он показал на сидевшего рядом, — смекаем, што нам и незачем идти на дутовский фронт. На нас не нападают. А насчет власти, так это их дело, Пусть

устанавливают себе чего хотят. А какое нам дело до казаков. Нас не трогают, ну и мы не должны лезть в драку.

Шум потряс стены клуба. Гузаков и Минцевич — председатель, еле успокоили участников собрания.

Красногвардейцы перед походом в 1918 году: Масленников Игнатий Федорович, Ширшов Александр Алексеевич, Напалков Николай Захарович.

— Есть предложение сформировать отряд, — объявил Минцевич.

Утром, когда рабочие входили в заводские ворота, у штаба Красной гвардии задержалось около трехсот человек.

Комиссар завода, председатели партийного, профсоюзного комитетов и Совета рабочих депутатов вышли к собравшимся. Они решили отпустить пока сто пятьдесят человек. Если губвоенкомат потребует еще, пошлют дополнительно. Надо же всех одеть, обуть, вооружить.

В назначенный день добровольцы с утра собрались у здания

штаба.

…Вчерашние кузнецы, слесари, токари, столяры — сегодня были неузнаваемы. В серых шинелях под ремнем, ленты с патронами через плечо, за поясом гранаты, в руках винтовки со штыками.

Со всех сторон сюда шли рабочие, чтобы проводить своих защитников на неожиданно возникший фронт. Еще совсем недавно они вот здесь же, на этой небольшой площади, с радостью говорили о том, что уж теперь-то войне конец, и вдруг опять фронт и не где-нибудь там, на германской границе, а вот — рядом, под Оренбургом!

Злоба кипела в сердцах рабочих, только что начавших строить новую жизнь, жизнь без капиталистов и без войн. Они шли сейчас к штабу Красной гвардии, чтобы на прощание сказать своим братьям и сынам напутственное слово.

Пока вышел командир отряда, серые шинели смешались с черными тужурками, пальто и шубами. Кто-то плакал, обнимая солдата. Кто-то спешил сказать недосказанное, кто-то громко смеялся, заглушая боль расставания. Вот заиграла гармошка. В круг вырвался лихой кузнец Георгий.

— Э-эх! Заходили руки, ноги, закружилась голова! Попляшу еще немного, пусть посмотрит кармала!

— О-го-го! — загоготала толпа. А он, заткнув полы шинели за ремень, шел по кругу, выбивая дробь и напевая — барыня, барыня, ты моя сударыня… Э-эх!

— Тра-тарата-ра-тата, — выговаривали кованые сапоги. Гармошка поддавала жару. Добровольцы в ритм гармошке подпевали частушки. Вдруг над толпой пронеслось:

— Отря-а-ад, в коло-онну по четыре стройся!

Оборвались песни, умолкла гармошка, отделилась серая масса, отошли в сторону отцы, деды, братья, матери, жены, невесты и сестры.

— Рравня-айсь! Смирно-о! — командовал Лебедев. Он осмотрел вытянувшийся строй и четким шагом, приложив руку к головному убору, направился к группе людей, стоявших против строя. Подтянутый, в шинели, сшитой по плечу, он отличался от рядовых тем, что справа на ремне у него висела кобура с наганом, слева — полевая сумка, на груди болтался бинокль и на левом рукаве была красная повязка.

Командир Красногвардейского отряда Лебедев Павел Платонович.

— Товарищ председатель Совета! Отряд к походу готов!

— Здравствуйте, воины! — крикнул Чевардин.

— Здрасте! — ответили красногвардейцы.

— Дорогие товарищи, — обратился к добровольцам председатель Совета рабочих депутатов, — от имени местной власти вам, нашим боевым защитникам, передаю большое спасибо и от себя — сердечный поклон. — Чевардин снял шапку и низко поклонился.

— Ура! — ответили красногвардейцы.

— Желаем вам скорой победы, — продолжал Чевардин, — и верим, что с помощью других отрядов вы разгромите дутовские банды и скоро вернетесь домой! Будем ждать вас и заботиться о ваших семьях. Да здравствует власть Советов, власть рабочих и крестьян во всем мире!

— Ура! — снова покатилось по колонне.

В строю начали переговариваться: надо ответить. Кто выступит?

— Я! — изъявила желание девушка, одетая так же, как и все добровольцы, и вышла из строя.

— Товарищи! — робко произнесла Чеверева Лида, обращаясь к народу, — я иду по стопам моего родного брата Александра Чеверева, которого вы все хорошо знаете. Он сейчас в Уфе тоже формирует отряды. Может быть, где-то в боях я встречусь с ним. Мы верим вам, что о нас не забудете. Верьте и нам, что мы, сыны и дочери ваши, не пощадим своей жизни в бою за рабочее дело! В отряде немного женщин — Мария Лопатина, Мария Рубцова, Анастасия Уракова и я. Но мы клянемся вам, что ни одного воина из нашего отряда мы не оставим на поле боя!

Лида круто повернулась и вошла в шеренгу. Буря аплодисментов прокатилась в толпе. И чуть стихло — крикнул всем известный кузнец Мызгин:

— Прощайте, робятки! — его голос дрогнул. — Может тово… всяко бывает… Война-то она тово… — старый кузнец махнул рукой и закрыл глаза рукавом.

Командир отряда, поборов волнение, дал команду:

— Отряд, нале-во! С песней шагом… марш! Раз-два…

— Слушай, товарищ, — запели три звонких голоса, — война началася, бросай свое дело, в поход собирайся!

Красногвардейцы дружно подхватили:

— Смело мы в бой пойдем…

И полилась по поселку песня, волнуя сердца людей. Трещал снег от четкого шага гвардейцев.

* * *

В Уфе отряд получил приказ следовать на Оренбург, сохраняя свое боевое подразделение. Командиром назначили симского большевика, бывшего политкаторжанина Андрея Федоровича Салова. До Оренбурга отряду доехать не удалось. Враг встретился раньше. Отборные, испытанные в боях части Дутова теснили самарских, сызранских и других необученных красногвардейцев к станции Бузулук.

А там оказался сборный эшелон солдат, сбежавших с различных фронтов. В каждом вагоне этого эшелона был свой командир, не подчиняющийся другому.

Салов расположил свой отряд со стороны вокзала вдоль вагонов, приказал красногвардейцам держать на прицеле двери каждого вагона и в случае необходимости строчить из пулеметов

и винтовок.

Пассажиры, выглядывавшие из товарных вагонов, увидели, что от поезда ушел паровоз и на перроне появились вооруженные солдаты. На путь, отделяющий эшелон от перрона, вышел солдат с красной повязкой на левом рукаве. Он размахивал руками и кричал:

— Выходите из вагонов и слушайте меня!

В вагонах заспорили: не вылезать — стрелять будут, вылезать — как бы хуже не было. Большинство высказалось за то, чтобы послушать, что скажет этот горластый с красной повязкой.

Через несколько минут из вагонов вывалилась разношерстная масса: кто в сапогах и в фуфайке, кто в валенках и шапке, в рваных шинелях, в полушубках, с оружием и без оружия. Всякий сам себе командир. Грохоча котелками и чайниками, они сгрудились около вагонов.

— Слушайте все! — громко крикнул Салов. — Здесь идут бои рабочих и крестьян с буржуазными псами. Слышите? Дальше ехать нельзя!! И назад с оружием мы вас не отпустим! Выбирайте: или вы с нами за власть рабочих и крестьян, или вы за господ, против нас?! Или вы просто сдадите оружие и отправитесь отсюда ко всем чертям! Других путей нет! Даю на размышление пять минут!

Солдаты зашумели: «Будя, навоевались! Домой хочем! Лучше к чертям, чем воевать! Братцы, што же это такое — домой не пущают! Нет! Долой господ! Лучше смерть, чем господ защищать!» Гвалт нарастал. Прошла минута, вторая, третья… Салов крикнул: — Отряд!

Красногвардейцы звякнули затворами, прицелились, выкатили пулеметы вперед. Разом смолкла многоголосая толпа. Кто-то, крепко выругавшись, бросил винтовку и пошел к красногвардейцам. За ним последовал другой, еще и еще… У вагонов осталось меньшинство.

— Тем, кто не решился перейти к нам, приказываю: бросьте оружие и перейдите вон в те вагоны! — Салов указал на три товарных вагона, стоявших в стороне.

Меньшинство нерешившихся перешли в указанные вагоны. Красногвардейцы собрали оружие.

Грохот боя приближался. Враг, заметив удаление с позиции одного отряда, перешел в наступление.

— Товарищи! — обратился Салов к разоруженным солдатам, — если вы с нами, против помещиков и капиталистов, берите оружие и слушайте мою команду!

Воины увидели, что не уйти от войны, она перенеслась сюда — в родные края. Закипела кровь фронтовиков. Руки вновь

потянулись к оружию. Уж если биться, так вместе с народом. Бывалые солдаты вместе с симцами залегли вдоль железнодорожной насыпи. Казаки наткнулись на воинов, которые стреляли без промаха и не отступали ни на шаг. Через час к ним прибыло подкрепление из Уфы. Еще через час Салов получил новый приказ:

«Симскому отряду немедленно прибыть в распоряжение губштаба».

В Уфе губернский штаб Красной гвардии пополнил симский отряд добровольцами из Аши, Миньяра и срочно отправил в Бугульму. Командиром этого отряда назначил Лебедева, а Салова откомандировал в Сим для подготовки новых сил.

В Бугульме многие годы существовала школа юнкеров. Здесь были генералы и полковники, готовившие армейские кадры. Сюда после Октября приехали некоторые питомцы школы. Собрался «цвет» реакции. Этот «цвет» напал на городской Совет и расправился с большевиками. Лишь некоторым большевикам удалось бежать в Уфу.

Легкая победа вскружила головы мятежников. Удовлетворенные успехами, они устроили пир, гуляли день и всю ночь.

А ранним утром на станцию Бугульма прибыл поезд из семи пассажирских вагонов с потушенным светом. Из вагонов сначала вышло несколько человек. Они неожиданно появились в комнатах дежурного по станции, телеграфа, телефона и заняли выходы из вокзала. Через полчаса от вокзала в разные стороны разбежались группы красногвардейцев.

Лебедев рассредоточил свой отряд так, что красногвардейцы одновременно напали на все очаги мятежа.

Восстановив Советскую власть в Бугульме, отряд на другой же день ушел на вокзал. Тот же поезд из семи вагонов повез их в Уфу. За окнами вагонов мелькали постройки, перелески, снежные сугробы… Но красногвардейцы этого не видели. Они после боев впервые крепко спали.

Поезд шел без остановки до станции Дема. Здесь красногвардейцев ждал нарочный из губернского штаба. Он передал Лебедеву приказ: разоружить три эшелона солдат и казаков, задержанных на станции Уфа.

— Разоружить три эшелона нашими силами?! — с удивлением спросил Лебедев.

— Да. Штаб надеется на вас.

В полдень поезд приняла Уфа.

Пока паровоз расставлял вагоны, Лебедев сходил в штаб.

Вскоре он вышел на перрон, взмахнул красным флажком и выстрелил. В ту же минуту раскрылись окна и двери всех семи вагонов. Из них выставились дула пулеметов и винтовок. С другого конца эшелонов у западных стрелок заиграли сигнальные рожки. Где-то близко прогремел артиллерийский залп.

Задержанные солдаты и казаки увидели оцепление и услышали требование:

— Сдавайте оружие! Иначе будем стрелять. Если попытаетесь вырваться из оцепления, пустим в ход артиллерию!

Вдоль первого эшелона шел один Лебедев с двумя гранатами в руках. С обеих сторон второго и третьего эшелонов от западных стрелок шли боевики, вооруженные гранатами.

В первом и втором эшелонах оказались солдаты разных частей без общего командования. Они немедленно побросали винтовки, наганы, шашки и другое оружие. В третьем эшелоне были казаки. Они сопротивлялись — никто не выходил из вагонов и не сдавал оружия.

Тогда железнодорожники завели этот эшелон между вагонами, из которых торчали дула винтовок и пулеметов.

Лебедев приказал стрелять. Раздался винтовочный залп. Казаки, поняв, что с ними не шутят, сдали оружие.

Из трех эшелонов красногвардейцы взяли шестнадцать пулеметов, около двух тысяч винтовок, не менее шестисот сабель, столько же седел, больше сотни наганов, множество патронов и несколько ящиков с гранатами.

Симский отряд расположился на отдых в казармах бывшего мусульманского полка.

Между тем Чеверев вел свой отряд коммунистов к Верхне-Уральску. Отряд около трехсот испытанных воинов, среди которых были и верхнеуральцы, вышел из Белорецка в тот день, когда Дутов, удрав из Оренбурга, обосновался в Верхне-Уральске.

Темной мартовской ночью Чеверев привел свой отряд к берегам реки Урал. Деревянный город Верхне-Уральск в этот час крепко спал.

В предутренней мгле, когда еле обозначились очертания церквей, чеверевский отряд оторвался от кустов и бесшумно рассыпался по широким улицам города. Красногвардейцы с винтовками в руках и гранатами за поясами перебегали но одному от дома к дому ближе к месту расположения дутовского штаба, которое указали верхнеуральцы. Вдруг залаяла собака, скрипнули ворота в каком-то дворе, хлопнул одинокий выстрел, громыхнула граната. И сразу всполошился весь город: хлопали винтовочные выстрелы, визжали собаки, ржали кони… Казаки выскакивали в ночном белье, прыгали на неоседланных коней и

мчались по улицам.

— За мной! — покатился громовой голос красного командира. Урр-аа! — подхватили красногвардейцы.

Из ворот дома, к которому бежал Чеверев, вырвались два всадника. Чеверев трижды выстрелил. Один конь вздыбился, отчаянно прыгнул и помчался. Вторая лошадь покрутилась, стряхнула всадника и рухнула на землю. Чеверев подскочил к упавшему.

— Эх, не того сшиб! Этот раб спас своего господина! Э-эх, какого гада упустил! Гоните гадов в степь!

Дутовцы удирали к станице Краснинской.

Чеверев услышал громкое «ура» и увидел толпу с красным флагом. Это были верхнеуральские рабочие.

Но Дутов отступал недолго. Он не мог оставить свою базу в руках красных. И опять казаки пошли на Верхне-Уральск. Рассыпавшиеся всадники мчались к городу с трех сторон. Уже несколько часов продолжалась атака.

В цепи красных то там, то тут появлялась плечистая фигура Чеверева.

— Держитесь, товарищи, держитесь! Враг не вытерпит огня, отступит! — подбадривал он.

Но враг решил во что бы то ни стало взять город. Вот он стягивает в одно место всех всадников.

— Пулемет сюда! — приказал Чеверев и лег за пулемет сам. — Всем приготовиться к прицельной стрельбе! Сейчас казаки пойдут лавиной! Бейте их без промаха!

Прекратился треск, замерли стрелки. Лавина стремительно покатилась к центру красногвардейской обороны. Снежный вихрь кружился над конницей, блеснули обнаженные шашки. Но красногвардейцы не стреляли, подпускали казаков как можно ближе, чтобы бить без промаха. И только когда затрещал чеверевский пулемет, они открыли прицельный огонь. Кубарем перевернулось несколько казацких лошадей. Через упавших прыгали следующие. Перевертывались и они, но появлялись другие. Казалось, не будет конца этой орущей лавине. Но меткий огонь заставил дутовцев повернуть своих коней.

— Урр-аа! Атака отбита! — ликовали красногвардейцы. А Чеверев улыбался, вытирая вспотевший лоб.

— Товарищи! Приготовьтесь к новой атаке, — крикнул он, — гады еще попытаются!

Красногвардейцы воспользовались передышкой: запаслись патронами, гранатами, заняли более удобные позиции и вновь залегли. Местные рабочие и казачья беднота сформировали свою группу в помощь красногвардейцам. Однако дутовцев было

больше. Красные нуждались в подкреплении, и верхнеуральцы послали за ним своих людей в Белорецк и ближайшие села.

Казаки не замедлили возвратиться. Но наткнувшись на огненный шквал, они поворачивались, скрывались и вновь появлялись.

Пять атак отбили чеверевцы. Уже раскалились стволы винтовок и пулеметов, осталось мало патронов, а враг шестой раз пошел в атаку. Он обошел красногвардейцев глубоким рейдом и ударил с тыла, не прекращая наступления и с фронта.

Разорвалась красногвардейская цепь. Чеверев метался туда и сюда, увлекая боевиков своим мужеством и удивляя их находчивостью в решении самых сложных задач боя.

Вот уже в ход пущены гранаты. Первая цепь с фронта отшвырнула казацкую кавалерию. Стволы пулеметов и винтовок повернулись в противоположную сторону, срезая первых всадников, ворвавшихся в город с тыла.

Казаки уже предвкушали победу. Они дико орали: «Руби красную сволочь!» — лихо мчались все ближе и ближе к красногвардейцам. И погибли бы чеверевцы, не отстояв города, если бы на помощь не пришли верхнеуральцы с казацкой беднотой из Форштадта. Они ударили в спину дутовцам. Огонь с тыла вызвал замешательство в дутовских рядах. Они не выдержали натиска и бежали в станицу Краснинскую.

Освободители города залегли в цепи, ожидая седьмую атаку. Но Дутов не успел подготовиться к новой атаке, в Верхне-Уральск прибыли новые силы красных.

Чеверевцы с радостью встретили подкрепление. Смешались новые шинели с потрепанными тужурками и шубами. Заколыхались в ликующей толпе шлемы со звездами, шапки и папахи с красными лентами. Бойцы обнимались, целовались. В этот миг раздался крик:

— Саша!

К Чевереву бросилась женщина с красным крестом на рукаве и сумке.

— Лида!

Сестра встретилась с братом.

— Лида, Лида, хватит, дай и мне поцеловать нашего земляка.

Александр Михайлович Чеверев в 1918 году.

Чеверев поднял голову.

— Лебедев! Вот так встреча!

И «пошел по рукам» наш герой. Чеверева тискали со всех сторон. А он только восклицал: «Ураков! Горбунов! Тараканов! Масленников!», узнавая все новых и новых земляков. Но вот круг разомкнулся и перед Чеверевым встал одетый в форму со звездами и стрелами на рукавах, улыбающийся командир прибывшей части.

— Ба! Товарищ Кадомцев! — воскликнул Чеверев. — Я едва узнал тебя. Что за форма на тебе?

— Это форма командира Красной Армии, — ответил Михаил Кадомцев.

— Армии?! — удивился Чеверев.

— Да. Теперь, друг, не гвардия, а армия создается. В феврале наше правительство издало декрет о создании Красной Армии и ввело форму для нее. Вот я и оделся, да половину своей части

обмундировал. Всех-то не мог: не хватает пока.

Добровольцы чеверевского отряда с завистью осматривали форму красноармейцев.

Ночью Кадомцев повел объединенные силы в наступление.

В предрассветной мгле дутовцы заметили перебегающих красногвардейцев. А через несколько минут затрещали пулеметы.

Кадомцев приказал развернуться по фронту. В центре наступления оказался симский отряд.

Симцы попытались подползти к окопам врага и забросать его гранатами. Первый пополз Лебедев. Казаки открыли огонь по ползущим. Лебедев сунулся носом в подтаявший снег. По цепи пронеслось: «Ранен командир!»

Чеверева Лида бросилась к раненому.

— Лида, Уракова ко мне, — с трудом произнес Лебедев.

Через две минуты Ураков был около командира.

— Миша, прикажи отряду перейти в укрытие и командуй отрядом… Я… не могу, — сказал Лебедев.

…Не вынесли смертельного огня казаки, отступили. А над ними рвались и рвались шрапнели, пока кони не унесли ездоков за гору. Атака с тыла не удалась.

* * *

Комиссар Симского завода Осокин метался из угла в угол умовского кабинета.

Волнуясь, он говорил своему другу:

— Деловой Совет округа обязывает наш завод производить продукцию для сельского хозяйства. Дескать, это сейчас легче сбыть, чем военные повозки, которые завод изготовлял еще для царской армии. Кто, говорят, кроме вас, сможет изготовить такую продукцию? Аша? Она выплавляет чугун. Миньяр? Он катает железо, сырье для переделочных заводов. Вам и карты в руки.

— Ну и правильно! — вставил свое слово Немчинов.

— Правильно-то оно правильно, — с жаром заговорил Осокин, — но это производство требует увеличения рабочей силы. А у нас она убывает. В прошлом году отпустили военнопленных? Вот те сто человек ушли с завода. Нынче в январе против Дутова послали сто пятьдесят гвардейцев? Вот уже двести пятьдесят рабочих нет!

— Но на завод пришли новые люди, — возразил Немчинов.

— Да ты, Миша, пойми. Ведь и они у нас сейчас как бы временные!

— Это почему же?

— Как «почему?» А ты слыхал, что говорит Салов? Ведь он, как вернулся с каторги, каждый день твердит — «готовьтесь к бою». Ведь все рабочие и мы с тобой тоже каждый день по команде Салова ползаем по-пластунски, барахтаемся по-японски, колем штыком по мишеням и бьем прикладом по-русски. А для чего? Стало быть, для того, штобы в любую минуту быть готовым выступить против врага. Выступить, значит, оставить завод!

— Ну это же, Трофим Дмитриевич, на случай большой опасности.

— Так-то оно так, — продолжал Осокин. — А опасность-то нарастает. Не случайно созван Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Вот вернется наш делегат со съезда, что-то он нам скажет?

Вопрос о том, что сообщит делегат со съезда, волновал не только Осокина. Всех рабочих завода встревожил декрет Совета Народных Комиссаров, опубликованный в «Правде» 22 февраля. В нем прямо сказано, что социалистическое отечество в опасности. И о красногвардейцах, ушедших на дутовский фронт, ползут разные слухи. То говорят, что наши бьют, то будто наших бьют. На заводе во всех цехах ежедневно обсуждались эти вопросы. Тревога с каждым днем нарастала. Многие матери добровольцев обращались в Совет — «Скажите, где наши дети?» Председатель Совета Чевардин не знал, что ответить. Он уже готовился послать делегацию на фронт. И в тот момент, когда давал наказ делегатам, он услышал песню.

На главной улице поселка появилась колонна вооруженных солдат. Она четко отмеряла шаг за шагом по апрельскому ледку. Над колонной сверкали штыки. Легкий морозец уходящей зимы разрумянил радостные лица солдат.

— Наши, наши вернулись! — понеслось по улицам поселка. И за колонной солдат уже образовалась толпа радостно кричащих женщин и детей.

Возвратившихся добровольцев встретил у штаба Андрей Федорович Салов.

— Товарищ командир Симской Красной гвардии, — звонко воскликнул Ураков, вытянувшись перед Саловым, — докладываю вам, что вверенный мне отряд выполнил наказ симских рабочих, совместно с красногвардейцами других заводов мы разгромили дутовцев и по приказу губернского штаба возвратились домой до особого распоряжения!

Салов не мог ответить ни слова. Он обнял Уракова.

— Вольно! Можно разойтись! — приказал Ураков.

Красногвардейцев моментально поглотила пестрая толпа, поплывшая в разные стороны.

— А где же Лебедев? — спросил Салов.

— В Уфимском лазарете, — ответил Ураков, — с ним еще пятеро раненых, наших земляков, да пятнадцать человек оставил при себе командующий фронтом.

— Что, что я говорил, вернулись! — восторженно воскликнул Осокин, появившийся возле Салова. — Слышь, Андрей Федорович, сил-то на нашем заводе теперь прибавится!

Вечером во многих домах Сима гремела музыка, слышались песни, смех и дробный топот солдатских сапог.

* * *

В Сим возвратился из Москвы делегат четвертого Чрезвычайного съезда Советов Рындин Кузьма Васильевич. Он рассказал гражданам поселка как проходил и что решил съезд.

— Когда на съезде речь зашла о подписании договора с Германией о мире, — сказал Рындин, — поднялся такой галдеж, что вы и представить не можете. Вылезли на трибуну представители разных партий: и анархисты, и максималисты, и эсеры, и центровики, объединенцы и черт те знает еще какие-то партии, о каких я и не слыхал раньше. Одни орали, что наш ЦИК продал Россию, другие требовали объявить революционную войну немцам, третьи предлагали сложить оружие и воскресить Учредительное собрание. Нашлись даже такие, что нашего Ленина обозвали предателем революции.

Ну, товарищи, скажу вам прямо: многие из нас чуть было не бросились в драку. Но Свердлов сдержал бушующих делегатов. Однако крикуны не давали говорить даже Ленину. А он выступил и сказал так, что мне, например, стало сразу все понятно. А таких, как я, на съезде было большинство. Мы поняли, что все эти крикуны, нарядившиеся в форму разных партий, пусть как угодно называют этот мир: похабным, поганым, а мы его все же подпишем! Пусть болтуны, предлагающие объявить революционную войну, обзывают большевиков изменниками, но мы-то знаем, что должны идти на этот мир и на него пойдет вся сознательная трудовая Россия! Должны идти за тем, чтобы спасти завоевания революции! И мы утвердили мирный договор!

Кузьма Васильевич Рындин (фото 1919 г.).

Участники собрания, слушавшие своего делегата с большим вниманием, зааплодировали.

— Да здравствует Ленин! Даешь мир! — кричали в зале.

— Не меньший спор, товарищи, — продолжал Рындин, — разгорелся по вопросу о перенесении столицы из Петрограда в Москву. Когда докладчик сказал, что Петроград сейчас в стратегическом отношении находится в чрезвычайно критическом положении, с мест посыпались реплики: «Чемоданов не хватает!», «Мешочники!». Крики, шум, брань мешали докладчику. Председательствующий Свердлов еле успокоил зал. Но крикуны не унимались. Однако и по этому вопросу они потерпели поражение. Столица перенесена в Москву.

— Товарищи! Свердлов предупредил, что новая революционная война в защиту социалистического отечества может разразиться гораздо скорее, чем здесь мы можем предположить. Надо всем нам готовиться к бою с контрреволюцией!

Рындин закончил доклад. Собрание еще долго бурлило. Оно

решило мобилизовать всех мужчин в Симе от пятнадцати до пятидесяти лет для военной подготовки и зачислить в резерв для пополнения Красной Армии.

ВСТРЕЧА С КОРОНОВАННЫМ ПАЛАЧОМ

Уфимский штаб сформировал небольшой отряд из симцев, миньярцев, усть-катавцев под командой Борцова и передал его Яковлеву.

В Петрограде отряду предоставили специальный поезд с двадцатью орудиями, тремя броневыми автомашинами и отправили в Москву.

— У, как нам повезло! — радовались красногвардейцы.

В Москве Яковлев побывал в Кремле и возвратился сияющий.

— Ну, друзья, мы получили правительственное задание.

Заинтригованный отряд всю дорогу строил догадки: какое задание? Куда еще поедем?

На станции Уфа Яковлев приказал:

— Товарищ Борцов, сдайте вооружение в уфимский арсенал и отведите отряд в казармы на отдых до моего распоряжения. Товарищ Морин и товарищ Кузнецов, заберите вот этот мешок и пойдемте со мной в губштаб.

Уфимский штаб Красной гвардии размещался в здании бывшей семинарии. Сюда в час ночи и пришли Яковлев, Морин и Кузнецов. В одной из комнат они расположились на ночлег.

— Мешок-то бросьте под головы, товарищи. В нем деньги, большущая сумма! Завтра половину отдадим штабу, остальные заберем с собой.

— Куда?

— В Тобольск, товарищи.

— Зачем?

— Молчать умеете? Тогда слушайте. Правительство поручило нам перевезти из Тобольска в Москву царя и его свиту.

— Ну-у! — враз произнесли Морин и Кузнецов, — а почему он там?

— Туда его отправило Временное правительство Керенского в надежде на «лучшие времена», — ответил Яковлев. — Расчет прост: подальше от революционных центров и железной дороги, поближе к морским путям, по которым в крайнем случае можно сплавить царя за границу.

— Ишь ты! Как они его переправили в Тобольск? Неужели народ-то не знал?

— В том-то и дело, что тайно от народа. Отправили с почестями. С личной охраной, в которой подобраны георгиевские кавалеры. Более двухсот человек. Царь забрал с собой лакеев, камердинеров, поваров и поварят, заведующих погребом, кухонных служителей, официантов, прислугу, нянек,

гардеробщика, парикмахера — всех больше сорока человек. С ним поехали князьки Долгоруков, Татищев, графиня Гендрикова и прочая свита.

— Вот это орава!

— Вот именно. Посадили их в роскошные международные вагоны. На вагонах написали: «Японская миссия Красного Креста» и под японским флагом с бешеной скоростью умчали в Тюмень, а оттуда на пароходах в Тобольск.

— Ну и пусть живут там, пока народ их не повесил.

— В том-то и дело, что оставлять их там больше нельзя. Нашему правительству стало известно, что там собираются генералы, офицеры, жандармы, всякая контрреволюционная сволочь затем, чтобы освободить царя, его свиту и переправить в Англию.

— Вот оно что…

В Уфе Яковлева ожидал представитель Уральского Совета рабочих и крестьянских депутатов Голощекин. Он сообщил Яковлеву, что ВЦИК, после отъезда Яковлева из Москвы, распорядился доставить царя и его свиту в Екатеринбург и что в помощь Яковлеву Уралсовет посылает красногвардейские отряды Хохрякова, Заславского, Авдеева.

Через неделю из Уфы под командованием Чудинова отправился в далекий путь отряд особого назначения.

На первой остановке, за Тюменью, где отряд расположился на ночь и менял подводы, их догнали екатеринбургские красногвардейцы. В Тобольск приехали все вместе вечером.

Чтобы не вызвать переполоха появлением большого числа вооруженных, отряды остановились на окраине города. Яковлев и Чудинов взяли с собой только одного кавалериста для связи и отправились к месту расположения семьи Романовых. Их появление на охраняемой территории удивило начальника охраны:

— Откуда, кто вы?

— Разрешите представиться? — обратился Яковлев, вытянувшись перед полковником.

— Слушаю вас.

— Я уполномоченный Советского правительства из Москвы, а это мой помощник.

— Ваши документы?

— Пожалуйста, — Яковлев подал только свой документ.

— Зачем пожаловали?

— Правительство послало нас выдать вашей охране заработную плату. Вы, кажется, уже давно ее не получали?

— Да, уже шесть месяцев.

— Нам приказано выдать за все месяцы и дать возможность всей подчиненной охране отдохнуть.

— Это как же отдохнуть?

— Правительство считает, что вы нуждаетесь в подкреплении и потому командировало со мной отряд красногвардейцев. Они помогут вашей охране нести службу.

— Очень хорошо. Где ваш отряд?

— Прикажите отвести ему квартиры.

— Располагайтесь в задней половине губернаторского дома.

— Хорошо. Отряд сию минуту будет здесь. — Яковлев кивнул Чудинову. Он на минуту вышел и возвратился.

— Позвольте попросить вас еще об одной услуге? — спросил Яковлев.

— Пожалуйста.

— Прикажите вашей охране собраться завтра. Я информирую о цели приезда, чтобы не было недоразумений.

— Пожалуйста.

Утром собралось 230 императорских телохранителей. Все как один: молодец к молодцу — высокого роста, крепыши! К ним пришел Яковлев: побритый, подтянутый, в офицерской форме, с кавказской шашкой в серебре и револьвером в новой поблескивающей лаком кобуре. Он поздоровался с лейб-гвардейцами и сказал:

— Я прибыл из центра. Привез вам заработную плату за семь месяцев. Совнарком республики поручил мне ознакомиться с порядком охраны, с положением семьи Романовых и усилить охрану. Так как эти вопросы обсуждать на многолюдном собрании невозможно, то прошу вас для переговоров со мной избрать вами уважаемых представителей.

Охранники были удивлены названиями нового правительства и обрадованы щедрой оплатой их легкой службы. Они охотно выделили своих представителей.

Заработную плату немедленно выдали сотрудникам особых поручений. Яковлев собрал представителей охраны и заявил им:

— Наше правительство считает, что императору оставаться здесь опасно и потому приказано мне перевезти его со всей семьей и слугами в Москву немедленно. Но так как наступила распутица, апрельское солнце сгоняет последний снег, а до навигации по рекам еще долго, то придется некоторых оставить здесь до вскрытия рек. Вам, представителям охраны, предлагаю поехать с нами сейчас же.

Верноподданные охранники были ошеломлены предложением и вместе с тем обрадованы возможностью вырваться из осточертевшего Тобольска, напоминавшего ссылку,

а не службу. Они безропотно согласились поехать и обещали подготовить лейб-гвардейцев.

— Ну, слава любому аллаху, — с облегчением сказал Яковлев, проводив царских телохранителей. — Я больше всего боялся схватки с этими божьими рабами. Теперь дело за царской персоной. Ну ему-то я прикажу.

Николай Второй, бывший самодержец империи, вышел в гостиную в курточке военного покроя, в мягких туфлях, без головного убора. Невзрачный, низенький, белобрысый, с густыми рыжими усами, с одутловатым красным лицом и свинцовыми пустыми глазами, он вызвал у Яковлева улыбку.

— Что вам угодно? — подергивая плечом и пряча за борт руку, покрытую рыжеватым пушком, — спросил Николай Второй.

— Я уполномочен Советским правительством перевезти вас и вашу семью в Москву.

— В Москву?! — с удивлением переспросил бывший император.

— Да. И немедленно, — подтвердил Яковлев, рассчитывая на то, что переезд именно в Москву не вызовет никаких возражений.

— Я должен посоветоваться с Алисой. — Николай сослался на свою, жену Александру Федоровну.

— Пожалуйста, советуйтесь при мне.

Алиса, сморщив нос, высокомерно заявила:

— Я не могу пускать его одного. Когда будет это… О, да, отъезд?

— Сегодня ночью, — ответил Яковлев.

— Очшень тяжело сегодня. Нет навигации по рекам. И мой мальчик больной…

— Даю вам полчаса на размышление. Если не согласитесь ехать добровольно, буду вынужден применить силу. — Яковлев повернулся, намереваясь уйти.

— Позвольте! — крикнула Алиса, — куда ехать?

— В Москву.

— Ах, в Москву! Поедем! — без особого восторга сказала Алиса. — Но прошу оставить до навигации больного сына и прислугу с ним.

— Согласен оставить. Всех все равно сейчас по такой дороге не увезти. Решайте сами, кто с вами поедет, приготовьтесь к выезду.

На семейном совете Романовы решили, что с Николаем поедут жена, дочь Мария, доктор Боткин, князь Долгоруков, камердинер Чемодуров, горничная Демидова и слуга Седнев.

В Тобольске появилось много бывших офицеров и пошли слухи, что создано общество по спасению Романовых. Чтобы

предупредить нападение, Чудинов попросил губисполком выставить на ночь надежный караул от губернаторского дома до реки Иртыш.

Предложение Яковлева царю встревожило командира Екатеринбургского отряда Заславского, имевшего задание доставить царя в Екатеринбург. Он усомнился в поведении Яковлева и поспешил сообщить об этом в Екатеринбург Уралсовету. Яковлев узнал об этом и немедленно потребовал из Уфы полторы сотни кавалеристов под командой Гузакова.

В Уфе и Екатеринбурге срочно сформировали новые отряды и отправили в Тюмень.

В полночь с 25 на 26 апреля 1918 года в бывший губернаторский двор в Тобольске въехало пятнадцать троек, запряженных в тарантасы. В пути встретились с вызванным подкреплением.

Яковлев возложил командование всем эшелоном на Гузакова, а Чудинова назначил его помощником.

Загрохотали тарантасы и телеги, зацокали по грязи копыта лошадей, полетели от колес комья грязи. Только теперь впереди каждой тройки мчались всадники, а сзади и спереди «поезда» колыхались кавалерийские колонны. Яковлев с Гузаковым сели в тарантас Чудинова, а его посадили к царю.

Колесо швырнуло комок грязи за ворот шинели царю. Николай крякнул и вытащил его из-за ворота.

— В бытность вашу царем, — заметил Чудинов, — вам бы следовало здесь проложить железную дорогу. Ведь право же удобнее было бы ехать теперь в вагоне.

— Да, да, конечно, лучше… Романов замолчал, но, видимо, почувствовал неловкость и потому задал вопрос:

— Скажите, какое воинское училище окончил ваш командующий Яковлев?

— Насколько я знаю, он окончил только электротехническую школу во время эмиграции в Бельгии.

— Гм, да. А вы?

— А я каторжное.

Такого ответа, царь, вероятно, не ожидал и больше вопросов не задавал.

В Тюмень поезд на тройках примчался в полночь.

30 апреля экспресс прибыл в Екатеринбург. На перроне стояли цепи вооруженных красногвардейцев. Все выходы на вокзал и привокзальная площадь были переполнены народом, рвущимся к экспрессу. Сопровождавший отряд оцепил поезд с обеих сторон. Яковлев и Гузаков уехали в город.

Николай с дочерью выглядывали в окна. Алиса негодовала,

гнала их от окон. Толпа увидела Романовых в окнах и ринулась к вагонам. Красногвардейские цепи но устояли.

Чудинов пытался успокоить толпу:

— Граждане, не напирайте! В этих вагонах английская миссия! Царя здесь нет! Он в Тобольске!

— Шиш, не проведешь! — отвечали из толпы. — Давай сюда этого палача!

Чудинов приказал железнодорожной администрации пустить маневровый паровоз по пути, отделяющему толпу от экспресса и перевести поезд подальше от вокзала.

— У-у-у! — с перерывами ухал пришедший паровоз.

— Берегитесь, берегитесь! — кричали красногвардейцы, сдерживающие толпу.

Дрогнул и покатился экспресс. Толпа отстала. Поезд вышел к воинским платформам. Сюда же подкатились две легковые автомашины и одна грузовая. Вернулись Яковлев и Гузаков с представителями Екатеринбургского Совета. «Важных» пассажиров перевели в автомобили и увезли в город. Вместе с ними уехали Яковлев и Гузаков.

Пока Яковлев «передавал» царя, Чудинов разоружил лейб-гвардейцев приехавших с «экспрессом», и «передал» их екатеринбургским красногвардейцам.

Южноуральские рабочие доставили кровавого царя Николая екатеринбургским рабочим и покинули Екатеринбург. Чудинов с отрядом поехал в Уфу. Гузаков с Яковлевым уехали в Москву.

— Счастливого пути! — восклицали екатеринбургские красногвардейцы, провожая южноуральцев, — будьте уверены, товарищи, из наших рук царь не вырвется!

К ОРУЖИЮ!

Месяц прошел с того дня, как возвратились добровольцы с дутовского фронта. Вдруг на заводе вновь тревожно завыл гудок. Он опять оторвал от станков всех рабочих.

Командир Красной гвардии Салов объявил рабочим, что недобитый Дутов вновь появился под Оренбургом. Он в Тургайских степях собрал армию и сокрушает Советскую власть на своем пути.

— Губернский штаб просит от нас сотню красногвардейцев. Мы с партийным, профсоюзным, советским и заводским руководством, — говорил Салов, — решили послать 75 красногвардейцев, этого пока будет достаточно. Мы знаем, что добровольцев будет больше. Но, видимо, это не последний бой. Тогда еще позовем. Если вы не возражаете, мы назовем тех, кого назначили в этот отряд.

— Нет, не возражаем. Вызывайте любого. Мы все готовы, — единодушно ответили рабочие.

На другой день отряд уехал в Уфу. Не было митинга, как в первый раз, не слышалось и прощальных рыданий. На заводе все считали, что отряд скоро вернется: теперь-то с Дутовым, наверняка, покончат.

Но о судьбе отряда долго не было никаких известий. Это встревожило симцев. Они обратились в Совет, в профком, в партком с просьбой разузнать, где отряд, что с ним, почему долго не возвращается.

Партком запросил губком. Оттуда ответили:

> «Симский отряд геройски сражается с дутовцами, а о подробностях боев спросите вашего земляка Малькова. Он возвращается домой в связи с ранением».

Малькова ждал почти весь поселок. Когда он приехал, к его дому потянулась цепочка жаждущих узнать о судьбе родных.

Невесел был рассказ Малькова.

— Весь наш сводный отряд отправили в Оренбург на подводах под командованием фронтовика Калмыкова. Там нас разместили в здании бывшей семинарии. Вот тут я впервые увидел много крови. Полы, постель, подушки — все было в крови. Оказывается, за два дня до нашего прихода в это здание ночью ворвались дутовцы и вырезали группу красногвардейцев.

— Всех?! — с ужасом спросили слушатели.

— Да, всех. Дутовцы выкалывают пленным глаза, отрезают

языки, половые органы.

Мы, например, на станции Сырт, это недалеко от Оренбурга, видели замученную женщину. Бандиты посадили ее на кол.

Дутовцы сожгли станционную водокачку, разворочали железнодорожные пути, перебили железнодорожную администрацию и принялись за население, да мы помешали. Удрали бандиты.

— Как там теперь? — спросил Сулимов.

— В Уфе слыхал, что от Донгузской прогнали дутовцев. Но на других участках идут упорные бои. Ходят слухи, будто контрреволюция поднялась по всей стране. Так что, бабоньки, — Мальков обратился к женщинам, — наши нескоро вернутся домой.

Рассказ раненого красногвардейца взволновал весь Сим. Каждый слышавший передавал его по-своему, особенно о зверствах дутовцев.

Шептуны воспользовались слухами и повели проповедь «непротивления злу», «советовали» не ввязываться в войну, дескать, все образуется само собой. Придут хозяева, установят свой порядок. Так было испокон веков, так и будет.

На заводе разгорелись споры. Одни доказывали, что надо немедленно всем выступить против контрреволюции, хотя бы для этого потребовалось даже закрыть завод. Другие говорили, что пусть в каждом городе, заводе, поселке и в каждой деревне сами наведут порядок. Это мнение особенно поддерживали шептуны Девкин и Жеребин. Они не выступали открыто, а только «по секрету» высказывали свое «мнение». Наибольшую активность развил умовский личный секретарь Василий Дмитриевич. Он появлялся всюду, где возникал спор.

Однажды в разгар такого спора тревожно завыл гудок. Рабочие ринулись к месту сбора.

На трибуне председатель Совета, председатель парткома и комиссар завода.

— Товарищи, — говорил председатель партийного комитета Рындин, — революция в опасности! Только что получено известие о том, что в Челябинске против Советов выступил чехословацкий корпус. Этих чехов, как военнопленных, наше правительство отпустило на Родину, позволило им выехать через Владивосток. И вот, видимо, контрреволюция снюхалась с этими чехами, вооружила их и бросила против Советов. Мы получили телеграмму из штаба Урало-Оренбургского фронта. Комиссар фронта наш Гузаков просит послать в Самару 200 красногвардейцев. Видимо, и там неблагополучно. Надо, товарищи, скорее идти на выручку.

Утром около штаба образовалась очередь добровольцев. Пришли, главным образом, молодые рабочие. Среди них и стрелки, и пулеметчики, и бомбисты, и артиллеристы — воины всех родов оружия. Штаб сформировал два отряда: в Самару под командой Василия Лавровича Соколова, который выздоровел после ранения в первом сражении на станции Симской, и в Миасс, присоединив его к отряду миньярцев.

* * *

Комиссар завода Осокин обратился с призывом ко всем старикам Сима.

Старички, которые копошились в своем домашнем хозяйстве, все пришли к комиссару.

— Принимай, Трофим Дмитрич!

Комиссар с особым почтением встречал их:

— Милые вы мои, работнички. Вам не привыкать к тяжелому заводскому труду. Всю жизнь гнули спины на господ. Теперь поработайте на себя и за своих защитников.

«Работнички» трудились самоотверженно, только требовали информировать их о положении в стране каждый день. Партком организовал для них ежедневную читку газет.

— Это хорошо, но вы нам рассказывайте о наших сынках. Где они, как воюют? — требовали отцы и деды.

Рассказывать о сынках было не так уж просто. Сведений из отрядов не поступало, а газеты пока не называли имен земляков. Однако в первый же месяц парткому удалось узнать о положении на Миасском фронте. В Сим приехал член парткома Булыкин. Его командировал комиссар Коковихин за продовольствием. «Поезжай, говорит, на симскую базу, — рассказывал Булыкин, — там ты достанешь все, что надо. А то здесь в казацких деревнях около Миасса мужики все попрятали, ждут перемен».

— Ну и как же вы решили? — спрашивал Рындин.

— А я уже отправил три вагона печеного хлеба. Собрал в Ерале, Муратовке и Серпиевке. Получу еще с нашего склада некоторые продукты и поеду обратно.

— А положение-то как там?

— Да, положение-то друг, сурьезное. Оказывается густая каша заварилась. Чехи-то не одни. Все буржуи и кулаки с ними. Слышь, в Омске то же самое произошло, што и в Челябинске. Наше командование сказывает, что и в Самаре началась заваруха. Пока под Миассом боев еще не было. Вернусь, наверное, в самый разгар.

Вестник с Миасского фронта получил продукты и уехал, а вскоре события заставили всех симцев взяться за оружие. В Сим из Кропачево примчался железнодорожный рабочий Сорокин.

— Василий Андреич, беда! — еще с порога крикнул Сорокин.

— Что случилось, Семен Андреич? — спросил Чевардин.

— Мясегутовское кулачье подняло башкир, напали на станцию Кропачево. Перехватили железную дорогу. Башкиры на телеграфе приказывали телеграфисту: «Тыкай, тыкай, да калякай, мы айда Сюм сай пить. Уфа — обидать».

Чевардин схватился за телефон:

— Кузьма Васильевич, боевая тревога, поднимай народ. Алло, Трофим Дмитрич, гуди тревогу.

Снова завыл заводской гудок, вызывая тревогу у каждого жителя Сима. Теперь к месту сбора бежали мужчины уже не только из цехов, но и из поселка. Их встретили комиссар завода, председатель Совета, председатель парткома и гонец из Кропачево.

— Товарищи, все к оружию! Оставить завод! — крикнул Осокин. — Мясегутовские кулаки хотят ударить ножом в спину нашим защитникам. Они перерезали железную дорогу в Кропачево. Вот, товарищ, нам хорошо знакомый кропачевский рабочий, привез это известие. — Комиссар указал на Сорокина. — Бандиты хотят напасть и на нас. Медлить нельзя. Вооружайтесь все, кто способен носить оружие, собирайтесь по своим подразделениям к штабу. Нужно немедленно выступить. К оружию, товарищи, к оружию!

Рабочие ринулись за оружием. Через пятнадцать минут они собрались в полной боевой готовности. Наводчик Масленников со своими артиллеристами выкатили трехдюймовку на четырех заводских лошадях. Отличным пулеметчик Норкин снабдил «Максима» водой. На узкоколейку выкатились маленькие платформы.

— По платформам! — приказал Осокин.

В Симе остались только женщины с детьми, да старики, не считая попрятавшихся шептунов.

На станции Симской встретились отряды из Миньяра и Аши, примчавшиеся на поезде. Соорудили «броневик», уложили на две платформы мешки с песком. Замаскировали два пулемета и стрелков. Сзади подошел паровоз и двинул «броневик» на Кропачево. Вслед за ним вышел поезд с пехотой и пушкой.

Приблизившись к Кропачево, паровоз пустил пар и, не сбавляя хода, влетел на станцию. Пулеметчики из «броневика» прошили все ближайшие здания.

Внезапный налет ошеломил повстанцев. Они бросились в

западную сторону от станции, намереваясь отрезать отступление дерзкому «броневику». Но в этот момент подошел поезд с пехотой и артиллерией. Красногвардейцы быстро высыпали из вагонов и сняли с платформы трехдюймовку.

Повстанцы, как саранча, полетели в ближайший березник. Бах-трах! Бах-трах! — понеслось по всем холмам и лощинам Кропачевского поселка. Тра-та-та-та — говорили пулеметы. Восемь орудийных выстрелов шрапнелью, несколько пулеметных очередей очистили березник.

На станции ликовали освобожденные советские и партийные работники, которых красногвардейцы выпустили из тюремных вагонов.

Бандиты скрылись за деревней Муратовкой. Там, окопавшись на венце Илекской горы, покрытой мелким кустарником, повстанцы открыли беспорядочную стрельбу из ружей и винтовок по наступающим красногвардейцам.

Трехдюймовка опять послала гостинец в стан врага. На укрепления противника посыпалась шрапнель. Над окопами образовалось странное облако. Оно рассыпалось, опускаясь в кустарник, словно липовый цвет.

Частые разрывы шрапнели и меткие пули красногвардейских пулеметчиков парализовали нахальных, но неопытных вояк, собранных мясегутовским кулачеством. Они покинули гору, оставив раненых и умирающих. В окопах и кустах валялись пики, ружья, лопаты, топоры, потники и подушки, заменявшие седла. От этих-то пуховых подушек и образовалось странное облако над окопами. Бандиты убежали в Илек, но не задержались и здесь. Красногвардейцы вошли сюда около семи часов вечера. На улице — ни души. Только коровы мычали, слоняясь от двора к двору. Красногвардейцы устремились в Ильтайкино. Только приблизились к реке, упал один боец, затем второй, над головами засвистели пули.

— Откуда стреляют? Деревня на порядочном расстоянии. Очевидно, с мечети. Там пулей не скоро найдешь стреляющего, придется поискать снарядом, — решил наводчик Масленников и приказал: «Батарея, по мечети (он назвал координаты) картечью… огонь!»

Грохнул один, второй выстрел, и мечеть развалилась. Стрельба из деревни прекратилась. К утру в Ильтайкино и в ближайшем селе Илек не осталось ни одного повстанца. Путь в Мясегутово и в Киги был расчищен.

На помощь симцам, миньярцам и ашинцам пришли златоустовские кавалеристы под командой Юрьева. Они пустились в погоню за остатками банды, которая уже разбегалась

по своим деревням. А симцы возвратились в Кропачево.

Выяснилось, что центром восстания было село Киги. Организовали восстание офицер Малиновский, башкирские муллы и илецкий поп. Они собрали до тысячи человек, большей частью башкир. Банда называлась «черной галкой».

* * *

На станции Кропачево победителей встретил Соколов с тридцатью красногвардейцами.

— Ба! Василий Лаврович! Какими судьбами здесь? — воскликнул Осокин.

— К вам на помощь. Гузаков послал. А вы, кажется, уже управились?

— Да. Ну, рассказывай, как вы?

— Наш отряд в Самаре разделили на три группы, — ответил Соколов, — мою группу оставили при штабе, вторую группу, во главе с Мясниковым Иваном Павловичем, влили в кавалерию, которой командует Михаил Кадомцев. Третью, во главе с Опариным Александром Михайловичем, послали на перевозку золота.

Командир красногвардейского отряда Соколов Василии Лаврович.

— Золота?

— Откуда, куда?

— Ну, об этом я потом расскажу. А сейчас вон уже поезд подвели для нас.

Эшелон с песнями покатился на станцию Симская. В вагонах бурно обсуждали события. Около Соколова собралось много слушателей.

— Василий Лаврович, а што о золоте-то ты хотел рассказать?

— О золоте? А, да… В Самаре был государственный банк, в котором, говорят, хранилось шестьдесят миллионов рублей золотых монет и тридцать миллионов рублей кредитных билетов. Наше правительство приказало перевезти этот золотой запас из Самары в Казань.

Штаб и послал на это дело симских красногвардейцев под командой Александра Михайловича Опарина.

— Какой штаб, Василий Лаврович?

— Штаб? А-а, я не сказал вам. 30 мая в Самаре создан военно-революционный штаб в составе Куйбышева, нашего Гузакова Петра Васильевича и известного вам Михаила Кадомцева. Они и организовали оборону Самары.

— Понятно. Рассказывай дальше, — торопил Осокин.

— На третий день пребывания в Самаре наши земляки приступили к выгрузке золота из банка.

— Сами понимаете, дело это не шуточное. Надо сохранить огромное богатство страны. А пора неспокойная. К Самаре подступают чехи. В Самаре шныряют всякие эсеры, буржуйские слуги, лазутчики. Да чего греха таить, падких на золото немало. Так вот, сберечь золото и перевезти в более надежное место и доверили нашим землякам. Самарский ревком назначил в помощь тридцать надежных красногвардейцев во главе с комиссаром Митрофановым.

Отряд очистил улицу от народа и расставил охрану от банка до самой пристани. В полдень начали выгружать золото. И только перенесли несколько мешков в грузовую машину, на улице послышался галдеж.

Опарин выскочил. Видит, на улице большое скопление народа с иконами. Впереди попы, с крестами на шее, поют. Наши стрелки повернули штыки, пулеметчики Морин и Кузнецов выкатили пулеметы, преградили путь толпе. Опарин крикнул: — Назад! А попы в ответ: — Богохульники! Не мешайте священному шествию! А сами прут ближе к банку. Тогда Опарин скомандовал: «Огонь!»

— Это по народу-то?! — удивился Осокин.

— Какой это народ? Разве не ясно, что бандюги собрались. Они прут с иконами, а сами думают: как бы под шумок золото хапнуть.

— В самом деле стреляли по толпе?

— Нет. Одним залпом в воздух обошлось. Попы поверили, что по ним стреляют, стриганули назад, и в стороны, а «народ» — за ними побежал.

— Ах-ха-ха-ха! — значит, поверили бандюги?

— Ну и дальше?

— Дальше. Перевезли золото на пристань. Погрузили на пароход «Фельдмаршал Суворов» и 60 человек с винтовками да пулеметами отчалили с золотом по матушке по Волге. Недалеко от Симбирска «Фельдмаршала» догнал пассажирский «1812-й». Он тоже из Самары шел в Казань. Наши замедлили ход, пропустили вперед пассажиров, приотстали верст на восемь и поплыли дальше. Вдруг навстречу выкатил катер, а на нем человек пятьдесят. Все с винтовками и пулеметы на

«Фельдмаршала» смотрят. Опарин командует: — К бою приготовиться! И быть бы беде, да на катере сообразили: подняли красный флаг. Наши тоже это сделали. Сблизились.

— В вас стреляли у пристани Сегали? — спрашивают с катера.

— Стреляли, — отвечают наши.

— Ну, тогда все ясно. Вас приняли за чехов и нас предупредили. Можете ехать.

В Казани наших уже ждали. Совет выставил охрану вдоль трамвайной линии, по которой пришлось перевозить золото. От парохода до трамвайных вагонов было около 150 метров. Наши выстроились цепочкой и передавали друг другу драгоценный груз. За день все золото перевезли в казанское хранилище.

На обратном пути наших остановили в Симбирске, говорят: — Вылезайте, и дальше, куда вам надо, следуйте поездом. Самару уже заняли чехи.

— Вы сдали Самару?! — зло крикнул Осокин.

— Сдали… Ее у нас отняли! — сердито ответил Соколов.

— Н-да-а… — тяжело вздохнув, произнес Осокин, — положение-то друзья, тяжкое.

В это время поезд встал. Приехали.

СКРЫЛИСЬ В ЛЕСУ

Известие о том, что чехи заняли Самару, всполошило все население Сима. Партком экстренно созвал актив.

— Докладывай, Василий Лаврович, — предложил Рындин.

— Товарищи, — волнуясь, начал Соколов. — Самара пала. Положение на фронте тяжелое. Чехи рвутся к Уфе. Я приехал из Бугульмы. Там остался наш штаб и наши красногвардейцы-земляки. Гузаков приказал нам эвакуировать из Сима оружие, снаряжение и продовольствие, находящееся здесь на базе.

— Есть сведения о том, что наши отступили из-под Миасса, — сказал Рындин. — Сейчас бои идут уже в Златоусте. Растет угроза и с Востока и с Запада. Мы окружены. Эвакуировать базу уже поздно. Нам придется бороться в тылу врага. Какие будут предложения?

— Раздать населению продовольствие и обмундирование, — предложил Чевардин.

— Спрятать в лесу орудия и снаряды, — рекомендовал Осокин.

— А я считаю, — заявил Садов Илья, — что часть оружия надо передать на хранение надежным рабочим, остальное скрыть в лесу.

На другой день Чевардин собрал граждан поселка и объявил им:

— Граждане, Совет решил раздать вам продовольствие и обмундирование, хранящееся на нашей базе. Берите бесплатно, кто сколько хочет, но с таким расчетом, чтобы когда мы попросим, вы могли бы помочь нам.

Народ в недоумении молчал. Так молча и разошлись. Однако через час у складов образовалась очередь: брали мешками, ящиками, тюками и штучно. Мужчины, женщины, ребятишки, точно муравьи, цепочкой собрались в одну кучу и расползались в разные стороны.

Ночами прятали оружие в надежное место.

Из поселка потянулись подводы на запад, юг и восток. В лесах, далеко от поселка, завизжали пилы, затукали топоры, повалились ели и сосны. Под густыми хвоями симцы скрывали пушки, снаряды и пулеметы. В горных пещерах укрывали ящики с патронами и гранатами.

…Еще раз в неурочное время прогудел тревожный гудок завода. Собрались угрюмые рабочие.

— Товарищи! — обратился к рабочим Чевардин, — сегодня мы побеждены. Но верьте, ваша власть вернется. Мы, большевики,

покидаем завод, но мы возвратимся победителями и навсегда! Среди вас ползут слухи о том, что зря мы ввязались в войну с чехами. Дескать, пропустили бы военнопленных на Восток и войны не было бы. Это наглая ложь! Наша власть их не держала и не ввязывалась в бой с ними. Они, как бандиты, напали на Советскую власть. За спиною чехов орудует контрреволюция! Сегодня на их стороне сила. Завтра она будет на нашей! Верьте этому и всеми средствами способствуйте большевикам расправиться с контрреволюцией. Мы не зовем вас сегодня к оружию. Мы окружены и малочисленны в сравнении с армией, напавшей на нас. Поэтому мы советуем вам, остающимся в поселке, открыто в бой с чехами не вступать, беречь своих людей, работать и скрывать на заводе всех и все, что потребуется для будущей победы. Прощайте, товарищи!

— Товарищи! — крикнул Осокин. — Я покидаю завод. Кто будет управлять им, я не знаю. Но кто бы ни управлял, помните, завод ваш! Он будет возвращен вам! Берегите его! И если эти бандиты, когда побегут, попытаются увезти оборудование, не давайте! Прощайте, товарищи!

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ГУДОК

…Утром застонал гудок. Он как бы сочувствовал каждому рабочему, нехотя собирающемуся на завод. Со всех улиц побрели к заводу хмурые рабочие. Они приветствовали друг друга молча. «О чем говорить? Посмотрим, что будет».

Главный инженер завода Фирсов созвал мастеров.

— Я должен объявить вам, господа, что мы на заводе пока не меняем порядок, установленный совдепами. Пусть рабочие успокоятся, да и мне еще неизвестно, кто нас будет финансировать. В ближайшее время все выяснится и я объявлю вам особо.

Во всех цехах началась обычная производственная жизнь. Только действовал не каждый станок: не хватало рабочих рук.

Заведующие цехами проверяли наличие рабочих, отмечая в списках отсутствующих.

— Ты бы, Василий Андреич, не вычеркивал из списков-то, — советовали рабочие заведующему литейным цехом Булыкину, — придут еще люди-то, а то потом тебе же труднее будет их оформить.

— И то верно, — согласился Булыкин.

В механическом цехе рабочие тоже убеждали заведующего цехом Китаева.

— Александр Васильевич, будем работать за двоих, а зарплату выплачивай всем.

Этот негласный договор рабочих с заведующими цехов помог многим красногвардейцам. Они тайно по одному вернулись на завод, делая вид, что и не покидали его. Заведующие цехами теперь сами беспокоились о безопасности вернувшихся.

Каждый день по улицам маршировали чехи, но никого не обижали. Купцы развернули бойкую торговлю, извлекая спрятанные запасы. Священник участил благослужение. Увеличилось число прихожан, среди которых было немало разведчиков из лесу и ближайших деревень.

В один из солнечных дней в сторону железнодорожной станции ушли две роты чехов.

Многие доверчивые «беглецы» решили, что опасность миновала, возвратились домой. Между тем чешское командование, оставшееся с минимумом своих солдат, сформировало местные органы власти. Комендантом Сима назначили поручика царской армии, сына симской купчихи Изместьева. Начальником белогвардейской дружины выдвинули бывшего офицера царской армии Базунова. Он подобрал себе в

помощники офицера Рокутова и фельдфебеля Жеребина. Эта троица вовлекла в дружину отъявленных молодчиков. Духовным наставником в этой дружине назвался эсер Девкин. Земскую управу возглавил Мартынов.

— Ви, пане, моцна управляйт один, — объявил местной власти чешский офицер.

— Господин офицер, помогите нам, пожалуйста, очистить поселок от оставшихся большевиков, — попросил Базунов.

…Ранним утром дружинники с чехами ворвались в дома бывших командиров Красной гвардии. Застали Тараканова Василия Степановича и Лидию Михайловну Чевереву.

— Прихватить еще жену Соколова, — приказал Базунов.

Арестованных привели в умовский дом. Чехи ушли, а за «дело» принялись Базунов с Жеребиным.

— Ну-с, Василий Степанович, расскажи-ка нам, чему ты обучал красногвардейцев и как разоружал казаков на станции Симской?

— Вам это известно и разговаривать мне с вами не о чем, — ответил Тараканов.

— А может быть, все-таки поговоришь? — Жеребин подошел вплотную к Тараканову и ударил его кулаком по уху. Василий Степанович пошатнулся, но в ту же секунду ударил своего мучителя в живот. Жеребин упал, ударившись об стол. Подскочил Базунов и стукнул Тараканова рукояткой нагана по шее. Тараканов упал, свалив два стула. На стук прибежали дружинники.

— Связать, увести! — заорал Базунов.

Тараканова вытащили. В комнату втолкнули Чевереву.

— А-а! Сестра милосердия и сестра красного командира! Присаживайтесь, пожалуйста, — Жеребин подставил стул.

— Что же вы не присядете? У нас разговор длинный, как бы вы не устали, — издевался Базунов, — скажите нам, почему вы остались, не ушли с красными?

— Это мое дело, — ответила Лида.

— Где находится ваш брат?

— Не знаю.

— А может, скажете из милосердия, — обратился Жеребин.

— Не знаю.

— Вы не хотите отвечать нам? Молчите. Может, желаете услужить чехам? Они давно не встречались с женщинами…

— Нахал! — крикнула Лида.

— Утрись, красотка! — Жеребин ударил девушку в нос.

Лида пошатнулась и закрыла лицо руками, сдерживая хлынувшую кровь.

— Увести! — крикнул Базунов.

Два дюжих дружинника увели Чевереву.

— Ну, что, Иваныч, допросим еще Соколову?

— Давай уж заодним, — ответил Жеребин.

В комнату ввели беременную женщину. Она без приглашения села на стул, вытирая пот, выступивший на лбу.

— Где твой муж? — спросил Базунов.

— Не знаю, — ответила Мария Васильевна.

— Отвечай, когда спрашивают! — рявкнул Жеребин, стукнув кулаком по столу.

— Што вы орете? — вздрогнув, спросила Соколова.

— Будешь отвечать, или нет, сука?

— Подлец! — ответила Соколова.

— Я тебе покажу подлеца! — Жеребин взмахнул плетью.

Соколова ахнула и закричала, обхватив обеими руками свой большой живот.

В комнату вбежал чешский офицер.

— Одставити, добытек мицера! Немаш право, несмиш то делат! — крикнул офицер, что значит — отставить, скоты! Не имеешь права, не смеешь этого делать!

Он подхватил Соколову под руки, усаживая на стул.

— Пани плехо?

— В больницу, — с трудом произнесла Соколова.

Чех приказал солдатам унести и отвезти женщину в больницу.

Растерявшиеся Базунов и Жеребин стояли перед чешским офицером, не решаясь открыть рот.

— Як ви смейт издивайтис беременная пани? Кде ваши гуманность?! — офицер кричал, ударяя плетью по своему голенищу. — Я отнимать ваши арестовать и отправляйт штаб!

На другой день Чевереву и Тараканова с конвоем отправили в Ашу, а о Соколовой сообщили из больницы, что она родила.

Слух об аресте троих разнесся за пределы поселка.

Лидия Михайловна Чеверева (фото 1917 г.).

— Я должен пойти. Бандиты забрали беременную жену. Надо выручать, — говорил Соколов — командир самой большой группы, скрывшейся в лесу.

— Нет, товарищ командир, тебе нельзя. Надо послать в разведку менее заметных товарищей, — возразили партизаны.

— Позвольте мне пойти, — заявил Булыкин Евграф, — мой отец живет около Доменной горы. К дому можно подойти лесом. Никто не заметит, как проберусь к отцу.

— Правильно, — поддержали товарищи. — Евграф заодним

достанет медикаментов у знакомого врача.

— Пусть будет по-вашему, — согласился Соколов, — иди Евграф Иванович. Оружие оставь здесь. Два товарища проводят тебя до поселка и останутся на горе для наблюдения за событиями.

Булыкин ушел ночью. На Доменной горе он расстался с сопровождающими и осторожно переходя от дерева к дереву, спустился к дому отца.

Тишина. Только чуть слышно шепчутся сосны на горе. Тает короткая летняя ночь. Вокруг дома никого. Евграф вошел в огород и никем не замеченный пробрался во двор отцовского дома.

На другой день, после прихода Булыкина домой, взвыл заводской гудок. Он ревел так же, как когда-то, созывая боевиков. Наблюдателей так и подмывало ринуться с Доменной горы к месту сбора, но сдерживал долг разведчика. На заводе заметались люди. На улицах поселка появились бегущие в сторону церкви.

Вскоре пестрая толпа потекла с площади в разные стороны. Разведчики заметили человека, лезущего в гору. Он с ловкостью обезьяны хватался за ветки деревьев, перебегая от дерева к дереву и лез все выше и выше.

— Смотри, смотри это же Чертов Ванька. Чего ему здесь надо? Остановим?

— Эй, Ванька, иди сюда!

Юноша остановился, признал земляков и, торопясь, подошел к ним.

— Я к вам. Евграф Иванович послал.

— Что случилось, рассказывай.

— Дружинники с чехами по гудку собрали народ на площади. Многие думали, што власть переменилась, коли опять, как раньше, гудит гудок, ну и прибежали. А они окружили всех, выставили пулеметы, и Базунов потребовал сдать оружие. Ежели, говорит, не сдадите добровольно, мы все равно найдем, тогда вам худо будет.

— А народ што?

— Народ молчит. Базунов кричит: «Кто здесь большевики и бывшие красногвардейцы?! Выходи! Добровольно явившихся пощадим. А тех, кто укрывается, все равно найдем!» Тут меня сзади кто-то легонько толкнул. Я обернулся, вижу — Евграф. Он подтянул меня к себе и тихонько говорит: «Сейчас начнется облава. Мне не уйти. Мы окружены. Как только народ будет расходиться, беги на Доменную, встретишь наших, передай все, што видел. Еще скажи, што Марья родила дочь. Теперь ее не тревожат. Лекарство не получил». Вот все, што он сказал. И

только мы разошлись, его схватили. Дружинники шныряли в толпе и поймали человек пять-шесть. Я видел, как повели Евграфа Иваныча, Дрожникова Николая, Трусова Николая, Буслаева Федора и Куренкова Павла.

— Куда повели?

— В умовский дом, а дальше не знаю. Когда их увели, тогда пулеметы убрали и народ отпустили. Все разбежались кто куда, а я вот сюда.

— Спасибо, Иван, приходи сюда всякий раз, когда надо што-нибудь передать. А пока до свидания!

Не зная о случившемся, разведчик из Широкого дола, где скрывалась вторая группа партизан, пришел в поселок после облавы. Он, прежде всего, поспешил к Разуваеву. Время было вечернее. Разуваев оказался дома.

— Боже мой, — воскликнул Разуваев, — за ним охотятся, а он разгуливает.

— За мной никто не следил, когда я шел к тебе, а дома я еще не был. Не волнуйся. Рассказывай обо всем, — ответил Чевардин.

Разуваев сообщил о предательском гудке, об аресте Булыкина и других.

— Где арестованные?!

— Говорят, что сегодня их отправили в Уфу. Вчера и прочитал телеграмму, адресованную Базунову из Аши. Сообщают, что расстреляли Чевереву и Тараканова.

— Ох, сволочи! — выругался Чевардин. — Ну, это им даром не пройдет. Послушай, Евстигнеич, к тебе стекаются все сведения. Будь и дальше нашим другом, информируй нас обо всем, что тебе удастся узнать из донесений, телеграмм и газет. Я буду навещать тебя от случая к случаю. Не беспокойся, не подведу. Если же меня схватят, то придет человек с паролем. Больше никому не доверяй. Согласен?

— Согласен.

— Спасибо, друг. Ну, а сейчас хоть коротко расскажи, о чем пишут в газетах?

— Судя по газетам, образованы Временные правительства в Самаре, Омске и Екатеринбурге. Вот посмотри постановление Временного Сибирского правительства. Разуваев подал газету.

Чевардин быстро просмотрел начало и прочел вслух:

— «Советы закрываются. Образование новых Советов воспрещается. Образование профессиональных организаций, не преследующих политических целей, не подвергается никаким ограничениям». Так, так, профсоюзы вне политики — «без ограничений» значит.

— А теперь вот возьми Декларацию Временного

правительства Урала. Она длинная, но ты прочти хоть начало и конец.

— Хорошо. Читаю.

> «Гибнувшая родина начинает воскресать. Наступает пора для России восстановить свою мощь и, отбросив позорный Брестский мир, заключенный большевиками, стать бок о бок с союзниками, свято исполняя взаимные обязательства…»

— Вот подлецы! «Отбросив мир», хотят продолжить войну с немцами. А што обещают? — «…скорейшие выборы в Уральскую областную думу… созыв Всероссийского Учредительного собрания — единственного хозяина земли русской». — Гм, «хозяина земли русской!» Евстигнеич, отдай, пожалуйста, эту газету и Декларацию мне.

— Пожалуйста, возьми. Они не запретные.

* * *

Дружинники радовались первому «улову».

— Всех соберем, — говорил Базунов, — найдем и оружие. Я сам видел, как они ночью увозили его в лес. Надо бы поискать. Но пока рискованно, одним нам не справиться, а чехи завтра уходят.

— Посмотрим, как себя поведут большевики. Если что, так нам дадут подкрепление, — сказал Рокутов.

— Послушайте, — крикнул вбежавший Жеребин, — в дом Чевардина кто-то сейчас вошел. Похоже, что сам председатель Совдепа. Надо нагрянуть.

— Не торопись. Зашел, значит, до утра. Сонного захватим, — ответил Базунов.

Чевардин, убедившись, что за ним не следят, вошел в свой дом.

— Вася, как же ты так?! — испуганно вскрикнула жена.

— Не беспокойся, дорогая, меня никто но видел. Я утречком уйду. На всякий случай приберeги-ка эти газеты. Если што, передай их Изюмову Митьке. Пусть он отнесет их в Широкий дол и сообщит обо мне. А сейчас покорми меня и спать.

Коротка летняя ночь. Крепок сон после утомительного похода и сытного ужина. Тишина в доме Чевардиных. Вот уже побледнела ночь и звезды потускнели. «Пожалуй, пора. Но жалко будить. Как он крепко спит», — размышляла жена, всю ночь не сомкнувшая глаз. Вдруг посыпались стекла из рам, послышался стук в дверь и кто-то крикнул:

— Лежать на месте, иначе перестреляем всех!

Чевардин рванулся, но жена прижалась к нему:

— Вася, не вставай, застрелят!

В три окна разом запрыгнули трое вооруженных. Один из них бросился к двери, а двое — к постели. В избу ворвалось еще несколько человек.

— Ну, теперь вставай, председатель. Сдавай оружие!

— Я пришел без оружия!

— Обыскать, — приказал Базунов.

«Новые жандармы» перерыли в доме все, но оружия не нашли.

— Где спрятал оружие?

— В лесу, — спокойно ответил Чевардин.

— Одевайся!

На рассвете дружинники застали дома еще несколько бывших красногвардейцев.

— Вот это улов! — торжествовал Базунов.

— Во главе с самим ершом Совдепа! Го-го-го! — гоготал Жеребин.

— Надо их немедленно переправить в Уфу, — предложил Рокутов, — иначе нам придется драться с большевиками. Они даром не отдадут председателя.

— Это ты верно сказал, — согласился Базунов, — постараемся переправить.

ТОТ ЖЕ ХОЗЯИН

Умов приехал в Сим. Он издал приказ о назначении Фирсова управителем завода, пообещал служащим конторы увеличить жалованье и уехал в Ашу.

Фирсов на другой же день объявил умовские приказы и потребовал от рабочих безропотного подчинения. Рабочие зашумели. Профсоюз обратился к управителю с протестом. Но к соглашению не пришли.

Раздраженные, злые рабочие нехотя принялись за дело. Мастера не смели возвысить голос: не подходи, зашибут.

Управитель завода скоро убедился в том, что удлинение рабочего дня, снижение тарифных расценок и отказ от оплаты сверхурочных работ не дали повышения производительности труда. Наоборот, она резко упала и сократилось количество производимой продукции.

Между тем Умов стал финансировать завод в соответствии с выполнением задания. Фирсов выкручивался из создавшегося положения. С одной стороны выпуск продукции резко сокращается, с другой — рабочие требуют выплаты заработка, а денег не хватает. Возмущение на заводе растет.

— Что будем делать, господа? — спрашивал Фирсов главного бухгалтера и старейшего кассира, — не мухлюют ли заведующие цехами? Вы, пожалуйста, тщательнее проверяйте ведомости.

Бдительный кассир Курчатов при выдаче зарплаты наткнулся на фамилию своего соседа.

— Позвольте, позвольте, — крикнул в окошечко Курчатов, — верните-ка мне расчетную книжку, по которой я только что выдал деньги. Эй, кто там получил, слышите?!

— Што вы кричите, гражданин Курчатов? — спросил первый стоящий в очереди рабочий.

— Как что? Это же жульничество! Получили по расчетной книжке моего соседа. А его же нет на заводе. Я знаю, что он ушел с красными!

— А вы бы, гражданин Курчатов, не кричали об этом, — посоветовали зашумевшие рабочие, напирая к окошечку, — выдавай, не задерживай очередь!

Вечером Курчатов, сидя у самовара, рассуждал вслух о случившемся.

— Выходит, что зарплату получает и тот, кто не работает, а ушел с красными. Я заметил в ведомости одного, а их, наверное, много.

— А ты бы помолчал, — посоветовала жена, — сам знаешь

время-то какое. Как бы большевики тебя не хлопнули.

— Ты, мать, не пугай, — ответил Курчатов и замолчал.

Наступило тягостное раздумье. Вдруг дзинькнуло окно и из самовара вырвались две шипящие струи горячей воды.

— Ой, стреляют! — крикнула жена Курчатова и погасила свет.

На улице послышался топот, а в простреленное окно потянулась струя холодного воздуха.

— Мать, ты жива? Поберегись горячей струи. Пусть вытечет, потом уберем, а свет пока не зажигай, — сказал очнувшийся Курчатов.

— Вот, Ваня, што я тебе говорила, чуяло мое сердце.

— Ну, помолчи, мать, помолчи. Я сам понял. Это мне предупреждение. Стреляли-то в самовар, а не в меня, дескать, имей в виду и в тебя пульнем. Придется скрыть этот случай. Хорошо, что я еще начальству не сказал.

Больше кассир не придирался к ведомостям.

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

В доме Федюковых на окраине Сима по правую сторону реки, ближе к лесу, скрывался председатель партийного комитета Рындин Кузьма Васильевич. Об этом знали только Масленников, Лаптев, Яковлев и Салов Илья. Они вместе с Рындиным договорились о собрании коммунистов и организовали сбор.

В районе Синих камней появилось 16 человек, вооруженных винтовками, наганами и гранатами. Они осторожно пробрались меж крутых гор, через желтые и розовые кусты, среди вечно зеленых елей, сосен и поднялись на каменный хребет.

Это местечко облюбовал еще Михаил Гузаков, скрывавшийся от полиции в пещере Синих камней в 1906 году. Сюда, на Синие камни и пришли в конце сентября 1918 года 16 коммунистов, вызванных из лесу Рындиным.

— Здравствуйте, товарищи! — встретил коммунистов бывший председатель партийного комитета, — удачно ли пробрались сюда, не заметили ли вас контрреволюционные псы?

— Не беспокойся, Кузьма Васильич, мы хорошо знаем свой лесной и горный край, проберемся хоть куда и сам дьявол не заметит.

— Молодцы. С такими хоть из ада выберемся.

— Выберемся! Только почему-то нас маловато. Неужели из 500 только и осталось?

— Нет. Большинство на фронтах. Мне удалось установить, что многие наши коммунисты ушли к Гузакову, к Чевереву и Каширину, с которыми влились в ряды Красной Армии. Ну и часть коммунистов, которых мы не смогли известить, находится в лесах. Часть, как известно, арестована, находится в уфимской тюрьме.

— А отсеявшихся нет?

— Есть. Они проживают в поселке, о себе не дают знать и намереваются приспособиться к обстановке.

— Таких надо по шапке!

— Не торопитесь, товарищи. Коммунисты узнаются в действии. Поживем, увидим. Давайте-ка сегодня договоримся об единых действиях. Прежде всего надо избрать партийный комитет. Мне кажется, целесообразнее избрать тех товарищей, которые живут в поселке легально и активно действуют среди рабочих. Их не знают Жеребины и Базунов, а мы им доверяем. Если же изберем лиц, известных всем, то свяжем себе руки. Им нельзя и носа высунуть. Согласны?

— Согласны. Есть предложения.

— Пожалуйста, назовите.

— Яковлев Михаил Иванович.

— Субботин Андрей Петрович.

— Лаптев Никанор Кондратьевич.

— Я лично за этих товарищей, — сказал Рындин, — других предложений нет? Голосую. Единогласно. Надо, товарищи, зашифровать нашу организацию. Каждому коммунисту присвоить номер, а членам комитета клички.

Теперь, товарищи, обстановка требует, чтобы мы дали клятву. Не возражаете?

— Согласны.

— Тогда повторяйте за мной: Клянусь в верности делу Коммунистической партии; клянусь не щадить своей жизни в борьбе с контрреволюцией за восстановление Советской власти; клянусь сохранять партийную тайну и соблюдать строгую конспирацию. Пусть покарает меня партия, если дрогну в бою и в борьбе. Предателю смерть!

Коммунисты, стоя, повторяли слова клятвы, предложенные Рындиным.

— Теперь, позвольте определить задачу нашей организации. Это — вести агитацию среди рабочих, звать их на борьбу за восстановление Советской власти. Дезорганизовать тыл белой армии. Организовать вооруженное восстание. Помогать семьям красногвардейцев. Вовлекать в Компартию новых членов. Согласны ли с этими задачами, товарищи?

— Да.

— Что нужно сделать в ближайшее время? — спросил Рындин и сам же ответил: Добыть пишущую машинку, упрятать ее в надежное место, достать бумаги, овладеть машинописью и начать выпуск листовок. В профсоюзе, существование которого разрешено даже контрреволюционной властью, усилить легальную работу. Товарищу Минцевичу следует подобрать себе в помощь надежных членов союза. В лесу установить связи со всеми группами. Послать своих товарищей в ближайшие деревни. В Еврал я сам пойду. Объединить красногвардейцев, вернувшихся на завод. И сейчас же надо создать штаб по подготовке к восстанию, создать свою контрразведку, назначить товарища для связи с Миньярской партийной организацией.

Коммунисты подробно обсудили план действий, распределили обязанности. Начальником штаба утвердили Масленникова Николая Афанасьевича, начальником разведки Усачева Петра Михайловича. Затем, пожав друг другу руки, они разошлись в разные стороны.

* * *

Чехи уехали из Сима. Полновластными правителями в поселке остались комендант Изместьев, глава земской управы Мартынов, начальник белой дружины Базунов, а на заводе — управляющий Фирсов.

Воспользовавшись отсутствием войска в поселке, «лесные люди» почти все побывали дома, запаслись теплой одеждой на зиму и продовольствием на ближайшее время. Многие из них остались на заводе.

Заведующие цехами знали возвратившихся, но молчали. Рабочие же встречали бывших красногвардейцев приветливо и, как обычно, в цехах в обед втягивали их в беседу.

— Интересно, мужики, какое же теперь правительство будет в нашей стране? — обычно первым начинал разговор старый кузнец Мызгин…

— А черт их знает, — сгоряча ответил кто-то.

— Нет, не черт, а газета знает. Она сообщает, што этих правительств целых три, — возразил один из бывших красногвардейцев.

— Это какие же? — допытывался Мызгин.

— Самарское, Екатеринбургское и Омское. А на днях объявили еще четвертое — Всероссийское.

— Вот, мать честная, и те правительства и это правительство. — Мызгин растерянно развел руками, чем вызвал общий смех.

— Значит, жди пятое, дядя Миша! Но им и пятерым не справиться!

— Ох-хо-хо! — потешались рабочие.

Вдруг кто-то заметил проходящую мимо женщину.

— Гляньте, гляньте, никак Матрена сюда пожаловала?

— Эй, Матрена, куда это ты направилась?!

— А вы чего ржете? — ответила Матрена и подошла ближе.

Никто не осмелился ответить, рискуя быть высеченным хлесткими словами Матрены, которую все знали, как очень резкую женщину, выпускающую сто слов в минуту.

— Молчите? А я бы на вашем месте не молчала. У них из рук вырвали невинных людей, упрятали их в тюрьму, хорошим людям там смертью грозят, а эти здесь сидят и ржут. Боитесь заступиться за своих друзей? Да какие же вы мужики? Я вот баба, а не струсила, когда моего племянника Ваську ни за что арестовали. Вырвала его из-под стражи. А вы? Послали бы своего человека в Уфу, взяли бы арестованных на поруки, спасли жизнь хорошим людям, а не ржали бы попусту здесь!

Матрена отчитала мужчин, плюнула и ушла.

Крякнули рабочие, но возразить не могли. Все молча поднялись и разошлись по цехам, но за мысль, высказанную смелой женщиной, ухватился председатель профсоюзного комитета Минцевич. Он подготовил прошение рабочих и собрал подписи. Они обращались к уфимским властям с просьбой освободить из тюрьмы симских рабочих, арестованных по недоразумению. Это прошение заверили в земской управе и со своими делегатами послали в Уфу.

Уфимские власти, игравшие в демократизм, отпустили симских рабочих на поруки общества, обязав их являться в «милицию» трижды в неделю.

Такая победа окрылила рабочих. Они еще больше уверовали в коллективную силу.

Все освобожденные вышли на работу. Заведующие цехами их приняли. Но Базунов, Рокутов и Жеребин усомнились в покорности освобожденных.

— Рабочие выхлопотали красных вожаков, теперь жди какую-нибудь заваруху, — говорил Базунов.

— Надо подорвать доверие к ним у заведующих цехами, — предложил Рокутов.

— Как это сделать? — спросил Жеребин, готовый к немедленному исполнению.

Главари белой дружины договорились подстроить формальный повод для ареста возвратившихся большевиков.

Однажды по механическому цеху пронесся слух о том, что большевики якобы хотят убить заведующего цехом Китаева. Этот слух встревожил всех. Китаев боялся ходить по цеху. Он останавливал каждого встречного и спрашивал: «Вы слышали, говорят, что меня хотят убить большевики, как вы думаете, правда это и за что?»

Явная провокация могла кончиться плохо. Большевики немедленно собрали всех рабочих цеха.

— Александр Васильевич, расскажи, кто тебе говорил о готовящемся покушении? — попросил Чевардин.

— Я, братцы, не знаю, сказать ли? Люди-то надежные говорили мне.

— Нет, это не надежные люди! Это провокаторы, подлецы! — кричали рабочие.

— Сказали мне об этом Девкин и Жеребин.

— А-а, сволочи! Не верь им, Александр Васильич.

— Проголосуем, кто за доверие Китаеву?

Все подняли руки.

— Смотри, Александр Васильич, верь нам!

* * *

Когда опустела заводская территория и в поселке вспыхнули огоньки, на пруду появилась лодка. Она тихо подплыла к плотине и, высадив пассажира около восьмигранной куполообразной избушки, удалилась в сторону Доменной горы. Высадившийся взял удилища, прихватил ведерко и поднялся на земляной вал.

— Эй, рыбак, ты куда? — окликнул плотинный сторож, вышедший из избушки.

— Я домой, Дмитрич. Мне здесь ближе. Пропусти, пожалуйста.

Сторож подошел ближе, посмотрел на бородатого, длинноусого мужика и спросил:

— А што же ты в лодке с ними-то не поехал?

— Да они поплыли к Доменной горе, а мне оттуда шлепать по грязи далеко.

— Ну уж ладно, иди.

Рыбак не спеша пошел через заводскую территорию в сторону проходной будки. Вдруг зазвенело разбитое стекло, хлопнула дверь в конторе, послышался топот. Рыбак бегом пустился в сторону конторы.

— Вот он, вот, держи! — кричал рыбак, зовя сторожа.

Сторож ринулся навстречу кричавшему, но он петлял между корпусами цехов.

В это время из конторы вышли двое с какими-то предметами. До их слуха донеслось:

— А-а, попался, мошенник! Зачем стекло разбил? Сюда, сюда, Михеич!

— Слышь, — сказал Усачев, — ловко он разыграл.

На крик прибежал плотинный сторож. Два сторожа встретились. Пока они разбирались, кто кричал, трое на лодке скрылись.

Сторож, вернувшийся в контору, не сразу понял, зачем потребовалось кому-то разбить стекло. Только утром, когда пришли служащие, он узнал причину.

— Где же машинка, где бумага, где копирка? — спрашивала машинистка.

— А-а, обманули старика! — взвыл Михеич.

— Кто обманул, в чем? — спрашивали служащие.

Старик рассказал о случившемся ночью. Между тем похитившие машинку и бумагу благополучно добрались до Широкого дола.

* * *

В цехах Симского завода, остерегаясь белой разведки, рабочие вспомнили былую практику осведомления друг друга… и пошли гулять рукавицы по всем цехам.

> «Кто такой Колчак и что он несет рабочему классу? — читали рабочие. — Из всех царских генералов, поднявших знамя борьбы против русской революции, Колчак самый серьезный и самый опасный враг рабочего класса. Колчак — имя, знамя, вокруг которого собрались царские прихлебатели, фабриканты, заводчики, помещики, жандармы, дворянские пропойцы, распутники, попы, казнокрады всех сортов и рангов.
>
> — Товарищи рабочие! Идет неприкрытое самодержавие, которое хочет в потоках крови потопить рабочий класс России, лишая его всех завоеванных свобод. Колчак объявил мобилизацию. Ему нужна армия душителей революции. Товарищи, неужели среди вас найдется тот, кто пойдет в армию Колчака и как палач поднимет руку против рабочих, против революции?
>
> — Товарищи, мы — рабочие и зовем своих братьев рабочих на бой против помещиков, капиталистов и царских генералов! Долой контрреволюцию и ее агента Колчака!»

Листовки обошли всех рабочих проникли в поселок. Каждый встречающийся с другом спрашивал:

— Читал?

— Да.

— У тебя, кажись, Ванюшка призывного возраста?

— Да. Уже пирует с друзьями.

— Скажи ему, што призывной пункт в Уфе, а отсюда никто сопровождать не будет. Дорога до Уфы длинная. Ясно?

Друзья понимали друг друга с полуслова.

В поселке гуляла мобилизованная молодежь.

Комендант поселка Изместьев объявил приказ Колчака о мобилизации, известил каждого призываемого, указал сроки, место явки в Уфе.

В назначенный день из поселка по уфимской дороге и к железнодорожной станции потянулись подводы.

* * *

Очередная встреча Чевардина с Разуваевым была очень короткой. Начальник почты быстро сунул Чевардину бумаги и шепотом сообщил:

— Я переписал копии телеграмм, присланных Фирсову и Изместьеву: прочтешь, поймешь. А пока все. За мной, кажется, следят базуновцы.

Чевардин поспешно ушел с почты. Ему не терпелось прочесть полученные телеграммы. Пользуясь тем, что в этот день врач дал ему справку о болезни, Чевардин пришел домой. Дома его ждал связной из Широкого дола.

— Я только што получил, кажется, важные документы, — сказал Чевардин, — давай прочитаем и лети скорей в штаб. Вот што-то из Аши Фирсову.

«Направляю копии телеграмм Рейкинга для сведения. Содержание их оставьте в секрете, не оглашайте. На днях похоронили заводовладельца Умова. Скончался после тяжелого ранения. Смотри телеграмму. Сегодня получили вагон муки. Выделим немного вам. С уважением». — Подпись неразборчива.

«Телеграмма Уральского промышленного комитета.

Председателю Совета Министров П. Вологодскому 19 ноября 1918 года.

В Симском округе за короткое время третий террористический акт. Тяжело ранен ружейным залпом через окно Умов, ранее убиты два инженера-чеха. Подобные случаи лишают округ администрации и сделают оставшуюся безвольной. Недопустимо ограничиться судебным расследованием, обыкновенно в таких случаях безрезультатным, необходимо объявление правительства, что в таких случаях предприятия будут закрываться, впредь до обнаружения виновных. Эту меру применить к Балашевскому заводу, если в назначенный правительством срок виновные не будут обнаружены. Уралпромком Гейкинг».

«Телеграмма из Уфы Изместьеву.

На призывной пункт ваших явилось только трое. Примите меры».

— Вот это новости. Буйвол Умов сдох. Убили через окно. Туда ему и дорога, — воскликнул связной, — а в лес, к нам уже прибыло пополнение земляков.

— Лети, друг, скорей в штаб, пусть печатают листовку, — сказал Чевардин.

Через день по заводу гуляла листовка. Фирсов, побаивающийся рабочих, с ужасом узнал, что рабочим известно о смерти Умова.

— Откуда они узнали об этом? — рассуждал Фирсов, пригласивший к себе Базунова, — переписка о похоронах Умова хранится только у меня. Получил я ее по почте.

— Земля, говорят, слухом полна, — ответил Базунов, — могли узнать в Аше, в Миньяре. Но мы понаблюдаем за почтой.

Наблюдение за почтой ничего не дало Базунову. Тогда он сговорился с миньярским начальником контрразведки офицером Шалашовым о провокации.

Однажды во множестве писем Разуваев обнаружил простое письмо на имя Базунова. Увлеченный своим занятием Разуваев вскрыл письмо. В нем было распоряжение Шалашова, написанное чернилами, об аресте всех лиц, взятых обществом на поруки. Разуваев заклеил конверт, сунул его в общую почту для разносчиков и немедленно ушел на завод, чтобы встретиться с Чевардиным.

На следующее утро, до заводского гудка, в домах поднадзорных лиц побывали базуновцы, но никого не застали дома.

— Не застали?! Значит, предупреждены, — рассудил Базунов. — Ну, посмотрим, кто тут передатчик.

«Новые жандармы» установили слежку за действиями начальника почты Разуваева.

* * *

На заводе все больше и больше росло влияние коммунистов. Они были уже в каждом цехе. Рабочие явно сочувствовали большевикам. Хотя они не могли назвать имен большевиков, но по суждениям определяли, что тот или этот непременно большевик. Нередко рабочие называли большевиками и беспартийных, которые смело высказывались в защиту интересов трудящихся. В рабочей среде всегда защищали каждого осмелившегося выступить открыто и не терпели доносчиков. Многие считали, что в этом коллективе не может быть предателей. Каждого земляка они встречали очень доверчиво.

— О-о! Алексей Александрович, сколько лет, сколько зим не виделись! — приветствовали рабочие бывшего начальника штаба симской Красной гвардии Деулина.

— Да, через год вот зашел на завод.

— Ну, рассказывай, зачем пожаловал? Где работаешь?

— Земляков повидать. Работаю в Уфе. А скажите, на заводе работает Василий Андреич?

— Это Чевардин, што ли? Работает. Он по-прежнему в механическом цехе.

— Спасибо. Его надо повидать. До свидания.

Поспешный уход Деулина вызвал разные толки. Встретившиеся удивлялись тому, что бывший начальник штаба красных свободно разгуливает по заводу, но полагали, что он мог остаться вне подозрения, так как год работал в Уфе.

Деулин столкнулся с Чевардиным неожиданно.

— Ба! Ты ли это?! Каким образом? — воскликнул Чевардин, остановив входившего в цех Деулина.

— Да, ты не обознался. Здравствуй. Нам надо поговорить. Скажи, когда и где?

— Так уж с места и в карьер?

— Обстоятельства требуют.

— Ну, приходи после работы ко мне домой.

— Хорошо. Пригласи членов парткома.

— Зачем?

— У меня особое задание.

— Постараюсь.

— Пока, до вечера. Я не прощаюсь, встретимся.

Чевардин сообщил членам парткома о встрече с Деулиным. Председатель парткома Яковлев решил, что по такому поводу следует созвать расширенное заседание партийного комитета.

Вечером, соблюдая осторожность, в доме Малькова собрались члены парткома и приглашенные ими товарищи.

— Вы, товарищи, — обратился Яковлев, — все знаете Деулина как бывшего начальника нашего красногвардейского штаба. Он сегодня приехал к нам из Уфы и предъявил документ от уфимского подпольного центра большевиков. Поэтому я собрал вас. Послушаем товарища Деулина.

— Извините, товарищи, за экстренность созыва этого совещания, — сказал Деулин, — но сами понимаете, время военное и обстоятельства требуют быстрых и решительных действий. Я командирован для согласования действий. Уфимская организация готова к восстанию. Однако она считает необходимым действовать одновременно с вами. Вот меня, как знающего Сим, и послали для установления связи с

большевистскими силами заводов Симского округа. Вот давайте и договоримся о выступлении. Прежде всего, товарищ Яковлев, доложите о ваших силах.

— Мы, в основном, готовы. В нашей партийной организации сейчас 60 коммунистов. Но выступит с нами человек 300. Они уже вооружены и ждут приказа. Эти силы находятся в лесу и частично здесь, в поселке.

— Очень хорошо. А кто в вашем штабе и где он?

— Ты их, вероятно, не знаешь, потому не стоит и называть. Но люди опытные.

— Прекрасно. А где же Рындин, почему он не на заседании? Ведь, как мне помнится, председателем комитета был он.

— Да, был он. Мы создали политический центр. Рындин руководит этим центром. Центр держим в строгом секрете.

— Смотри ты, какие молодцы. Но мы отвлеклись. Я полагаю, что вы правомочны решать?

— Конешно.

— Тогда давайте условимся так. Завтра же вы приведете все в боевую готовность и ждите приказа о выступлении. Я сегодня выеду в Миньяр, затем в Ашу. Потом доложу уфимскому центру. Вас известят о часе восстания. Согласны?

— Центру виднее. Мы подождем.

— Отлично. У вас есть связь с миньярцами?

— Да.

— Кто лично поддерживает связь?

— Яковлев.

— У меня к вам просьба. Разрешите товарищу Яковлеву поехать со мной в Миньяр. А то я не знаю людей, хотя явки имею. Но лучше явиться со связным, безопаснее, не возражаете?

Партком отпустил Яковлева. Они ночью уехали в Миньяр.

На следующий день, 26 декабря 1918 года, партком созвал общее собрание коммунистов в доме Золотова. Закрыли окна, двери, расставили вооруженных часовых в укрытых местах, сделали все так, как учили опытные подпольщики. Обсудили вопрос о восстании. Начальник штаба немедленно приступил к выполнению решения партийного собрания. Он приказал всем группам быть начеку и сам перевез в поселок, в свой дом, один пулемет.

Между тем Яковлев и Деулин прибыли в Миньяр. Всю дорогу в поезде Яковлева мучил один вопрос: правильно ли я делаю, что за собой веду еще человека к миньярским подпольщикам без их разрешения?

— Ты о чем размышляешь? — спросил Деулин, наблюдавший за поведением Яковлева.

— Побаиваюсь. Как бы нам обоим не влипнуть. Я давно не был в явочном адресе. Вот и думаю, что, пожалуй, тебе лучше подождать моего возвращения. Потом уже уверенно пойдем вместе.

— Ну что ж, если сомневаешься, так и сделаем.

В явочном адресе Яковлева ошеломили.

— Ты привел Деулина?! Он же провокатор! К нам сегодня примчался нарочный из уфимского большевистского центра. Им удалось установить, что в контрразведке под псевдонимом Арбатова Леонида Михайловича числится провокатор Деулин. Наши товарищи видели его, когда он здесь заходил в контрразведку к Шалашову. Мы искали его, а он к вам примазался. Веди нас скорее, надо схватить подлеца.

Яковлев привел товарищей к месту, где оставил Деулина. Но увы, предателя и след остыл.

* * *

Ночь. Метель. Как гончие псы ворвались в дом Усачева белогвардейцы.

— Ни с места! Будем стрелять, если кто пошевелится! Хозяин, зажигай лампу!

Чиркнула спичка в дрожащей руке хозяина и погасла. Вспыхнула вновь, и разлился по избе тусклый свет.

— Где твой сын? Что молчишь? Отвечай!

Взвизгнула плеть возле уха и обожгла спину старика.

Заголосила мать, истерически закричала перепуганная дочь.

— Не бейте, смилуйтесь над стариком!

— Молчать! Ну, скажешь теперь?!

— Не знаю.

— Взять его!

Старик наспех накинул шубу на окровавленную спину, сунул ноги в валенки и на седую голову надел шапку-ушанку.

— Тащите старого хрыча, там все скажет!

Хлопнула дверь, завизжала огретая плетью собака, бросившаяся к хозяину. Заскрипели полозья на улице.

К вою метели прибавился плач во многих домах симского поселка. Каратели арестовали в эту ночь десять стариков, трех старушек и схватили не успевших скрыться подпольщиков — Парова, Карякина, Изюмова и Лаптева.

Утром метель успокоилась. В тихий морозный день особенно слышен каждый звук. Люди, проходившие мимо клуба и умовского дома, трепетали от криков и стона.

— Проходи, проходи, не задерживайся! — приказывали часовые каждому прохожему.

Слух о том, что арестованных избивают, разнесся повсюду. Рабочие предложили профсоюзу предъявить протест карателям и потребовать от них человеческого обращения с арестованными. Председатель профсоюзного комитета Минцевич составил петицию, собрал множество подписей и сам обратился к начальнику карательного отряда Шалашову.

— Как вы посмели собрать подписи под такой кляузой?! — рявкнул Шалашов.

— Это собрала профсоюзная организация, чтобы убедить вас. А я выполняю волю профсоюза, — ответил Минцевич.

— Какое дело профсоюзу до политики? Вам известно, что профсоюзам запрещается вмешиваться в политические дела?

— Да. Но это просто гуманность, требование обращения с людьми по-человечески.

— Мне все ясно! Можете идти!

Минцевич ушел. А в следующую ночь арестовали и Минцевича. Каратели вывели Минцевича из умовского дома со связанными руками.

— Вас пешком сопроводит конвой на станцию Кропачево. Оттуда поездом отправят в Омск на суд, — объявил Шалашов.

…Поселок спал. Сыпал пушистый снег. Потеплело. Пятеро конвоиров, вооруженных шашками и наганами, повели Минцевича за реку Сим. Конвоиры подгоняли арестованного.

— Быстрей, быстрей шагай!

— Куда торопиться? За ночь дойдем.

— Не рассуждай!

Перешли реку, поднялись на крутой берег, прошли мимо новых домов, миновали поселок и дошли до тропы, сворачивающей в сторону умовской дачи.

— Поворачивай направо.

— Почему? Дорога идет влево.

— Не рассуждать, пойдем через дачу.

Минцевич, недоумевая, свернул направо.

— Развяжите мне руки.

— Сейчас.

Двое конвоиров подошли вплотную к Минцевичу. Прошли несколько шагов.

— Ну, чего же вы не развязываете?

В ответ конвоиры столкнули Минцевича с тропы вправо. Минцевич шагнул дальше по глубокому снегу, пытаясь выбраться из какой-то ямы, в которую его столкнули.

— А-а, ты бежать? Руби его!

Взвизгнула в воздухе шашка. Еще и еще… Удары стали частыми. Минцевич упал. Озверевшие конвоиры изрубили его. К утру вырос бугорок, скрывший кровавые следы гнуснейшего преступления.

* * *

Карательный отряд продолжал свое подлое дело. Арестовали начальника почты.

— Ну-с, господин Разуваев, расскажите, кому вы передали текст моего письма об аресте большевиков? — спросил Шалашов.

— Я не понимаю вас, господин Шалашов.

— Ах, не понимаете. Вот это вы читали? — Шалашов показал свое письмо, адресованное Базунову.

— Читал.

— По какому праву?!

— По праву цензора, вскрывающего всю простую почту.

— А секретные донесения и телеграммы переписывали тоже по праву цензора?

— Это ложь. Я честно выполнял свои обязанности начальника почты и больше ничего.

— Вы будете отвечать по существу?!

— Мне нечего сказать.

— Ну, тогда мы поможем. Увести и согреть этого «честного» начальника.

Через полчаса к Шалашову снова втолкнули Разуваева. Но он уже не мог ни стоять, ни сидеть.

— Эк, черти, перегрели. Унести!

Избитого, без сознания, Разуваева увезли в Ашу. На другой день из Аши Шалашов получил телеграмму:

«Разуваевым покончено, расстреляли».

Шалашов прочитал и бросил телеграмму на стол, как пустяковую бумажку.

В это время в кабинет вошел куренный мастер Садов Дмитрий Петрович.

— Что вы хотели сообщить мне, господин Салов?

— Я говорю, господин Шалашов, что большевики убили моего сына Василия.

— Ну это же было в прошлом году. Чего же вы хотели сказать о сегодняшнем?

— А сегодня большевики скрываются в избушках дровосеков на моем участке. В Казамаше, верстах в тридцати от Сима. Там

выжигают уголь наемные люди.

— Как вы узнали о большевиках?

— Я привез хлеба, мяса, словом, продукты углежогам и дровосекам. Роздал им, у меня еще осталось. Ну, ко мне и пришли эти самые большевики. Продай, говорят. Я им и продал остатки.

— Много ли их там? Кого вы знаете лично?

— Много ли, не знаю. Я видел этого, ну у которого плечи косая сажень и ростом он полторы сажени, как его, хохла, Мосур Родиона. Он, говорят, у них главный.

— Хорошо. Как туда добраться?

— Завтра туда поедут углевозы, могут довезти и вас.

Отряд карателей во главе с офицером Ахмедьяновым разместился в глубоких угольных коробах, закрылся угольной сеткой и незамеченный никем выехал из Сима.

К месту расположения группы Мосура каратели приехали ранним утром. Партизанские патрули приняли обоз за углевозов и допустили карателей к своей избушке. Вдруг из коробов выскочили люди с винтовками. Ахмедьянов первым ворвался в избушку и столкнулся с великаном.

— Руки вверх! — крикнул Ахмедьянов и в ту же секунду пошатнулся, на его голову опустился увесистый кулак Родиона, но падая, офицер выстрелил. Мосур одним ударом убил его и свалился замертво сам. Долго раздавались выстрелы в морозном воздухе. Партизаны ушли в глубь леса.

* * *

Вслед за первым в Сим прибыл второй карательный отряд под командованием Монича. Каратели каждый раз входили в Сим, как в хорошо защищенную крепость. Воинский эшелон высаживался на станции Симской и оттуда девять верст до завода вел наступление по всем правилам военного искусства: впереди шла разведка, за ней отряд в полной боевой готовности — с винтовками на изготовку и с пулеметами.

Тех, кого каратели считали большевиками, им не удавалось взять с налету. Предупрежденные Изместьевым, это он делал, боясь мести, большевики уходили в лес или прятались в укрытиях. Почти у каждого подпольщика, который оставался в поселке, имелась на всякий случай нора у соседа или укрытие в самом заводе. А на случайно захваченных молодых рабочих каратели состряпали дело. Привлекли троих. Четвертый, Лаптев, убежал.

На все вопросы обвиняемые отвечали отрицательно, хотя они безусловно знали своих организаторов и расположение основных большевистских сил, находящихся в лесу. Никакие пытки не сломили молодых коммунистов.

Мужественно и гордо они выслушали приговор:

> «…виновные в подготовке вооруженного восстания против существующего строя Федор Григорьевич Паров, Дмитрий Дмитриевич Узюмов, Иван Андреевич Карякин приговариваются к смертной казни…»

Читавший приговор сделал паузу, ожидая вопля о пощаде. Однако осужденные не издали ни одного звука.

Чтец продолжал:

> «…но, учитывая несовершеннолетие Парова и Узюмова (им было фактически по семнадцать лет), и молодость Корякина, военно-полевой суд заменяет высшую меру наказания — пятнадцатью годами каторги».

Каратели пороли стариков и старух, принуждали выдать своих сыновей и внуков, скрывшихся в лесу, куда сунуться не решался ни один отряд.

* * *

Весть о зверствах карателей подняла всех лесных людей.

— Веди нас в бой, товарищ Соколов, — требовали партизаны, находившиеся у Соленого ключа.

— Надо перебить всех карателей в поселке, — предлагали партизаны Широкого дола.

— Нельзя действовать в одиночку, — урезонивал товарищей Масленников, — наши связи выдал карателям провокатор. Сейчас все, кого мы успели предупредить, скрылись в лесах. Нам еще не известны их новые убежища. На заводах и в деревнях сейчас свирепствуют большие отряды карателей. Есть сведения о том, что в наш район направлены части самого лютого карателя генерала Каппеля. Против таких сил надо выступать вместе с другими отрядами.

— Што ты предлагаешь? Неужели мерзнуть, голодать и ждать, пока нас здесь по одиночке переколотят?

— Я предлагаю создать такую обстановку, при которой каратели боялись бы жить в Симе. Перекрыть все въезды в Сим,

взять под обстрел уфимскую дорогу, убивать всех карателей, которые попытаются пойти этими путями.

— Они пройдут по железной дороге! — заметил кто-то.

— И там надо портить путь, создавать панику в тылу врага, — убеждал Масленников.

Партизаны согласились с доводами своего начальника.

Начальник партизанского штаба Николай Афанасьевич Масленников (фото 1917 г.).

* * *

Все чаще и чаще бушевали метели. Мерзли партизаны в землянках в пещерах. Они с тоской поговаривали о бане. Но командиры групп и начальник штаба не разрешали идти в родной поселок.

— Идите к надежным кордонщикам, пчеловодам, охотникам в лес или ближайшие деревни.

— Но у нас же есть надежные квартиры и в Симе, — возражали бывалые разведчики, — можно без опаски зайти к кузнецу Брылкину. Этот укроет и новости расскажет.

— Верно, — поддержал другой бывалый разведчик, — я однажды у Брылкина встретился с еральскими партизанами. У него скрывались Сорокин и еще четверо с ним. А когда стало невмоготу скрывать, Брылкин вывез их в большом коробе под навозом в лес, а там и до Миньяра.

— А мы иногда переночевывали в семьях Насоновых, Васюковых, Пупковых, Головяшкиных и Черновых. Нет, эти не выдадут, — добавил третий разведчик.

— Они-то не выдадут, но вы их подведете, вас же знают «новые жандармы», — убеждали командиры.

— А я, ребята, мылся в Серпеевке. Там привечают лесных людей Куликов Николай Емельянович со своей женой Федосьей Тихоновной. Они и баньку истопят, и чайком угостят, и ни одна душа в деревне не узнает о тех, кто у них побывал.

— А я ходил к кордонщику Калинину. Он не отказывал и в ночлеге, и в питании. Хороший мужик. Бывало, я сплю, а он на часах. Этот не выдаст.

— А кто из вас бывал в Сплавном курене у старого охотника Курдакова? Вот мужик, займет тебя рассказами так, што и про горе забудешь. У него и сейчас живет группа новичков.

— Ну, расхвастались. У нас много хороших друзой. Народ понимает за што мы страдаем.

Вдруг в стороне Сима затрещал лес. Хлопнули одиночные выстрелы, прострочил пулемет и все смолкло.

— Ох, мать честная! Знать, наших кавалеристов расстреляли, — предположил Усачев, — пешие разведчики еще не вернулись?

— Вон, вон они мчатся, — ответили сразу несколько человек, выбежавших из землянки.

По лесу бежали на лыжах шесть человек.

— Товарищ начальник разведки! — с ходу крикнул разведчик, — по уфимской дороге в Сим прошел вооруженный отряд белых около четырехсот человек. Мы следили за ним до Провальных ям, а потом помчались сюда. И вот сейчас мы услышали стрельбу. Видимо, это стреляли из поселка по тому отряду.

— Вот загадка, — размышляя вслух, сказал Масленников.

— Очередные разведчики! — крикнул Усачев. — Немедленно в поход! Трое следите за дорогой и трое отправляйтесь в Соколовскую группу, узнайте у них, што им удалось установить.

На другой день на взмыленных лошадях прискакали Заварзин и Хорьков, одетые в белогвардейскую форму.

— Сим окружен белогвардейскими патрулями. Чтобы отвлечь их, мы поехали в сторону Катава, как бы в свою часть, которая находится в Кропачево. Патруль пропустил нас по этой дороге, но следил за нами, пока мог видеть. А мы за умовской дачей свернули вправо вокруг Лысой горы, Синих камней, через реку, горы и сюда.

По железной дороге днем и ночью от поселка до станции снуют казаки. Сейчас в Симе очень много солдат, почти в каждом доме по три да по четыре, — докладывали разведчики начальнику штаба.

— Кто и в кого стрелял?

— Своя в своих. Со стороны Уфы прибыло какое-то пополнение. Их приняли за наступающих партизан. Но, видимо, скоро выяснили и прекратили стрельбу.

— Что это по-вашему, наступление или отступление, почему так много солдат в Симе?

— Это мы не смогли выяснить.

— Эх, жаль. Придется еще разведывать.

— А может быть, подождем возвращения разведчиков от Соколова? — предложил Усачев.

— Ну подождем, — согласился Масленников. Разведчики возвратились от Соколова на следующий день.

— Ну, выкладывайте, что узнали, — предложил Усачев.

— Наши товарищи перехватили трех белогвардейцев, скрывшихся в лесу во время перестрелки. Оказывается, они из Казаяка. Там стоял 45-й стрелковый полк. Он раскололся. Половина отказалась идти в наступление против красных. Чуть не передрались между собой. Но разошлись мирно. 388 человек пошли в тыл по уфимской дороге и напоролись на каппелевцев в Симе. Во время перестрелки некоторые солдаты скрылись в лесу, остальных каппелевцы обезоружили и увели в Сим.

— Э-эх, какую силу мы прозевали, — с сожалением сказал

Масленников.

— Да-а, — согласились все, слушавшие сообщение разведчиков.

— Товарищи, а ведь колчаковская-то армия трещит по всем швам! — радостно заключил докладывавший разведчик. — Возможно, в этом есть и наше участие. Помните листовки, которые мы забросили в этот полк?

— Возможно, — согласился Масленников, — но сейчас надо думать, как выручать восставших солдат.

Партизаны задумали рискованную операцию: налететь ночью на поселок и освободить восставших солдат. Но не успели подготовиться, как услышали опять стрельбу. Грохнуло несколько винтовочных залпов, потрещал пулемет и все смолкло.

— Што это? Снова загадка.

Только ночью партизанские разведчики установили, что в трех верстах от Сима по Уфимскому тракту у Глиняного ключа расстреляны обезоруженные солдаты, очевидно те, которые отказались воевать против красных. Трупы лежат в разных местах — на полянке, за ключом, на опушке леса и в лесу.

Тяжелые думы овладели партизанами. Они долго молчали после сообщения разведчиков. И вдруг почти разом взорвались:

— Бить, бить гадов надо! Ведите нас, командиры!

— Товарищи, товарищи! — убеждали командиры. — Рассудите поумнее. Тех солдат, на поддержку которых мы могли рассчитывать, уже нет. Вы представляете, какая армия находится в Симе, если в каждом доме по три-четыре солдата, а может и больше? Да еще какие солдаты! Это ж каратели, палачи, которые будут сражаться до последнего. Что может наша горсточка сделать с такой армией?! Они перебьют наши семьи, прежде чем мы сможем что-либо сделать во время налета. Нет, товарищи, надо мстить им, не вступая в открытую схватку.

Разумные доводы командира сдерживали пыл партизан. Однако все твердо решили не тратить ни одного дня на выжидание, вредить колчаковцам всеми средствами, и разделились на мелкие группы.

— А вам, Петр Михайлович, вместе с Михаилом Ивановичем предлагаю пойти в Катав, — сказал Масленников. — Свяжитесь с Костей Борцовым, договоритесь о выступлении в мае. Это, пожалуй, лучшее время. Пусть он готовит своих к этому времени и свяжется с Саткой и Юрюзанью. Остальным поручаю разыскать в лесу молодежь, скрывающуюся от колчаковской мобилизации, втяните ее в дело. Сам я схожу к Соколову, договоримся о действиях его группы и постараемся встретиться с Рындиным.

Широкий дол опустел.

* * *

Участились выстрелы то с одной, то с другой стороны поселка. Они радовали и пугали рабочих. После таких перестрелок белогвардейцы становились злее. Они каждый день стали водить в умовский дом членов семей, сыновья, мужья, отцы и братья которых скрываются от белых.

Каратели вновь арестовали ранее допрошенных и битых стариков Яковлева, Усачева, Булыкина, Федюкина, Куренкова, Брылкина, Горбунова, Киселева и других, как заложников.

Неспокойный горный округ вынудил колчаковцев держать большие воинские силы в Симе. Контрразведка писала, что Сим является гнездом большевиков. Здесь они еще в 1905 году себя показали. И в семнадцатом году с первых дней революции взяли власть в свои руки. Теперь же раскрыт их заговор. Они готовятся к восстанию. В лесах собираются партизаны. Каппелевцы ждут их наступления на Сим. Однако почему-то большевики не нападают. Вот уже несколько раз они устраивали переполох в поселке, не пропускали казаков по лесной дороге в Миньяр, нападали на солдат егерского батальона, переезжавших в Ерал. Но не идут в Сим. Видимо, знают, что для них здесь приготовлено.

Последняя ночная перестрелка на улицах Сима всполошила командование белых.

— Это, наверняка, разведка боем, прощупывают наши силы и узнают расположение огневых точек. Надо искать большевистские очаги и истреблять, пока они разрознены, — так решили белогвардейские офицеры.

Как только с крыш скатились последние капли растаявшего снега и в лесах появились проталины, каппелевцы ринулись по всем дорогам, идущим из Сима.

* * *

Молодые разведчики прибежали в Широкий дол.

— Товарищ Масленников, на нас напали белобандиты!

— А где Егоров?

— Там остался. Он отстреливается около первой казармы.

— Товарищи, за мной, — крикнул Масленников.

Пятнадцать вооруженных партизан ринулись за командиром. К казарме они подошли осторожно. Кругом тишина и темно. Лишь в стороне от дороги мелькал огонек. На ветке ели горела свеча. Под елью за хвойным бугорком, стоя на коленях, крестилась женщина.

— Ой, кто вы?

— Не бойтесь, мы рабочие. Скажите, кто под хвоей?

— Не знаю, милые. Тут сражался такой черненький, красивый парень. Прими, господи, душу его добрую.

— Вы здесь живете?

— Здесь, добрые люди, здесь.

— Вы видели, кто его убил?

— Солдаты с кокардами. Они на конях приезжали сюда. Он миленький один, а их было много. Стрелял паренек, шестерых свалил.

— Вот что, мамаша, не сможете ли вы съездить или сходить в Сим? У парня осталась мать, расскажите ей обо всем. Мать перевезет его в Сим. Парня звали Петром. Вот адрес его матери.

— Схожу, милые, схожу. А вы кто?

— Мы красные.

— Слава богу, скоро, значит, конец белым.

— Скоро, мамаша. А пока прощайте. Белым не сказывайте, что мы были, а то и мать убьют.

— Будьте спокойны, не выдам.

Партизаны вернулись в Широкий дол.

— Ну, разведчики, теперь докладывайте, — потребовал Масленников.

— Мы хотели сражаться, но Егоров нас прогнал, говорит, бегите в штаб.

— Где вы побывали, с кем встречались?

— Мы встречались с миньярцами и ашинцами. Они рассказали нам, что наши наступают, что к ним приходил из Красной Армии Туманов. Это миньярский большевик. Он увел с собой первый раз 39 человек. Потом пришел еще и увел 150 человек. Первые перешли фронт хорошо, а о вторых еще не знают.

— Вот это новость! Значит, фронт недалеко.

— Ну, а вы что принесли из Катава?

— Мы, — ответил Яковлев, — договорились с катавскими большевиками собрать в начале мая конференцию подпольных организаций Усть-Катава, Катав-Ивановска, Сатки, Юрюзани, Миньяра, Аши и Сима. Борцов обязался созвать делегатов с той стороны, а мы с этой.

Выслушав сообщения разведчиков, партизаны снова разошлись. На прощание Масленников сказал:

— Я встречался с Рындиным. Он рекомендует каждую ночь прощупывать белобандитов в поселке, держать их все время в страхе. Мы с Соколовым сделали одну такую разведку. Ох и всполошились бандюги. Однако за нами не погнались, трусят. Но этот факт на первой казарме говорит о том, что они ищут нас.

Будьте осторожны.

* * *

Когда мартовское солнышко пригрело и снег растаял в лесах, обнаружились следы колчаковских преступлений, скрываемые суровой зимой.

На подошве Лысой горы, вблизи посеки Курчатова, люди увидели изуродованный труп. По голове, отделенной от туловища, они узнали Минцевича, бывшего председателя завкома профсоюза.

Путники, проезжавшие по уфимской дороге, наткнулись на трупы солдат около Глиняного ключа.

В поселке зашумел народ.

В воскресенье ранним утром около кудрявых елей у Глиняного ключа, что в трех верстах от Сима, собрались тридцать мужчин с лопатами и кирками. Они скинули верхнюю одежду и начали копать глубокую яму.

Солнце скоро поднялось над лесом. Часам к двенадцати на лесную поляну пришли из поселка женщины и мужчины, молодые и старые, около тысячи человек. Партизаны на всякий случай расставили посты. Белогвардейцы, боявшиеся столкновения с народом, на похороны не пришли. Мужики подняли с земли трупы и уложили их в общую могилу. На холмик сырой земли, закрывшей неизвестных героев, поднялся бывший председатель Совета Чевардин Василий Андреевич. Народ сгрудился около него и затих.

— Товарищи, — обратился Чевардин, — в эту могилу мы с вами положили 27 братьев, расстрелянных колчаковцами. Сколько таких жертв? Не счесть.

Вы помните таких веселых, молодых и красивых, еще только вступивших в жизнь, Лиду Чевереву и Петю Егорова? Кто отнял у них жизнь? Вы помните отважных, сильных и смелых Василия Тараканова, Родиона Мосура, Александра Минцевича и Василия Разуваева. Кто их убил?! Их убили бандиты, защищающие интересы господ, интересы помещиков и капиталистов!

Товарищи, мстите убийцам, мстите врагам революции, врагам народа! Идите в наши ряды, в ряды борцов за свободу, за власть трудящихся! Близится наша победа. Красная Армия крушит колчаковскую сволочь! Наша освободительница скоро будет здесь! Помогайте ей всеми средствами! Все на борьбу с Колчаком!

Чевардин умолк. В толпе послышались рыдания.

— Не надо слез, товарищи! — крикнул Чевардин. — Мы привлечем убийц к ответу! Мы отрубим головы контрреволюционной гидре! А сейчас поклонимся погибшим и посвятим им прощальные слова:

— Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу…

Чевардин громко запел и из разных мест подхватили партизаны:

— Вы отдали все, что могли за него,
За честь его, жизнь и свободу.

Песня звучала как клятва. И эхо в дремучем лесу повторяло ту клятву.

* * *

Вместе с народом, возвращающимся с похорон, в Сим пришел начальник большевистской разведки Петр Усачев.

Он до позднего вечера переходил из дома в дом надежных земляков. И когда стало невозможным различить в темноте лица, Петр зашел в дом коменданта Изместьева.

— Добрый вечер вам, хорошие люди. Позвольте прохожему у вас переночевать, — сказал Усачев, приоткрыв дверь в избу.

— Петр?! — с изумлением тихо произнес Изместьев.

— Да я, Дмитрий.

— Заходи, закрывай. Зачем ты рискуешь?

— Не волнуйся, друг, тебя не подведу. Зашел в твой дом незамеченным. А у тебя, надеюсь, обысков не бывает?

— Обысков не бывает, пока доверяют.

— Почему пока?

— Да уже либералом обозвали. А я и в самом деле либерал. Сам-то ни в одной операции не участвовал и никого не избивал. Меня уже сняли с поста, хотят перевести куда-то. Что ты мне, посоветуешь, Петр?

— Переходи к нам.

— Нет, ваши не поверят мне: купеческий сынок, белогвардейский комендант. Надо как-то пережить и остаться в стороне.

— Ты, кажется, подумываешь о бегстве?

— Пожалуй, подумаешь, коли бегут верхи. На, вот, почитай выдержки из письма главного начальника Уральского края Постникова по поводу своей отставки.

Усачев взял письмо и углубился в чтение, произнося вслух отдельные строки.

> «…основания следующие: диктатура военной власти… расправа без суда, порка даже женщин… аресты по доносам, преследование по кляузам… Продовольствия… на Урале нет. По рабочему вопросу трения идут все время… Земельный вопрос остается нерешенным… Заводы без средств… Руководить краем голодным, удерживаемым штыками — не могу».

Начальник большевистской разведки Усачев Петр Михайлович.

— Ну, что скажешь на это?
— Да-а, смелое и правдивое заявление.
— Вот то-то и оно-то.

Друзья расстались глубокой ночью.

* * *

В партизанский штаб пришли связные из Катава и Ерала.

— Товарищи, у нас беда, — сказал связной из Катава, еле стоявший на ногах.

— Што за беда? — встревоженно спросил Масленников.

— После отъезда ваших разведчиков, Борцов, Дудин и я пошли для установления связей. Ходили долго. Борцов с Дудиным вернулись домой раньше моего. Их проследили три верховых казака и попытались схватить. Ребята застрелили, казаков, забрали ихние винтовки и скрылись в бане. На стрельбу примчалась рота белогвардейцев. Завязалась перестрелка. Ребята стреляли метко: убили двоих и ранили восемь белогвардейцев.

Потом, сказывали мне люди, Борцов и Дудкин громко кричали: «Вам, господским псам, не видать победы! Красная Армия раздавит вас! Да здравствует революция! Прощайте, добрые люди!»

После этого стрельба прекратилась. Я вернулся домой на третий день. Мне обо всем рассказали. Ну, я сразу же к вам.

— А ты куда ходил?

— В Сатку.

— Што там?

— Там готовилась к восстанию пулеметная команда, которая переведена в Сатку из Златоуста. Мы раньше сговорились с ними. Они пытались втянуть стрелковый взвод, но, видимо, сделали это неосторожно. В этом взводе служили башкиры и, как сказывают, башкирский офицер — сын муллы Ахмадеев пронюхал о заговоре. Пулеметную команду и башкирский взвод расформировали и отправили на фронт. А саткинские подпольщики, боясь провала, скрылись в лесу. Я с ними встретился совсем случайно.

— Плохи дела, товарищи. А что нам скажут связные из Ерала?

— У нас тоже беда. Наши Буяновы Федор Михайлович и Константин Григорьевич, да Балахнин Василий вздумали помыться в баньке, ну и пришли из лесу домой. А их после баньки бандиты сцапали, увезли на станцию Симскую и изрубили. Потом арестовали еще 16 человек, увезли в Бердяуш. Говорят, что и этих расстреляли. А мы убежали в Сим к Брылкину. Он переправил нас к вам.

— Ну, а вы, значит, у нас останетесь?

— Да…

— Скоро в лесу соберется армия партизан, — вмешался в разговор Усачев Петр.

— О-о! Вернулся наш начальник разведки. Наверное, целый воз новостей привез? — воскликнул Масленников.

— Да, привез. Я услышал ваш разговор и спешу добавить. Белобандиты обнаглели. В Симе они обирают население, требуют молока, масла, мяса. А их там скопилось по 20 человек почти в каждом доме. Попробуй, прокорми такую армию. Наши мужики стали протестовать.

— Наш верный осведомитель, — продолжал Усачев, — предупреждает, что в Сим на днях прибудет карательный отряд сербов. Предполагается облава но лесам. Надо всем нашим группам сменить позицию. Есть основание полагать, что белобандиты узнали о наших убежищах. В одной агентурной сводке они сообщают по своим инстанциям, что в районе заводов Аша-Балашевского, Миньярского и Симского в горах находятся группы скрывающихся дезертиров и большевиков, общей численностью до 400 человек. Все скрывающиеся имеют оружие. Как видите, они знают, что мы вооружены и примерно определяют наши силы.

В одной весьма секретной сводке я вычитал очень интересное сообщение о том, что через реку Уфимку переправились 50 конных красных. Они в защитных погонах, без кокард, при 2 или 3 офицерах, среди которых один в чине капитана, другой — поручика. Наружность начальника — высокого роста, худощавый, большие черные усы. Офицеры в шапках сербского образца.

— Вы, понимаете, товарищи, этот конный отряд перебрался в наши края. Значит, Красная Армия где-то близко.

— Ура! — крикнул кто-то из слушателей.

— Не торопитесь кричать «ура», пока не встретили Красную Армию, — остановил Усачев. — Я принес еще интересные записи, их надо переправить Рындину, годятся для листовки. А теперь нам с начальником штаба не мешало бы остаться одним.

* * *

Отряд сербов прибыл в Сим на третий день после того, как Усачев побывал у коменданта Изместьева. Офицер приказал Изместьеву выехать в Омск. Изместьев немедленно уехал. Особо уполномоченный Верховного главнокомандующего потребовал от белой дружины отчет.

— Ну-с, господа, докладывайте, как вы боролись с большевиками?

И не дав «новым жандармам» вымолвить слова, начал их распекать:

— Вы арестовали несколько стариков и держите их до сих пор, вместо того, чтобы расстрелять. Вы поймали трех юнцов, состряпали на них дело, как на организаторов восстания, а главных большевиков не нашли! У них в лесу орудуют партизаны, а они большевиков не найдут! Ждете, сукины сыны, когда вас повесят?! А может, ждете, когда сюда придет ваш земляк Гузаков?! Что рты разинули? Нам известно, что он с отрядом конных пробрался в ваши леса, с целью поднять восстание в вашем тылу. Но не удастся ему это! Мы уже схватили его агента Сверлова, поймаем и его! Вам не дождаться своего Петра Васильевича!.. Молчать! Как вы смеете рты разевать, когда я говорю?! Завтра же ведите сербов к партизанским убежищам! А стариков, которых вы держите как заложников, отправьте на станцию Кропачево.

Ранним июньским утром еле живых заложников вывели из умовского дома. Трое из них — Булыкин, Напалков и Горбунов не могли двигаться.

— Этих полумертвых отдайте родственникам. Они нам уже не опасны. С остальными отправляйтесь пешком, — распорядился уполномоченный.

Конвоиры увели стариков. На двенадцатой версте от Сима три старика — Куренков Иван, Тряшкин Иван и Курчатов Назар попросили отдыха. Конвойный командир приказал им сесть, а остальным идти дальше. Обессиленные легли. А через десять минут конвоиры их расстреляли.

Отчитав «новых жандармов» и отправив заложников, особоуполномоченный позвал к себе управляющего заводом Фирсова.

— Господин Фирсов, я должен вас огорчить. Верховный правитель приказал эвакуировать ваш завод.

Фирсов с перепугу сел рядом со стулом.

— Что с вами, господин Фирсов? — уполномоченный подхватил встающего Фирсова.

— Простите, господин уполномоченный, это так неожиданно. Значит, отступление?

— Да. Вам надлежит забрать с завода все необходимые машины, станки и оборудование. Мобилизуйте все силы на это. Транспорт для вас уже приготовлен. Приступайте завтра же.

Фирсов немедленно объявил приказ об эвакуации завода. Многие рабочие в тот же день ушли из поселка. А оставшиеся приступили к разборке машин и станков. Они так разбирали, что важнейшие части куда-то исчезали.

Одна «бригада» (партизаны Немчинов и Морин) явилась на умовскую дачу. Там она сняла динамо-машину, освещавшую дачу, церковь и умовский дом, и увезла в неизвестном направлении.

При перевозке на железнодорожную станцию с узких платформ то и дело «скатывались» трубы и «падали» станки. Солдаты, помогавшие эвакуировать завод, в поте лица поднимали упавшее, недоумевая: почему все валится.

Каратели рыскали по лесам. Но кроме одиночек, с лисьей ловкостью увертывающихся от карателей, сербы никого не встречали. Ночью в поселке неожиданно появлялись партизаны. Хотя каратели опять же видели одиночек, с какой-то чертовской скоростью скрывающихся в этом дьявольском поселке, но шуму было много. Неуловимые одиночки швырнули гранату даже в клуб, где танцевали офицеры с барышнями. Граната угодила в раму и разорвалась около клуба. Паника была ужасная.

Эсеры Жеребин и Девкин попробовали сунуть свой нос в лес, да там и остались. «Новые жандармы» нашли своих идейных вдохновителей мертвыми.

* * *

С того дня, как стало известно о намерении карателей выловить партизан, лесные люди покинули зимние убежища. Они кочевали по бескрайним лесам, уводили с пастбищ колчаковских лошадей, однако оставляли живыми пастухов. Лесные люди сеяли панику среди колчаковских солдат.

Разведчик Харчеников заметил человека, пробирающегося в сторону пасеки Федюкова.

— Стой, кто идет?

— Я рабочий, а вы кто?

— И мы рабочие.

— Иди сюда.

Человек подошел. Он был в военной одежде.

— Какой же ты рабочий, коли ты солдат?

— Да и вы, я вижу, такие же рабочие, как я.

— Пойдем к нашему начальству, там разберемся.

— Пойдемте, если это начальство такое же, как вы.

Задержанного привели к Усачеву и Масленникову.

— Позвольте прежде мне убедиться, что вы симские товарищи, — сказал задержанный.

— Да, мы симские. Кого вы знаете?

— Я знаю Чевардина и Рындина. А кто вы?

— Усачев и Масленников.

— Очень рад. Я уже несколько дней ищу вас по поручению Петра Васильевича…

— Гузакова? — враз спросили партизаны.

— Да, Гузакова. А я миньярский рабочий Туманов.

— Вот здорово! — воскликнул Усачев, — это ты переводил рабочих через фронт?

— Да. А сейчас мы с Гузаковым привели сюда кавалерийский отряд.

— Ну-у?! Значит это о вас белая разведка доносила, что переправились через Уфимку конные в защитных погонах, без кокард, с тремя офицерами?

— Стало быть о нас. А вам откуда известно?

— На то мы и разведчики, перехватили сводку. Ну, што скажешь нам, товарищ Туманов?

— Реввоенсовет узнал о том, что в Списком горном округе действуют партизаны, ну и приказал нам идти на помощь. Петр Васильевич послал меня за вами. Выступайте, идите к Миньяру. Наши уже близко.

— Вот, товарищи, когда можно кричать «ура», — заметил Усачев.

— Спасибо, товарищ Туманов, — поблагодарил Масленников. — Тебя проводит наш разведчик, а мы начнем действовать.

К Малоюзовской горе со всех сторон спешили лесные люди. Они шли трущобами и по просекам, тропинкам и по лесным дорожкам, пересекали горы, пробирались по ущельям и, наконец, собрались у Кувшинового родника, который напоминал большой глиняный кувшин, наполненный чистейшей прозрачной и холодной водой. Усталые, но радостные партизаны с жадностью пили эту бодрящую воду.

Масленников сообщил им, что Гузаков со своими силами отрезал путь колчаковцам в лесу. Надо немедленно наступать на Сим. А сейчас необходимо избрать командира отряда и приступить к выполнению задачи.

— Бери командование в свои руки, — кричали партизаны.

— Николай Афанасьевич, командуй ты!

— Спасибо за доверие, товарищи, — ответил Масленников, — слушайте мою команду! Разведчики, идите на Уфимский тракт и держите связь с нами по цепочке. Отряду разделиться на десятки, избрать себе командиров и через 30 минут построиться к походу!

Закипела поляна около родника. Через 30 минут командиры отделений доложили Масленникову о готовности партизан к походу.

— Вот наш маршрут, товарищи. Спускаемся по

Малоюзовскому долу на одиннадцатую просеку и по ней до Кленового стойла. Оттуда пойдем к Провальным ямам. Отделениям держать дистанцию сто метров. Вопросов нет? Построиться!

Партизаны вышли по заданному маршруту. Отряд приближался к Провальным ямам. Вдруг в лесу раздался восторженный крик:

— Разведка красных у Глиняного ключа!

Отряд, словно подхваченный вихрем, понесся к ключу.

— Тише, товарищи, без шума! — предупреждал бегущих командир отряда.

Красноармейских разведчиков обнимали, целовали, качали.

— Смирно! — скомандовал Масленников.

Отряд послушно умолк.

— Товарищи красноармейцы, — обратился Масленников, — доложите вашему командованию, что симские партизаны готовы к наступлению. Нам известно расположение огневых точек и сил противника. Мы ждем указания вашего командования.

В полдень первого июля 1919 года к Глиняному ключу подошла третья кавалерийская бригада 26-го стрелкового дивизиона пятой Красной Армии.

Партизаны от удивления застыли на месте. К ним приближались с красным знаменем стройные колонны кавалеристов.

— Вот это сила!..

— Без шума, без шума, товарищи! Не забывайте, что враг близко, — сдерживал порыв партизан Масленников.

Красноармейцы остановили упитанных и подстриженных лошадей и только после команды: «Вольно!» кинулись в объятия партизан.

Командир бригады Каширин тотчас созвал свое и партизанское командование. Масленников доложил о расположении противника и высказал свои соображения о целесообразности ударить по врагу с тыла.

— Быть по вашему! — воскликнул Каширин. — Даю вам взвод, заходите в тыл. Оттуда дадите сигнал красной ракетой и ударим одновременно.

Партизаны разделились. Половина пошла в обход, другая — повела кавалеристов к Симу на исходные позиции.

…Над поселком визжали артиллерийские снаряды. Белые стреляли по поселку с явным намерением уничтожить большевистское гнездо. В поселке вспыхнул пожар. В горящих надворных постройках и домах что-то хлопало, взрывалось, разбрасывая щепы, и ухало. Очевидно, взрывались спрятанные

патроны и гранаты, которых было немало почти в каждом доме.

Вдруг взвилась красная ракета на Лысой горе. На колчаковские батареи посыпался свинцовый град. По поселку покатилось громкое «ур-р-аа!» Вихрем понеслась красная кавалерия.

Колчаковцы увидели, что с фланга по ложбине к Катавской горе на уфимскую дорогу мчатся кавалеристы, правее с гор бегут пехотинцы, с верхней точки Лысой горы строчит пулемет, с фронта донеслось многоголосое «ура».

Белогвардейцы в панике кинулись вверх по тракту, бросая пушки и пулеметы. А красные «клещи» сжимались.

Пулемет с Лысой горы перенес свой огонь на ту часть отступающих, которая бежала впереди всех. По бокам узкой дороги, зажатой между гор, образовался живой частокол поднятых рук.

На улицы Сима высыпал ликующий народ. Там и тут слышались возгласы:

— Глядите, глядите, пленных гонят! Что, довоевались? Мошенники!

Горы доносили эхо удаляющихся выстрелов и взрывов. В поселке становилось все тише и тише. Спокойно уснул освобожденный народ.

* * *

Июльское солнце ласково заглянуло во все дома. От дома к дому перебегали вестовые, приглашавшие всех граждан на митинг.

Со всех сторон на церковную площадь потекли пестрые оживленные говорливые группы по-праздничному одетых людей, большинство мужчин было в красных рубашках, а женщины в красных платочках.

Над умовским домом взвился красный флаг. На балкон, обращенный к площади, вышел высокий, стройный человек в форме красного командира. Он снял фуражку, поправил пышные волосы, погладил черные усы и поднял правую руку. По огромной толпе с шумом прокатилось одно слово: «Гузаков!»

Гузаков помахал фуражкой, прося народ успокоиться. Толпа постепенно утихла.

— Родные мои земляки, здравствуйте!

— Ур-р-а-а! Здравствуй, Гузаков! Нашему красному командиру ура! — кричали в ответ.

— Дорогие товарищи! — продолжал Гузаков, — рабоче-

крестьянская Красная Армия гонит колчаковцев на всех фронтах. Близится день полного освобождения России!

Снова громовое «ура» прокатилось по площади.

— Наша Коммунистическая партия во главе с великим Лениным ведет советский народ к окончательной победе! Мне приятно поздравить вас с освобождением. Приятно сообщить вам, что слава о наших земляках гремит по всей нашей стране. Всем вам известный большевик, наш симский слесарь Александр Михайлович Чеверев, нынче герой штурма Ижевска и талантливый командир полка награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами, а его полк — Красным Знаменем!

— Слава Чевереву! — кричали рабочие.

— Товарищи, я с радостью сообщаю вам также о том, что именно нам, вашим землякам, правительство доверило перевозку золота — богатства страны из Самары в Казань и доставку последнего царя из Тобольска в Екатеринбург. Я сопровождал этого палача и еле сдерживал свое желание задушить кровавого самодержавца, погубившего моего незабвенного брата. И вот сбылось мое желание. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года екатеринбургские большевики расстреляли царя Романова Николая и его семью.

По толпе словно шум большой морской волны прокатились одобряющие аплодисменты.

— Товарищи, мы потеряли в боях много наших земляков и еще могут быть жертвы, пока не окончена война. Не забывайте имен своих освободителей, помогайте осиротевшим семьям красноармейцев. Нашей армии нужно пополнение. Позвольте надеяться, что симцы, всегда славившиеся своей революционностью, пополнят ряды рабоче-крестьянской Красной Армии! Меня Реввоенсовет уполномочил призвать добровольцев. Мне также поручено организовать Совет в Симе, восстановить Советскую власть! Да здравствует Совет рабочих и крестьянских депутатов! Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия! Да здравствует Коммунистическая партия и ее вождь великий Ленин!

Народ бурно и долго аплодировал.

На балкон вышел Рындин, которого все знали в семнадцатом году как председателя заводского партийного комитета. Он огласил проект решения. Участники митинга единодушно приняли такой текст:

«Мы рабочие Симского завода, освобожденные после двенадцатимесячного рабства, шлем свое пролетарское спасибо борцам за коммунизм, бойцам Красной Армии

за их самоотверженную героическую борьбу и клянемся стать в первых рядах сражающегося пролетариата, чтобы окончательно раздавить врагов рабоче-крестьянской власти, чтобы освободить Сибирь и идти на помощь рабочим и крестьянам, где бы они ни боролись. Все в Красную Армию!»

— Товарищи, — обратился Гузаков, — прошу добровольцев прийти сюда завтра с утра. А сейчас прошу коммунистов остаться. Митинг окончен.

Коммунисты перешли в пустующий дом Подушкина, сбежавшего с белыми.

— Ну, товарищи, — сказал Гузаков, — приступайте к организации своего комитета, выдвигайте председателя Совета, организатора Союза молодежи и товарища, которому поручите руководство восстановлением хозяйства.

Собрание единогласно выдвинуло на пост председателя Совета рабочих депутатов коммуниста с 1906 года, бывшего политкаторжанина Зайцева Григория Андреевича. Членами партийного комитета избрали Масленникова, Усачева, Лаптева, Яковлева. Поручили организовать коммунистический Союз молодежи Масленникову, который в 1917 году был избран председателем социалистического Союза молодежи. Заняться восстановлением заводского хозяйства поручили слесарю Назарову Василию Николаевичу. Рекомендовали председателем заводского комитета профсоюза Парова Дмитрия Павловича, члена партии с 1915 года, членом завкома Горбунова Кузьму Дмитриевича, члена партии с 1905 года.

Первый председатель Совета в 1919 году Зайцев Григорий Андреевич (фото 1919 г.).

На другой день к Гузакову явилось триста добровольцев. Это были, главным образом, юноши от 18 до 22 лет.

— Товарищи, прошу прежде выполнить одно задание, — предложил Гузаков, — Соберите оружие и обмундирование, розданное населению в июне 1918 года. Принесите все в умовский дом.

Молодежь разошлась по поселку. Вскоре на улицах появились подводы, нагруженные винтовками, тюками, ящиками, связками и узелками. Народ сохранил доверенное имущество.

Гузаков вооружил и отправил 800 добровольцев.

Добровольцы Красной Армии.

МЫ КУЗНЕЦЫ…

Третий месяц они не работали. Бывший управитель завода Фирсов не выдал зарплату за май, а в июне закрыл завод. Каждый оставшийся в Симе работник стал копошиться дома, изготовляя какой-либо предмет для обмена в деревне на продукты. Так потекли дни, пока вновь не позвали народ большевики.

— Граждане, — обратился к мужчинам и женщинам, созванным на поселковое собрание, Рындин.

— Мы выдвинули на хозяйственную работу слесаря, побывавшего в колчаковской тюрьме, Назарова Василия Николаевича. Знаете его?

— Знаем Назарова, знаем!

— Так вот, ему мы поручили заняться восстановлением завода. Но без вас он ничего не сможет сделать. Помогите ему найти спрятанное оборудование и приступайте к работе. Знаю, что больше половины оборудования увезли колчаковцы. Но сырье и некоторые заготовки для производства военных повозок осталось. Вот и начинайте с этого.

— А инструментов-то нету?

— Да, инструментов нет. Рассчитываем на вашу помощь.

— Понимаем, все понимаем. А скажи, какой порядок будет?

— Порядок тот, который мы с вами установили в 1917 году. Будете работать по 8 часов и получать по расценкам того года.

— Это хорошо. Открывай завод, — дружно потребовали рабочие.

На другой день распахнулись заводские ворота. В них гурьбой вошли старики и подростки, женщины и девушки. В руках — у кого топор, у кого молоток, зубило, клещи, пила, фуганок и даже гвозди. Все пришли со своими инструментами. А старый кузнец Мызгин, кроме кувалды, принес еще косу.

— Дядя Миша, а косу-то зачем? — спрашивали ребята.

— Э, детки, бурьян скосить нужно.

Заскрипели двери заводских корпусов. Из-под цеховых крыш в воздух с шумом поднялись воробьи. Их спугнули хозяева завода. Они очищали цеха, лазили на крыши, заглядывали в трубы, опускались в канаву и даже в воду близ плотины, искали железо, чугун, гвозди, оборудование и некоторые заготовки — колеса, оси, тес.

Вот у канавы, прошедшей через завод, послышалась команда: «Раз, два, взяли! Еще раз взяли!» Группа пожилых мужчин вытащила тяжелую наковальню. В куче мусора женщины нашли рессоры. Из-под теса ребята выволокли оси. Все, что находили,

несли в цехи.

Всюду слышались смех и одобрительные возгласы: «Эй, Маша! Гордость наша, не надорвись, за тяжелое не берись!»

А молодежь сновала всюду с песней:

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.

В кустах, около рельсовой дорожки, недалеко от железнодорожной станции Симской нашли несколько станков по обработке металла и дерева. В лесу, за вторым Песочным ключом, обнаружили динамо-машину, увезенную с умовской дачи. В разных местах на заводе собрали сотни пудов чугуна, сортового железа, нашли и тес, и строительный лес. Уже в июле приступили к работе сборочный, механический и кузнечный цехи.

В сентябре жители Сима были изумлены: пятидесяти домам дали небывалый свет. То, что жители Сима видели только в домах Умова, теперь появилось на заводе и в квартирах у рабочих.

По воскресениям молодежь помогала осиротевшим семьям: пилили дрова, ремонтировали жилище, трудились в огороде. Запевалой в общественном труде стал коммунистический Союз молодежи. Юноши и девушки охотно шли в этот Союз, хотя некоторых не пускали родители.

* * *

Рабочий клуб засиял электрическим светом. Здесь Совет открыл народную школу, в которую в первый же день пришло более двухсот человек.

Коммунисты и комсомольцы налаживали жизнь в поселке. Но с наступлением зимы в Сим пришла новая беда. Многие жители заболели тифом. Единственная больница была переполнена, пришлось занять пустовавшие дома, хозяева которых убежали с белыми.

Беда, как говорят в народе, не ходит в одиночку. И на Сим обрушилось еще одно бедствие — голод.

Коммунисты вступили в борьбу с этим страшным врагом.

Зайцев вызвал в Совет местных купцов Зубкова, Растегняева, Храмова, Полякова, Шарыпова и Шашкина.

— Скажите-ка мне, почтенные, почему вы не торгуете? Ах, нечем. А тайком продавать втридорога кое-что находится? Так

вот знайте — за спекуляцию будем привлекать к ответственности. У вас имеются излишки хлеба и продовольствия. Сдайте их по государственной цене кооперативу. Своим семьям оставьте хлеба не больше нормы, которые вводятся для всего населения. Не сдадите — отнимем. Спрячете — найдем и бесплатно возьмем. Даю вам для сдачи два дня. Вы меня поняли?

Купцы молчали. Они поняли, что придется хоть что-нибудь сдать, иначе этот глазастый черт отберет все.

— И еще один вопрос, — продолжал председатель Совета. — Вам известно, что на заводе не хватает рабочей силы? Ах, нет. Так вот я вам говорю: на заводе мало рабочих, Красная Армия требует от нас больше повозок. А мне известно, что в ваших семьях много бездельников. У вас имеются лошади. Между тем, трудовая повинность, введенная Советской властью, распространяется на всех. С сего дня вы будете возить лес на завод и вывозить с завода на станцию готовую продукцию. Не подчинитесь, отберем лошадей, имущество и самих отправим на «заработки». Поняли?

Купцы ерзали на стульях, но не посмели возразить.

Вскоре в кооперативе появились в малом количестве мука, крупа, сахар, соль, мясо, сданные купцами, а на заводе — лесовозы.

Кооперация активно взялась за организацию снабжения населения продовольствием.

* * *

Новый 1920 год с первых же дней принес радостную весть — колчаковская армия разбита, Колчак расстрелян.

«Ждите домой», — писали красноармейцы.

Местный кооператив закупил много хлеба. Рабочие получили первый паек продовольствия.

Однако заводу стало труднее. Израсходованы запасы сырья и заготовок. Резко сократился выпуск продукции. Упал заработок рабочих. Завод оказался в долгу у заказчиков.

— Надо искать и вернуть моторы, турбины, машины, — высказывал свои соображения парткому Назаров, — надо ходатайствовать о возврате из армии наших специалистов, просить соседние заводы о помощи.

В этот час в партком пришел почтальон.

— Телеграмма заводскому комитету. Кому вручить?

— Видимо, тебе, товарищ Паров, прими, — сказал Рындин.

— Ура, товарищи! — крикнул Паров, развернувший телеграмму. — Эвакуированные оборудование и рабочие

находятся в Ачинске.

— Вот это помощь! — воскликнул Назаров.

Весть о том, что эвакуированное имущество завода возвращается, обрадовала всех симских рабочих. Они энергично взялись за подготовку цехов к восстановлению оборудования и сами начали заготовлять сырье.

ПОБЕДИТЕЛИ

Возвратившиеся воины влились в рабочую среду. На всех участках появились опытные, знающие дело, высокосознательные люди. Забурлила жизнь в Симе, Восстановили завод, запаслись сырьем для производства, увеличили выпуск продукции, организовали подсобное хозяйство, посеяли пшеницу, посадили картофель, овощи, развели пчел, улучшили снабжение населения продовольствием. В долине весело запел заводской гудок.

Но партия вновь позвала рабочих на помощь. Правительство разослало по деревням продовольственные отряды, чтобы собрать излишки хлеба у кулаков. Губернский комитет партии предложил и симским рабочим сформировать такой отряд и послать в Курганский уезд.

Добровольцев оказалось больше, чем просил губком. Завком послал одного от каждых 25 рабочих. Командиром отряда назначили Пьянова Семена и комиссаром Напалкова Петра — комсомольцев, окончивших в Уфе краткосрочную школу командиров Красной Армии.

От отряда долго не было вестей. Газеты сообщили, что в промышленные центры хлеб пошел и из Курганского уезда. Но он добыт ценою крови: убиты Пьянов и Напалков. В селе Петухово вспыхнуло кулацко-казацкое восстание. Штаб продовольственного отряда схвачен и растерзан восставшими. Бандиты спустили в глубокий колодец живым Пьянова. Озверевшие кулаки связали руки, ноги Напалкову Петру и уволокли его за деревню. Они учинили чудовищную расправу над юным коммунистом: пилой отпилили ноги еще живому Петру и издевались над ним до тех пор, пока всего не распилили на части.

Это известие поставило на ноги весь поселок.

— Отомстим бандитам за наших земляков! Командиры, ведите нас в бой против зверей-кулаков! Все пойдем на подавление восстания! — кричали рабочие.

— Товарищи, успокойтесь! Правительство уже послало туда красноармейцев. Мы не успеем и собраться, как они очистят землю от бандитов, — разъяснил рабочим партизанский командир Масленников.

Рабочие вынесли гневное решение, требующее расстрелять всех участников восстания. Профсоюзный комитет организовал материальную помощь пострадавшим семьям.

* * *

В октябре 1922 года Красная Армия очистила от интервентов последний участок русской земли, освободила Дальний Восток. В декабре состоялся первый Всесоюзный съезд Советов, объединивший всю страну в Союз Советских Социалистических Республик. Жизнь в стране закипела с новой силой. Дни потекли, как вода в речке Сим, бурные и светлые.

Семен Пьянов (фото 1919 г.).

Петр Напалков.

ЭПИЛОГ

Скорый поезд шел из Москвы в Челябинск.

В купе мягкого вагона нас было четверо. Обычно в пути пассажиры скоро знакомятся. И я узнал, что два пожилых попутчика едут до Уфы, оба инженеры — один машиностроитель, другой — ашинский металлург. На верхней полке надо мной расположился молодой симский рабочий. Все они, как и я, ехали здесь не впервые и потому не глядели в окна, а занялись каждый своим делом.

Я достал только что купленную книгу. Взглянув на интригующее название книги и на огромную белую бороду ее автора, я принялся за чтение. Читал молча, но громко вздыхал и даже ударял кулаком по столику, забывая, что и вагоне не один.

— Позвольте узнать, что за книга, которая вас так взволновала? — спросил мой сосед.

— Пожалуйста. Она называется «Ни бог, ни царь, и не герой».

— И над чем же вы рассмеялись?

— Хотите послушать?

— Да, прочтите, пожалуйста.

И я, пропуская отдельные строки, прочитал вслух то, что меня рассмешило:

> «По дороге я завернул в кондитерскую и купил три французских булочки. Приказчица положила мне их в какой-то яркий пакетик и перевязала цветной ленточкой.
>
> Дохожу до знакомых ворот, — вижу — ведра у крыльца нет. Значит, все спокойно, можно входить.
>
> Минуя сенцы, распахиваю дверь и… превращаюсь в соляный столб. В комнате полно полиции. Обыск!
>
> Все уставились на меня. Городовые — знакомые все лица! Оцепенели: видно не позабыли, как боевики ведут себя в таких переделках.
>
> Молнией мысль: «Что делать?! Сразу уйти — поймут, что бегство. А с фараонами как со злыми собаками: бежать от них нельзя — покусают.
>
> Спокойно обращаюсь к «хозяйке»:
>
> — Здравствуйте, мадам. Вы обещали мне мой заказ приготовить к пяти часам.
>
> Стеша уже успела прийти в себя, спокойно отвечает:
>
> — Извините, сударь. Видите, у нас гости. Прошу вас, зайдите завтра утром.
>
> — Хорошо, — говорю. — До свидания. —

Поворачиваюсь, как ни в чем не бывало и не торопясь шагаю к выходу, а сам так стиснул в кармане рукоятку револьвера что потом три дня пальцы болели.

Спиной, аж до мурашек, ощущаю окаменевшие взгляды полицейских. А вдруг бабахнут прямо в затылок?

Нет, не посмели.

Прохожу ворота. Вижу, стоят шпик и городовой. Остановят?.. Нет, пропустили! Но осторожно пошли следом.

Ступаю вразвалочку, не подаю вида, что замечаю их. Сворачиваю на Пушкинскую. На улице много народу: идут с работы и на работу. Вот уже миновал целый квартал, дошел до завода.

Полицейских набралась целая толпа. Слышу, начинают заливаться их свистки. Приближаются.

Что за дьявол, почему мне не удается затеряться среди массы так же, как я, одетых людей? Чуть не хлопаю себя по лбу: «Вот дурак! Цветной пакетик! У меня же особая примета, словно маяк для фараонов!»

Кажется, дело швах! Придется все-таки отстреливаться.

Поворачиваюсь и со злостью со всего размаха швыряю злополучные булки в преследователей. И неожиданный эффект!

— Ложись! — диким голосом завопил кто-то из полицейских. — Бомба!

Все городовые мигом растянулись на панели. Попадали ничком и прохожие. Вот так да!..»

Я замолчал. Мои попутчики громко рассмеялись.

— Это, значит, в Уфе дело-то было? — спросил машиностроитель.

— Да, в Уфе. А автор-то симский. Слышите, молодой человек, автор-то ваш земляк и пишет о себе.

— Интересно, кто же? — спросил симский рабочий.

— О-о! Это, брат, богатырь революции Иван Михайлович Мызгин. Вот что о нем сказано в этой книге:

«Иван Михайлович пережил около двадцати арестов и обысков, отсидел 7 раз в тюрьмах Уфы, Златоуста, Либавы, Красноярска, Александровки. Шестнадцать раз бежал из полицейских участков и тюрем, был осужден на каторжные работы, дважды был сослан и бежал из ссылки, пройдя пешком свыше восьмисот километров по

глухой сибирской тайге. Дважды был приговорен колчаковской контрразведкой к расстрелу, участвовал в боях с белочехами, колчаковцами и кулацкими бандитами. Для одной человеческой жизни это больше, чем достаточно!»

— Да, безусловно достаточно, — согласились мои собеседники. — А где теперь он?

— Он живет в кубанской станице Динской, Краснодарского края.

Мы долго говорили о старейших коммунистах, ветеранах трех революций и гражданской войны, слава о которых никогда не померкнет в советской стране.

Симский рабочий рассказал нам о том, что в Симе помнят Мызгина, как лучшего друга незабываемого революционера Гузакова Михаила. Ашинский металлург сообщил, что в Аше живет подруга Гузакова — старейшая революционерка, учительница Вера Никитична Кувайцева.

— Таких подруг, товарищи, надо поискать. Она всю жизнь посвятила Михаилу Гузакову.

В Уфе мы расстались с двумя попутчиками. Я выглянул в окно. Вдруг меня словно обожгло. Я увидел белую бороду, точно такую же, как у автора прочитанной книги. В окружении пионеров и старичков к нашему вагону подошел высокий, широкоплечий человек преклонных лет в черном костюме, в сапогах, с тросточкой в правой руке, с орденом Ленина на груди. Он не по годам был стройный, подвижный.

Раздался гудок. Старик тряхнул седой бородой, махнул приветливо рукой и бодро вошел в вагон. Поезд тронулся. Я стоял, как завороженный. Но не смог удержаться от вопроса:

— Простите, если я не ошибаюсь, вы Мызгин Иван Михайлович?

— Да, вы не ошиблись. Но я вас не помню. Откуда вы меня знаете?

Я показал книгу. Мызгин улыбнулся.

Симского рабочего словно кто столкнул с верхней полки. Он выпрямился перед Мызгиным и по-военному отрапортовал:

— Позвольте представиться, я правнук бабушки Волковой, у которой в бане вы выпускали листовки в 1914 году. Правда, меня тогда еще не было и бабушка умерла раньше чем я родился, но о ней и о вас я много слыхал.

— Здравствуй, здравствуй, мой дальний родственник! — Мызгин обнял молодого рабочего и прослезился.

Я поспешил отвлечь старого революционера от дум,

вызвавших слезы.

— Иван Михайлович, вы, вероятно, решили навестить родные края?

— Да. Вот заезжал в Уфу, а сейчас направляюсь в Сим.

— О-о! Вот радость для земляков! — воскликнул симский рабочий. — Через сколько же лет?

— Да вот, с 1914 года я не бывал.

— Ну, теперь наш Сим не узнать, — с гордостью сказал правнук. — Теперь наш Сим — город! Он весь электрифицирован, радиофицирован. Телевизоры в домах, а на Шелывагиной горе мы сами построили телевизионный ретранслятор, принимаем передачи из Уфы. По имени вашего незабвенного друга Михаила Гузакова названа улица. Как она прежде называлась? Кажется, Подлесная. Но на ней теперь вместо прежних, вросших в землю избушек выстроены благоустроенные дома с центральным отоплением, с водопроводом и со всеми удобствами…

— Патриот Сима, кажется, намерен сделать доклад на тему: «Сим сегодня», — заметил я, полагая, что это утомляет старика.

— Я рад этому, слушаю как чудесную музыку. Не смущайся, дорогой правнук, рассказывай. — Мызгин ласково хлопнул по плечу рассказчика.

— …В городе есть, — продолжал рассказчик, — поликлиника, больница с большим штатом медиков, пункт скорой помощи, аптека, эпидемическая станция…

— А в годы моей юности, — сказал Иван Михайлович, — в Симе была на весь горный округ одна больница с одним врачом, пятью разъездными фельдшерами, с аптекарем, экономкой, поваром, прачкой и четырьмя сторожами.

— У нас есть теперь кинотеатр и кинопередвижка. А Народный дом расширили. К прежнему деревянному дому пристроили кирпичное здание, в котором устроили большой зал и комнаты для заводской самодеятельности, да разместили библиотеку. Вообще-то в городе восемь библиотек. Есть стадион и шесть спортивных площадок. По городу и до железнодорожной станции ходят автобусы.

— Позволь, дорогой, а узкоколейка, по которой на лошадях катались маленькие платформы, што, убрана?

— Нет. Но по ней ходят пассажирские вагончики и водит их маленький паровоз.

— А ремесленная школа сохранилась?

— Это которую еще Умов выстроил? Сохранилась. К ней сделали такую же пристройку. Теперь называется училищем и учится в ней более трехсот человек. В городе есть еще школа рабочей молодежи, в которой учится около пятисот человек. Есть

строительная школа, техникум и в начальных школах учится около двух тысяч.

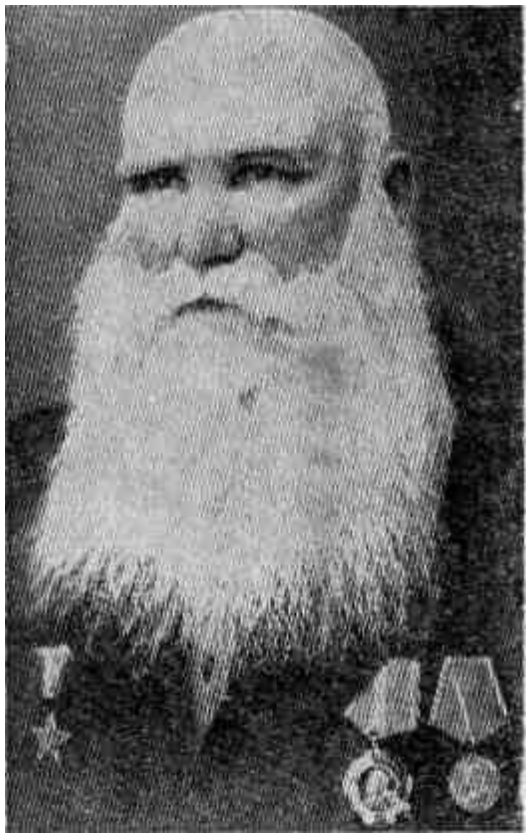
— Вот это размах! — воскликнул Мызгин.

Я заметил, как блестели глаза старика. Он весь был поглощен рассказом правнука.

— Ну, а народ-то как живет?

— Хорошо, Иван Михайлович! Вот, к примеру, скажу. По городу раскатывают десятки личных мотоциклов и легковых машин.

Поезд подходил к станции Симской. Я решил воспользоваться счастливой случайностью, покинул купе и поехал в Сим вместе с Иваном Михайловичем.



Иван Михайлович Мызгин в возрасте 75 лет.

Мызгин посмотрел вслед удаляющемуся поезду, обвел взглядом вокруг и сказал:

— Здесь в те годы было только три избушки, да конторка заводского надзирателя, а теперь поселок. Ну, веди нас, дорогой родственник, к заводской железной дорожке.

Вскоре ухнул негромкий гудок, дрогнул чистенький светлый вагончик, и мы покатились по узкой рельсовой дорожке. Иван

Михайлович беспрерывно смотрел в окна, переходя со стороны на сторону.

— О, как далеко отступил лес, — говорил Мызгин. — А это што за постройки? Раньше за мостом по эту сторону реки ничего но было.

— Здесь строится медицинский городок. Говорят, что этот район города уже больше прежнего симского поселка.

— Спасибо, правнук, ты меня порадовал. Вижу, хорошо знаешь свой город. Ну, нам пора расставаться. До свидания.

В Симе Мызгин уверенной походкой направился в старинный дом покойного отца, к брату.

Вечером симские труженики собрались в рабочем клубе. Зал был настолько переполнен, что мне пришлось стоять за колонной.

На трибуну вышел Иван Михайлович Мызгин. Рабочие встретили его бурной овацией. Он долго не мог начать речь. Наконец поборол свое волнение и громко сказал:

— Родные мои земляки, дорогие товарищи! От радости, переполнившей сердце, я не могу спокойно говорить. Простите слабость старика.

Мызгин негромко кашлянул, посмотрел вокруг, тяжело вздохнул и замолчал. Казалось, он забыл о том, что стоит на трибуне. Волна нахлынувших воспоминаний захлестнула его и понесла… Нелегальные собрания, маевки, забастовки, схватки с жандармами, разоружение полиции, добывание динамита, приготовление бомб, выпуск листовок, перевозка оружия и запрещенной литературы из-за границы, освобождение революционеров из тюрем по поручению партии. Сколько погибло друзей в боях за свободу… — все всплыло в памяти старого революционера Мызгина.

Горячая слеза скатилась на седые усы Ивана Михайловича. Буря аплодисментов прервала его воспоминания. Он снова увидел своих земляков. Среди них мало тех, кто пережил царскую неволю. Как им передать все то, что он пережил за долгие годы упорной борьбы с царизмом и врагами революции?

Мызгин тряхнул своей бородой, оперся правой рукой на трость, а левой на трибуну и, пересиливая вдруг появившуюся хрипоту, сказал:

— Товарищи, я понимаю вас. Вы хотите услышать от старика многое. Но я не в силах передать вам все, што вспомнил, што почувствовал при встрече с вами. Я пытался изложить свои воспоминания на бумаге, написал книгу, но в ней и половины пережитого не описал. Если у вас будет желание, то почитайте эту книгу. А сейчас о себе и говорить не буду. Скажу о тех, кого вы должны знать и никогда не забывать. Вы помните братьев

Гузаковых? Из них в живых остался младший, Петр. Я встречался с ним в уфимской тюрьме. После того, как палачи вырвали из жизни Михаила, мальчик тогда поклялся отдать всю свою жизнь борьбе за дело, за которое без страха погиб его брат. Сейчас я рад сообщить вам, что Петр свою клятву сдержал. Вы знаете его. Он был вдохновителем симцев в решающих битвах за Советскую власть. И вот через много лет я опять встретился с ним, он уже в Москве. Петр Васильевич стал государственным деятелем — работником Центрального Комитета нашей Коммунистической партии. Вон куда взлетел наш орленок. Там же в ЦК Петр свел меня с Алексеем Андреевичем Чевардиным. Я с радостью обнял бывшего узника, которого в 1906 году вырвал и на своих руках утащил из уфимской тюремной больницы, и он тоже работник Центрального Комитета.

Вот как жизнь-то повернулась, товарищи.

От них я узнал, что наша старейшая организация большевиков Сима вырастила много государственных деятелей. В Москве в тот год я встретил своего соратника — Павла Платоновича Лебедева. Он работал в центральных органах государственной безопасности. Я побывал, там же в Москве, у бывшего участника восстания 1906 года, потом каторжанина Ильи Федоровича Салова, который стал заместителем председателя коллегии Министерства социального обеспечения. Вы помните первого председателя кружка большевиков 1914 года Напалкова Ивана Дмитрича? Он тоже в Москве, стал управляющим трестом лесной промышленности республики. А первого организатора комсомола в Симе Масленникова Ивана Федоровича? Он стал директором научно-исследовательского института станкостроения и лауреатом.

Мне довелось повстречаться и со своим первым идейным вдохновителем, который во все подпольные годы был вожаком симских большевиков, с Васюхой, то есть с Василием Андреевичем Чевардиным. Он возглавил Уральский музей революции в Свердловске.

Вот, мои дорогие земляки, какие люди расчистили симцам путь в светлую жизнь.

Мызгин помолчал, потом вдруг, как бы вспомнив, поднял руку и сказал:

— Или вот еще. Разве нельзя гордиться такими земляками, как Рындин Кузьма Васильич, который был первым председателем Симского парткома в 1919 году, а потом избран в члены ЦК нашей партии, был секретарем Московского комитета, позднее стал первым секретарем обкома партии Челябинской области.

Я не в состоянии перечислить всех земляков, чьи имена стали известны всей стране. Они подготовили себе достойную смену, которая сейчас творит чудеса.

Слушатели шквалом аплодисментов реагировали на слова старого коммуниста, который с гордостью говорил о своих земляках, умалчивал о себе, хотя вся его жизнь является образцом беззаветного служения народу.

Мызгин положил бамбуковую тросточку на трибуну и вновь заговорил:

— Молодые люди, понимаете ли вы причину моего волнения? Вам, особенно родившимся в советское время, все перемены в жизни кажутся обычными. Вас уже не удивляют машины, радио, телевидение и даже искусственные спутники, кружащиеся вокруг Земли. Бурный рост родного города вы считаете явлением само собой разумеющимся. А вот мне, прожившему здесь около тридцати лет и вновь приехавшему сюда через сорок шесть лет, резко бросаются в глаза все перемены, происшедшие за эти годы, и я радуюсь этому.

Сегодня я побывал на родном заводе. Скажу вам откровенно: я его не узнал. Теперь каждый цех больше прежнего завода. Длинные светлые корпуса, в которых работают сотни чисто одетых людей, совершенно но похожи на прежние, темные, дымные, душные и тесные цеха, с десятками рабочих в засаленной одежде. В корпусах я не видел трансмиссий, то есть устройств в виде вала с приводными ремнями, прежде хлопавшими по шкивам возле каждого станка. Сколько было раньше несчастных случаев около шкивов? А теперь, смотрю, стоит безусый молодец, нажимает пальцем кнопку и станок крутится.

На том месте, где коптил умовский заводишко, в котором я начал трудовую жизнь, вырос наш бездымный заводище! Ну как мне не радоваться, дорогие земляки!

Мызгин умолк, а по залу понеслась буря аплодисментов. Народ, стоя, горячо приветствовал в лице ветерана трех революций и гражданской войны все поколение старейших борцов за народное счастье, за коммунизм!

notes

Примечания

1

В. И. Ленин, т. 29, издание 3, стр. 428, или «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», Свердловского издательства, 1959 г., стр. 72.